

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BX

494

.T7

S4

B 472050

DUPL

Елс

Проф. А. М. Селищевъ.

ЗАБАЙКАЛЬСКІЕ СТАРООБРЯДЦЫ.

Семейскіе.

Издание Государственного Иркутскаго Университета.

Зорая

Г. Иркутскъ, 1920.

Парвая типографія общаго употребленія «Сибирское Книжное Дѣло»

Prof. A. M. Solov'ev
Проф. А. М. Солищевъ.

213

Байкальскіе *Семейскіе*
Забайкальскіе старообрядцы.

СЕМЕЙСКІЕ.

Семейскіе

Вспомни нищету мою и гонение мое.
Я вспоминаю горечь и желчь мою,—
стѣснена во мнѣ душа моя (Иеремія, Плачь III 19—21).

Изданіе Государственнаго Иркутскаго Университета
Изданіе Государственнаго Иркутскаго Университета.

Иркутскъ
Г. Иркутскъ, 1920 г.

BX

414-

T7

S4

10

I

Весною 1919 г. Совѣтомъ Государственнаго Иркутскаго Университета и Средне-Сибирскимъ Отдѣленіемъ Института изслѣдованія Сибири я былъ командированъ съ научною цѣлью въ Забайкалье. Своей задачей я поставилъ ознакомиться съ языкомъ и укладомъ жизни старообрядцевъ, такъ называемыхъ «семейскихъ» Верхнеудинскаго уѣзда. Имѣя въ виду условія и обстоятельства переживаемаго времени, въ особенности въ Забайкальѣ, я долженъ былъ по возможности принять мѣры къ болѣе или менѣе безопасному странствованію по мѣстности, гдѣ еще недавно происходили полныя ужаса экзекуціи карательныхъ отрядовъ. Сочувственно къ моей командировкѣ отнеслась Верхнеудинская Земская Управа, очень облегчившая мои разъѣзды по селамъ уѣзда. Свидѣтельствую гг. членамъ Управы мою глубокую благодарность.

3 дня (27—29 мая), проведенные мною въ Верхнеудинскѣ, этомъ городѣ песку и пыли, были заняты подготовкой къ отъѣзду и предварительному ознакомленію съ настроеніемъ деревни. Свѣдѣнія, полученныя мною, были неутѣшительны: какъ въ городѣ, такъ и въ селлахъ настроеніе было напряженное: столкновенія «семеновцевъ» съ американцами, привозъ бурятскаго «царя» и его министровъ, разговоры о разныхъ «конфликтахъ» сгущали городскую атмосферу. Къ тому же съ запада свѣдѣнія доходили скудныя: иркутскія газеты не допускались къ обращенію въ Верхнеудинскѣ. Только изъ-подъ полы я доставалъ у старика-газетчика «Свободный Край»; «Наше Дѣло» совсѣмъ не получалось имъ. Не рискованно ли мое путешествіе по уѣзду? —освѣдомился я у и. о. начальника милиціи.—«Относительно всѣхъ мѣстностей опредѣленнаго отвѣта я дать не могу. Во всякомъ случаѣ чины милиціи будутъ освѣдомлены о Вашей поѣздкѣ и окажутъ Вамъ свое содѣйствіе». Въ воскресенье, 1 июня, утромъ я отправился въ путь. Въ огромной колымажѣ, на подобіе той, въ какой кочуютъ цыгане со всѣмъ своимъ скарбомъ, я потянулся на югъ. «Трактовая», или вѣрнѣе узкая песочная дорога между нависшимъ ельникомъ, о сучья котораго цѣплялась моя колымага, шла среди песчаныхъ холмовъ, поросшихъ деревьями. Недалеко въ сторонѣ разстился дымъ отъ лѣснаго пожара. Въ с. Саянтуй, Вахмистерово тожъ, находящемся въ 16 в. отъ Верхнеудинска, я смѣнилъ лошадей и направился въ старообрядческое село Тарбагатъ или, по мѣстному произношенію, Тарбатъ. Большая часть пути туда идетъ мимо голыхъ высокихъ горъ, отчасти приспособленныхъ подъ пашню. Только справа среди зеленыхъ береговъ блистаетъ на солнцѣ Селенга. Солнце пекло, а вѣтеръ поднималъ столбы пыли, застилавшіе мою убогую на этотъ разъ телѣжку. Мой возница, мужикъ лѣтъ 40, по случаю праздника немного хватившій «ханчи» и лукомъ закусившій, усѣлся со мной рядомъ и охотно подѣлился горестями жизни своего села. Тяжело жить: неурожай, дороговизна, неурядицы. Главное въ его рассказѣ было сообщеніе о карательномъ отрядѣ. Вотъ такого то и такого-то, совсѣмъ не причастныхъ ни къ какому злодѣянію, поведутъ въ баню, раздѣнутъ и хлещутъ плетями съ завязаннымъ въ нихъ свинцомъ,—хлещутъ до полусмерти. Иногда можно было откупиться деньгами. А иногда и деньги брали и сѣкли. Грабили не только деньги, но и имущество, не исключая и женскихъ нарядовъ. О

бурныхъ наѣздахъ карателей, дѣйствовавшихъ именемъ полковника Семенова, о ихъ разнузданной вольности мнѣ рассказывали въ каждомъ селѣ. Дѣло доходило до того, что дѣвушки и молодыя замужнія бабы прятались при посѣщеніи села блюстителями порядка. Кошмарны сообщенія объ этихъ «судныхъ» дняхъ—такъ кошмарны, что я сталъ стараться, наконецъ, не заводить разговора на эту тему. И безъ того много печальнаго пришлось наблюдать на своемъ пути.

Къ вечеру 1-го іюня я добрался до с. Тарбагатай, расположеннаго на рѣчкахъ Куйтунѣ и Тарбагатайкѣ, сливающихся у этого села. Глядя на длинный рядъ избъ и ихъ обитателей, вспомнилъ слова «Дѣдушки»-декабриста:

Сыты тамъ кони-то, сыты,
Каждый тамъ сыто живетъ
Тѣсомъ тамъ избы-то крыты,
Ну, ужъ зато и народъ!
Взросшіе въ нравахъ суровыхъ,
Сами творятъ они судъ,
Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,
Трезво и честно живутъ,
Подати платятъ до срока, —
Только ты имъ не мѣшай
«Гдѣ жъ та деревня?»—Далеко
Имя ей: *Тарбагатай*,
Страшная глушь за Байкаломъ...— (Некрасовъ).

Да, и теперь тутъ избы тесомъ покрыты и народъ здоровый хрушкой, какъ говорятъ сибиряки. Но на-счетъ сытости и прочаго дѣло обстоитъ не такъ: есть заболѣванія *голоднымъ* тифомъ, и «рекруты» не тѣ: жалуются на побѣги мобилизованныхъ; да и трезвость шатается, на подати ропщеть народъ, судъ творить присланная милиція...

Тарбагатай (Тарбатай) было первое село, съ котораго я началъ свое ознакомленіе съ семейскими. Затѣмъ мною были посѣщены старообрядческія села: Куналей, Мухоршибирь, Новый Заганъ, Хонхолой, Никольское, Хараузъ. Встрѣчался и бесѣдовалъ со старообрядцами изъ Десятникова, Шаралдая (Шарандая, Шеролдая¹), Бичуры, съ Гаицея,—гдѣ въ послѣдній годъ самовольно поселилось много семейскихъ выходцевъ изъ сосѣднихъ селъ. Проѣхать на Хилокъ и на Чикой, гдѣ въ нѣсколькихъ селахъ также живутъ семейскіе¹), оказалось затруднительно: пришлось бы ѣхать въ сопровожденіи милиціи, такъ какъ, по ея свѣдѣніямъ, въ Заганскомъ хребтѣ, черезъ который лежалъ путь забились банды разбойниковъ.

Посѣщенныя мною села семейскихъ расположены въ долинахъ между отрогами горъ. Двѣ или три очень длинныя улицы, съ домами, соединенными одинъ съ другимъ заборами («заплотами») протянулись неподалеку отъ небольшой рѣчонки. Узенькіе переулочки («правулки») пересѣкаютъ ихъ. Такимъ проулкомъ мимо двора и гумна можно выйти къ рѣчкѣ или за село,—къ горѣ, въ поле, на выпасъ. Долина, гдѣ расположились семейскіе, представляетъ довольно болотистую почву: идешь по улицѣ, а дорожная насыпь зыблется, эластично углубляется («зыбунъ»). По канавкамъ стекаетъ выдавливаемая сизо-мутная жижила. Въ нѣсколькихъ селахъ находятся настоящія болота,—калтусъ. Такова низкая часть Мухоршибири, гдѣ живутъ пра-

¹ См у П. А. Ровинскаго: «Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской области» Изв. Сиб. Отд. Р. Географич. Об-ва Т III, № 3, стр. 123—124.

вославные или «сибиряки», по терминологии старообрядцев¹⁾ Въ послѣдніе годы тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступило въ особенности много воды, такъ что пришлось снести постройки съ насиженныхъ мѣстъ и оставить гумна и огороды. Плохо обстоятъ дѣло и въ Н. Заганѣ. Когда подъѣзжаешь къ этой деревнѣ, со стороны Мухоршибири, то видишь раскинувшееся топкое болото, а за нимъ протянувшуюся деревню. Заганцамъ селиться уже некуда стало: съ двухъ сторонъ болота, съ третьей засѣвное поле; а продолженіе долины занимаетъ Старый Заганъ, вплотную примкнувши къ Новому Загану. Въ Ст. Заганѣ населеніе православленное. Использовать для построекъ поле нельзя: засѣвная площадь и безъ того невелика,—по двѣ съ небольшимъ десятины на душу²⁾. А нужда въ постройкѣ большая: за годы войны дѣло строительства прекратилось; между тѣмъ полюбовный раздѣлъ во многихъ домахъ хотѣлось бы произвести. Выбравъ то или иное мѣсто, всѣ мужики данной семьи заняты устроениемъ дома для очередного выдѣленія—старшаго сына или брата. «Такъ ужъ у насъ повелось».

Не всѣ села вязнуть въ болотахъ. Иные семейскіе задыхаются въ песчаной пыли. Таково село Тарбагатай. Ни клочка травки не видно на главной и старой улицѣ этого села. Другія двѣ улицы находятся въ болѣе низкой части, вдоль небольшой рѣчки.

Избы семейскихъ—высокія деревянныя постройки. Если подойти снаружи, чуть рукой достанешь до окошка. Рамы и карнизы во многихъ избахъ украшены рѣзбой и раскрашены. Хорошіе дома строятъ російскіе плотники. Раньше они заняты были постройкой церкви. Теперь же спросъ не великъ по церковной части. Бѣдноватыя села, какъ напр. Хараузъ, похвалиться постройками не могутъ: по большей части избы тамъ низковаты и подслѣповаты. Внутри избы семейскаго чисто, опрятно. Полъ вымытъ и слегка посыпанъ пескомъ, а иногда застланъ самотканной матеріей. Въ переднемъ углу прибиты полки, на которыхъ разставлены иконы стараго письма и мѣдные восьмиконечные кресты въ кіотахъ. Тутъ же или на угловомъ столикѣ стоитъ кадилница, лежатъ свѣчи, висятъ лѣстовки (четки); на столикѣ положены «подручники», употребляемые при земныхъ поклонахъ. Въ другомъ углу большая русская печь, иногда раскрашенная какимъ-нибудь узоромъ, преимущественно синими или зелеными цвѣтами и пѣтухами. Въ сторонѣ отъ печи—палаты. Стѣны чисто вымыты. Въ нѣкоторыхъ домахъ по стѣнамъ развѣшаны лубочныя картинки. У хорошихъ хозяекъ на стѣнѣ красуются «карманы»,—длинные вышитыя полосы темной матеріи; часть такой полосы образуетъ мѣшочекъ, карманъ. Вдоль стѣнъ поставлены лавки. На окошкахъ стоятъ банки съ цвѣтами. Въ углу пріютилась «самопрядка», похожая, хотя и не вполне совпадающая съ прялкой («пряхой», какую я знаю по Орловской губ. Самопрядка у семейскихъ гораздо ниже, чѣмъ у орловскихъ крестьянъ. Конструкция же въ общемъ одинакова. Въ богатыхъ домахъ имѣется еще болѣе чистая изба—горница; стѣнами она соединяется съ общею избою. Въ каждомъ селѣ имѣется «земская квартира» («хватера») для лицъ, проѣзжающихъ по дѣламъ службой для «начальниковъ» (синонимъ «чиновниковъ»). Въ нѣкоторыхъ селахъ земскія квартиры представляетъ собою удобныя, спокойныя, чистыя квартиры. Таковы квартиры въ Куналеѣ, въ Н. Заганѣ, въ Никольскомъ. Любопытна обстановка этихъ квартиръ. Тутъ есть стулья, деревянный диванъ, зеркало. Стѣны обязательно

¹⁾ По этой терминологіи, православная церковь—сибирская церковь и т. под.

²⁾ По даннымъ Забайкальскаго Областнаго Статистическаго Комитета, душевой надѣлъ при переверсткѣ выразится еще меньшей цифрой: 1184 дес. на 1069 муж. душъ. См. въ «Памятной кнѣжкѣ Забайкальской области на 1914 годъ. Чита. 914 Стр. 446.

украшены большим количеством лубочных картин. Вот наприм. картинное собраніе куналейской квартиры. Отъ иконъ непосредственно идутъ картины: избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство; «Уродилася я, какъ въ полѣ былинка»; «Машина моему горю причина» (изображаетъ сцены разставанія и одиночества покинутой дѣвушки); подъ этимъ лубкомъ «Варвара великомученица» и «Архистратигъ Михаилъ»; далѣе идутъ картины со сценами изъ великой европейской войны, — картины страшныя, залитыя красной и желтой краской (кровью и огнемъ); среди этихъ картинъ помѣщенъ образъ великомуч. Екатерины; недалеко налѣплена «Счастливая минута» (онъ и она въ подвѣчныхъ костюмахъ наединѣ) и много другихъ. Такой же составъ картинъ и въ другихъ квартирахъ. Въ н.-заганской квартирѣ подборъ картинъ нѣсколько иной: развѣшаны виды Иркутска и Владивостока портреты офицеровъ (—хозяинъ былъ на военной службѣ въ Иркутскѣ), «Сестра Беатрисса»; не-подалеку отъ нея пожилая кокотка съ полуобнаженнымъ бюстомъ и гитарой, Походженія шута Балакирева» и нѣк. др. На столикѣ стоитъ будильникъ и «гармафончикъ»; имѣется и альбомъ для открытыхъ писемъ, съ большимъ количествомъ открытокъ въ томъ числѣ и амурныхъ («Вujnost rozkoszna» и др.) Въ каждомъ домѣ имѣется самоваръ. Чай пить семейскіе теперь любятъ. Уже утратила свое значеніе ихъ поговорка. «Кто чай пьетъ, тотъ отъ Бога отчаенъ». Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ семейскіе старики и старухи блюли это изреченіе. Вѣроятно, нѣкоторые строгіе старики и теперь еще воздерживаются отъ чая. Вѣдь это изреченіе находилось въ связи съ тѣмъ, чему учили ихъ справщики и книжники. «Аще кто дерзнетъ пити чай, той отчаеся симъ отъ Господа Бога, да будетъ данъ трима анаѣма». Сдѣлана ссылка на «Книгу Іоанна Назарея архіепискупа антiохійскаго, глава 20, л. 70». Такъ поучается въ старообрядческомъ сборникѣ, бывшемъ въ Забайкальѣ, а теперь находящемся въ б-кѣ Иркут. Дух. Семинаріи, XLV 1797, л. 86). ¹⁾.

Дворъ у семейскихъ съ различными надворными постройками раздѣленъ на 2 (обычно) или на 3 части. За дворомъ находится гумно, часть котораго занимаетъ «ладонь» (токъ): тутъ хлѣбъ молотятъ машинами или «молотилами». За гумномъ идетъ огородъ. На широкихъ грядахъ съ толстымъ пластомъ навоза («назьму») въ четыре ряда сдѣланы углубленія («лунки»), а въ нихъ посажены огурцы капуста, брюква («бруква»). Зеленѣетъ на грядахъ также картофель («бульба»), бутунъ, чеснокъ, морковь. Много труда кладутъ женщины у семейскихъ на свои огороды. по разу или по два раза въ день онѣ поливаютъ огородныя гряды. А воду приходится таскать во многихъ мѣстахъ изъ-подъ горы или изъ колодцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гдѣ позволили географическія условія, проведены каналы. Такъ, въ Тарбагатаѣ двѣ каналы орошаютъ огороды. Одну каналу, въ нижней части села, провести легко было. Зато не мало труда положили тарбагатайцы на проведеніе каналы въ верхней части села, позади главной улицы. Большая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ дядѣ Ивану, настоявшему провести въ прошломъ году каналу на протяженіи верстъ 6. Отъ этой каналы проведены рукава въ отдѣльные огороды. Иногда дядя Иванъ закрываетъ главную каналу у ея устья, и потокъ устремляется по самой улицѣ для освѣженія, «для воздуху». Дядя Иванъ—старикъ лѣтъ 70 съ лишнимъ, высокій, съ длинной сѣдой бородой, съ коротко остриженными волосами на головѣ Зимой и лѣтомъ онъ ходитъ въ одномъ и томъ же костюмѣ: безъ шапки, въ короткой курмушкѣ, въ ичигахъ, съ палкою въ рукѣ. Всѣ его помышленія въ прошломъ и въ этомъ году были устремлены на каналу. Спитъ и видитъ онъ ее. Иногда вскочетъ но-

¹⁾ Вслѣдствіе типографскихъ затрудненій въ передачѣ текста рукописей опущены надписные значки и раскрыты титла.

чью и спросонья кричить: «Ай, канава, канава прорвалась!».—Што ты, вѣдь ты въ избѣ,—проворчить старуха, и дядя Иванъ успокоится и заснетъ. За заботливость, которую дядя Иванъ выражаетъ и дѣломъ и еще больше словомъ, громкой руганью за непослушаніе, его прозвали въ селѣ комиссаромъ.—Въ Тарбагатаѣ проведены канавы и по «сѣнокосу»: водой ея поливають траву.

Около огорода обыкновенно находится баня. Баня топится по черному; но имѣются бани и съ трубами.

Въ каждомъ селѣ, около казенныхъ (съ гласнымъ *е* послѣ *з*, а не *в*) амбаровъ, находятся общественныя сушила для просушки хлѣба. Это покатыя помосы на четырехъ невысокихъ столбахъ: 2 столба по 2½ арш., другія два по 2 арш. Покаты сдѣланы на югъ. Имѣются и частныя сушила.

Села семейскихъ по количеству домохозяевъ представляютъ собою большія русскія села съ главной улицей, протянувшейся въ нѣкоторыхъ селахъ на нѣсколько верстъ. Вотъ цифры домохозяевъ и населенія къ началу 1919 г. Въ Тарбагатаѣ 539 дворовъ; изъ нихъ 14 единовѣрческихъ, 60 православныхъ («сибирскихъ»), 465 старообрядческихъ. Число населенія 3391. Въ Пестеревѣ старообрядцевъ всего 60 человекъ (всего здѣсь жителей 1279). Въ Куналеѣ 860 домохозяевъ; изъ нихъ 3 нестарообрядческихъ. Общее число жителей 4808. Въ Десятниковой 396 дворовъ; изъ нихъ старообрядческихъ 26. Число населенія 2096. Въ Надѣиной 290 домохозяевъ при 1606 человекъ населенія; изъ нихъ старообрядцевъ-поповцевъ 1196, безпоповцевъ 218, «сибиряковъ» 193. Въ Куйтунѣ 768 домохозяевъ при 4572 жителяхъ; старообрядческихъ 618 дворовъ при 3708 человекъ (изъ нихъ бѣлокриніицевъ 30 дворовъ и дворовъ 5 безпоповцевъ). Въ Старой и Новой Бряни 570 дворовъ при 4385 жителяхъ. Старообрядческихъ дворовъ 415 (въ Н. Бряни 378, въ Ст. Бряни 37). Въ Бурнашевкѣ 183 домохозяина при 1068 человекъ населенія; старообрядцамъ принадлежатъ 80 дворовъ. Въ Нижне-Талецкомъ жителей 654 человекъ, изъ коихъ 359 старообрядцевъ. Въ Нижней Жиримѣ 240 домохозяевъ; изъ нихъ 40 принадлежатъ безпоповцамъ-поморцамъ, столько же безпоповцамъ вообще, 115 поповцамъ. Всего здѣсь старообрядцевъ 1118 человекъ. Въ Верхней Жиримѣ 106 дворовъ, изъ коихъ 18 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь 632 человекъ. Въ Мухоршибири 360 домохозяевъ; изъ нихъ старообрядческихъ 180. Общее количество населенія 2409 человекъ. Въ Н. Заганѣ 342 двора при 2350 жителяхъ; нестарообрядческихъ дворовъ здѣсь 10. Въ Шеролдѣ 470 домохозяевъ, изъ которыхъ 70 нестарообрядческихъ. Число душъ мужск. п. 1530, женскихъ нѣсколько больше. Въ Гашевѣ 104 двора; изъ нихъ 2 нестарообр. Населеніе 577 человекъ. Въ Бичурѣ 1113 домохозяевъ и около 7000 человекъ населенія. Въ Харашибири 380 дворовъ, изъ которыхъ старообрядцамъ принадлежатъ 7; число жителей 2586. Въ Хонголоѣ 696 домохозяевъ при 4287 человекъ населенія. 170 дворовъ принадлежатъ православнымъ. Старообрядцевъ безпоповцевъ дворовъ 300; прочіе—поповцы, въ числѣ которыхъ имѣются необщинники и общинники (дворовъ 50, имѣютъ свою церковь). Въ Никольскомъ 640 дворовъ, изъ которыхъ только 6 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь ок. 4200 человекъ. Поповцы здѣсь дѣлятся на общинниковъ (большинство; имѣютъ большую церковь, священника) и необщинниковъ (имѣютъ свою часовню). Въ Хараузѣ 370 домохозяевъ, изъ нихъ дома 3 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь 1052 человекъ муж. п. и приблизительно столько же женскаго.—Цифровыми данными на 1919 годъ для другихъ селъ я не располагаю. По официальнымъ даннымъ, опубликованнымъ въ «Обзорѣ Забайк. Области» за 1908, 1909, 1910, 1914 гг., общее количество старообрядческаго населенія, или на официальномъ языкѣ, раскольниковъ, опредѣляется такими цифра-

ми. Въ 1909 г. во всей Забайкальской области старообрядцевъ было 54587 человекъ (27678 муж. и 26909 жен.); изъ нихъ 94,9% находилось въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ (51820). По сравненію съ 1908 г. населеніе увеличилось на 1913. Въ 1910 г. во всей Забайкальской области числилось 74557 старообрядцевъ (38025 мужчинъ и 36532 жен.); изъ нихъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ 35,7% (71327). Что-то очень великъ выходитъ приростъ населенія въ теченіе одного года: на 19970 человекъ! Процентъ прироста старообрядческаго населенія очень внушительный. Прослѣдимъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ для одного села Бичуры. По архивнымъ даннымъ (Урлущаго и Бичурскаго архивовъ), въ 1808 г. ¹⁾ въ Бичурѣ было 610 душъ об. п. (м. 300, ж. 310). На слѣдующій годъ показана цифра бичурскаго населенія 652. Въ 1825 г. Бичура имѣла 614 м. и 584 ж.; изъ нихъ старообрядцевъ 530 м. и 539 ж. (всего 1069). Въ 1830 г. старообрядцевъ 619 м. и 657 ж. (правосл. 101 м. и 50 ж.). Въ 1860 г.—1178 м. и 1258 ж. (всего 2436). Правосл.—172 м. 102 ж.; единовѣрцевъ—25 м., 30 ж. Итакъ, съ 1808 г. до 1830 г. старообрядческое населеніе въ Бичурѣ увеличилось вдвое (610, 1276). За слѣдующія 30 лѣтъросло населенія еще вдвое. За послѣднія 58 лѣтъ, къ 1919 г., бичурское населеніе увеличилось больше, чѣмъ въ 2½ раза. За 110 лѣтъ съ 1808 до 1919 г. населеніе тамъ возросло до 7000 человекъ, т. е. увеличилось въ 11,3 раза. Домовъ въ Бичурѣ въ 1825 г. показано 150; къ этому надо присоединить домовъ 30 старообрядческихъ. Къ 1919 г. тамъ было 1113 домохозяевъ

Мы располагаемъ свѣдѣніями о количествѣ дворовъ (семействъ) старообрядцевъ, относящимися еще къ болѣе раннему времени, къ первымъ годамъ ихъ жизни въ Забайкальѣ. Именно, П. С. Палласъ, путешествуя по Сибири, объѣздивъ и Забайкалье (въ апрѣлѣ—іюнѣ 1772 г.). Онъ побывалъ и въ селахъ, гдѣ лѣтъ 6 тому назадъ, по его свѣдѣніямъ, поселились «польскіе колонисты», т. е. предки нашихъ семейскихъ, пришедшіе изъ Польши, и записалъ количество ихъ дворовъ въ той или иной деревнѣ. Такъ, въ Тарбагатаѣ было тогда 10 дворовъ (теперь 479), въ Хонхолоѣ 28 (теперь 526), въ Куйтунѣ 50 (теперь 618). Всего въ Тарбагатайскомъ округѣ, куда входили между прочимъ села Бурнашевка, Пестерева, Куйтунъ, Куналей, Брянь, число «новопоселенныхъ колонистовъ» Палласъ опредѣляетъ цифрой 460 ²⁾.

Семейскіе—народъ рослый, здоровый, красивый. Нерѣдки старики и старухи 80—90 лѣтъ. Но молодое поколѣніе уже мельчаетъ. По цвѣту кожи и волосъ отмѣтимъ слѣдующее. На-ряду съ великорусскимъ свѣтлымъ типомъ встрѣчаются и смуглолицыя, съ большими карими глазами. «Смотри, какіе мы чумазные»,—замѣтилъ мнѣ одинъ старикъ въ Тарбагатаѣ. «Вѣрно, повелось такъ отъ хохловъ, когда дѣды наши въ Польшѣ жили» ³⁾. Браніе какъ душегубительный грѣхъ, строжайше воспрещается. Вернувшіеся съ военной службы епитиміей и покаяніемъ обязаны очистить свой грѣхъ невольной мерзости браніи. Воспрещается подходить къ кресту и къ иконамъ, пока не изгладятся слѣды богомерзкаго скобленія,—слѣды «блуднолюбиваго образа прелести, душегубительныя помраченныя ереси, иже остругати брану» (отъ Потребника печати Іосифа патріарха, л. 443) До сихъ поръ еще блюдутся настойчивыя и суровыя осужденія этой римской папской ереси (см. ниже).

¹⁾ Цифровыя данныя архивовъ извлечены изъ цитир. статьи П. А. Ровинскаго стр. 125—132

²⁾ P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. III. St. Ptb. 1776, стр. 160, 165, 168, 257, 258.

³⁾ Цифровыя данныя антропологическихъ измѣреній см. въ брошюрѣ Ю. Талько-Гринцевича: «Къ антропологии великороссовъ». Томскъ. 1898 — Къ сожалѣнію, количество субъектовъ, имѣющихъ обмѣренныхъ, незначительно.

Костюмъ женщины сохраняется издавна. Вотъ «обрядъ» замужней женщины. На головѣ *кичка*, сшитая изъ стеганой матеріи; имѣетъ видъ шляпы безъ полей, болѣе высокой спереди и нѣсколько понижающейся къ затылку. Передняя часть кички снизу имѣетъ неширокую полосу, вышитую бисеромъ. Но носятъ кички и безъ бисера. Молодухи вмѣсто бисерной полосы оторачиваютъ кичку снизу кучерями (*кучери*),—каймою изъ закругленныхъ гусиныхъ перышекъ. По затылку спущенъ *назатыльникъ*, шитый позументомъ. (Надѣвается въ праздничные дни и то не всѣми) Кичка покрыта шалью такъ, что два конца перевязываются спереди на кичкѣ и прячутся книзу; два другіе конца спускаются книзу, покрывая шею (см. прилож. снимки). Пожилыя женщины перевязываютъ покрытую кичку свернутымъ платкомъ: накладываютъ подъ подбородокъ, а концы завязываютъ на головѣ. Въ праздничные дни, въ торжественныхъ случаяхъ, надѣваютъ *кокошникъ*. Онъ имѣетъ видъ широкой туфли, шитой золотомъ или позументомъ. Онъ надѣвается на кичку и по бокамъ покрывается платкомъ (шалью). Кокошникъ старообрядческой женщины на Чикоѣ отличается отъ вышеописаннаго болѣе высокимъ и угловатымъ покроемъ (см. на снимкѣ). Теперь кокошникъ надѣваютъ рѣдко. Я не видѣлъ ни одной женщины въ кокошникѣ. Съ видомъ и устройствомъ его я познакомился, только разсматривая женскій «обрядъ», хранящійся въ сундукахъ. Раньше обязательно, а теперь рѣдко, къ вѣнчанію молодая приготавливала кокошникъ; попъ въ церкви освящалъ его, возлагая на престолъ. Цвѣтная (обычно не узорами) рубашка съ глухимъ воротникомъ. Цвѣтъ рубашки разный: синій, красный, желтый. Цвѣтъ ея не совпадаетъ съ цвѣтомъ сарафана. Рукава доходятъ до кисти руки. По плечамъ и около локтя могутъ быть неширокія нашивки. *Сарафанъ* цвѣтной, яркаго цвѣта, съ большими рѣзкими цвѣтными узорами (обычно въ видѣ піоновъ и т. под. крупныхъ цвѣтовъ). Внизу сарафана нашита цвѣтная полоска, рѣзко отличающаяся по цвѣту отъ сарафана. Могутъ быть и двѣ полосы, но по цвѣту разныя: вотъ лиловатый сарафанъ; по нему двѣ полосы: красная и повыше малиновая. Сарафанъ опоясывается самотканымъ поясомъ. Узоръ пестрый, съ геометрическими фигурами. Сотканъ поясъ великолѣпно.—Такіе же пояса носятъ и парни.—Сбоку подвязанъ вышитый *карманъ*. Впрочемъ, теперь его носятъ рѣдко. Фартукъ («запонъ») цвѣтной (иного цвѣта по сравненію съ цвѣтомъ рубашки и сарафана) покрываетъ переднюю часть сарафана и доходитъ до половины груди. Шнуромъ онъ держится на шеѣ, а на талии онъ скрѣпляется также шнуромъ или тесьмой. Бусы украшаютъ грудь. Шнурокъ съ крестомъ надѣтъ также поверхъ рубахи. Крестъ всегда запрятанъ подъ фартукъ. На ногахъ сапоги съ широкими подборами. Смотря по погодѣ, надѣваютъ *курмушку* или *халатикъ*. Курмушка или *курма*—короткая одежда въ родѣ жакета съ клиньями. Шьется изъ плиса. Халатикъ доходитъ до колѣнъ. Онъ набрасывается на плечи, надѣтъ «на-растопашку». Когда же итти въ церковь, полагается надѣтъ его на-рукава. Въ теплую погоду вмѣсто халатика покрываются длиннымъ платкомъ: двумя концами онъ слягивается подъ подбородкомъ, а всю прочую часть (не сложенной вдвое) спускается съ головы назадъ. На пальцахъ носятъ кольца. У старухъ (немногихъ) я видѣлъ на рукѣ мѣдный браслетъ («брушлетъ»). По объясненію одной старушки, браслеты носятъ будто бы для облегченія рукъ при жатвѣ (с. Никольское)

Двушкамъ кички носить, конечно, не полагается. Вмѣсто нея онѣ носятъ головныя повязки, иногда съ жемчужными привѣсками. Такой уборъ отмѣчаетъ Ю. Д. Талько-Гринцевичъ на югѣ ¹⁾. Головную повязку съ *рясами* указывалъ въ 70-хъ г.г.

¹⁾ «Семейскіе (старообрядцы) въ Забайкальѣ». Протоколъ Троицкосавско-яхтинскаго Отдѣленія Приамур. Отд. Р. Г. Об-ва № 2 (1894), стр. 28

и П. А. Ровинскій. Но я такой повязки въ посѣщенных мною селахъ не встрѣчалъ. Я замѣтилъ лишь, что дѣвушки надѣваютъ головную повязку, когда онѣ идутъ въ церковь (с. Никольское). Ни одной дѣвушки и дѣвочки безъ повязки я не видѣлъ въ церкви. Повязка представляетъ слѣдующее: картонъ, вырѣзанный въ формѣ серповиднаго кокошника, обертывается платкомъ (шалью, концы котораго перевязываются на затылкѣ и спускаются книзу. «Она при бумашки», говорятъ о дѣвушкѣ съ такой повязкой. Грудь у дѣвушки въ изобиліи украшена бусами (см. снимокъ).

Рубаха *мужчины* обычная великорусская. Въ рубахахъ стариковъ замѣтилъ слѣдующее отличие: воротника почти нѣтъ; онъ замѣненъ узенькой полоской. Обычно рубаха и штаны шьются изъ покупной матеріи. Но носятъ рубахи и изъ сажотканнаго холста, окрашеннаго въ сѣную краску. Изъ такого же холста шьютъ и штаны. Покрой штановъ: очень широкіе, съ напускомъ. Молодежь уже шьетъ узкіе штаны. На ногахъ обычно *ичиши*, иногда сапоги. На головѣ носятъ небольшую валяную шляпу. Встрѣчаются молодые мужики и ребята съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ. На рубаху, смотря по погодѣ, надѣваютъ поддевку или курму (курмушку). Поддевка короткая, недоходящая до колѣнъ. Курма или курмушка имѣетъ такой же покрой, какъ у бабъ. На югѣ, въ глухихъ мѣстахъ, молодежь носитъ куртки со стоячимъ воротникомъ, съ вышитыми разноцвѣтнымъ шелкомъ лацканами. Поддевка, курма и куртикъ сшиты изъ плиса. Молодежь не строго держится стараго покроя платья: носятъ пиджаки, картузы. Когда идутъ въ церковь или въ моленную, надѣваютъ обязательно *халатъ*. Въ халатѣ стоятъ въ церкви и старики, и парни, и ребяташки.

Исключительное занятіе семейскаго—*земледѣліе*. Въ обработкѣ поля онъ чрезвычайно трудолюбивъ. Нѣтъ ни одной полоски удобной земли, которую онъ тщательно не приспособилъ бы для посѣва, хотя и не всегда получаетъ вознагражденіе за свои труды, вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій. Пашню—паръ семейскій обязательно троитъ; двоитъ рѣдко. «Два раза вспашешь,—2 хлѣба возмешь. Три раза вспашешь,—3 хлѣба возмешь». Пашутъ не только мужчины, но и бабы и дѣвки: «работники дорогі».

Трудолюбіе семейскихъ и результаты его были отмѣчаемы съ самыхъ первыхъ лѣтъ ихъ поселенія въ Забайкальѣ. Въ 1772 году Палласъ обращаетъ особое вниманіе на «большой трудъ и прилежаніе» и на «чрезвычайный успѣхъ» «польскихъ колонистовъ». Онъ же описываетъ и нѣкоторыя стороны хозяйственной жизни забайкальскихъ старообрядцевъ (см. ниже). Въ 20 хъ г. г. прошлаго столѣтія с Тарбагатай посѣтилъ А. Мартосъ и въ своихъ «Письмахъ о восточной Сибири» (М. 1827, стр. 115) отмѣчаетъ у семейскихъ «страсть къ землепашеству», «неутомимое прилежаніе, дѣятельность». Такіе же отзывы о нихъ оставили и декабристы, проходившіе черезъ старообрядческія села въ Петровскій заводъ. «Все у нихъ [у тарбагатайскихъ старообрядцевъ] соотвѣтствовало одно другому: отъ дома до плуга, отъ шапки до сапога, отъ коня до овцы—все показывало довольство, порядокъ, трудолюбіе». Такъ отзывался о нихъ декабристъ А. Е. Розень¹⁾. Такъ же характеризуются семейскіе и въ послѣдующее время. «Крѣпкій физически и нравственно, семейскій мужественно ведетъ борьбу съ природой: разрубаетъ лѣса, осушаетъ болота и обращаетъ ихъ въ плодородныя нивы и тучныя луга; по общему отзыву, *семейскимъ* главнымъ образомъ весь верхнеудинскій округъ обязанъ благосостояніемъ». Такъ писалъ въ 1871 г. П. А. Ровинскій²⁾. Большое культурное значеніе семейскихъ для Забайкалья отмѣча-

¹⁾ Записки барона А. Е. Розена. «Отеч. Записки», 1876 г., № 4, 412.

²⁾ Изв. Сиб. Отд. Р. Г. Об ва Т. III, № 3, 122—123.

еть и официальный отзыв о них: «Особенно важное значение для края имело появление в Забайкалье на жительство раскольников старообрядцев, известных под названием «семейских», поселившихся в Верхнеудинском округе». Так говорится о семейских в «Приложении к Всеподданнейшему Отчету Воен. Губ. Забайк. Области»¹⁾.

Какъ живетъ старообрядческое население? Какія болѣсти и чаянія его?

Прежде всего въ каждомъ селѣ отъ каждого собесѣдника я слышалъ неизбѣжную жалобу на недостатокъ земли. Отъ старика и старухи до парнишки всѣ въ одинъ голосъ вопили: земли мало, земли дайте, хлѣба не достаетъ, сѣна не хватаетъ. И эти вопли не жадность семейскихъ. Съ землею обстоитъ у нихъ дѣло не благополучно. Посѣваемая площадь недостаточна. На душу приходится отъ 2—2½ до 5 (редко) десятинъ. Есть и такія села, гдѣ душевой надѣлъ удобной пахотной земли меньше 2 десятинъ. Такъ, напр., въ Билютомъ (Окино-Ключевской вол.), по офиц. даннымъ 1914 г., пахотной земли 711 десятинъ, число мужскихъ душъ 452 Въ Урлукѣ 4289 десятинъ при 3203 муж. душъ. Сравните въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ въ Забайк. Области», находящемся въ «Памятной книжкѣ Забайкальской Области на 1914 г.». (Чита 1914). Къ тому же, то холодъ повредитъ урожаю, то градъ выбьетъ, то «кобылка» поѣстъ. Въ с. Тарбагатаѣ и Куналеѣ уже 2 года, какъ нѣтъ урожая. А въ с. Хараузѣ ежегодно, кажется, не достаетъ своего хлѣба. Кормятся хлѣбомъ, привозимымъ изъ южныхъ селъ съ Хилка, главнымъ образомъ изъ Бичуры. Въ послѣднее время на деньги тамъ не хотятъ продавать хлѣбъ: обмѣниваютъ на женскіе наряды. Недостатокъ надѣльной земли заставляетъ крестьянъ арендовать землю у бурятъ. Почти каждый домохозяинъ снимаетъ по мѣрѣ своихъ силъ то или иное количество земли у бурятъ. Арендная плата въ этомъ году 80—120 р. за десятину. Бываютъ и инныя условія: крестьянинъ обязывается вспахать и засеять своими сѣменами бурятскую землю, сжать и обмолотить, а зерно и солому раздѣлить пополамъ съ владѣльцемъ земли («сѣить съ половиной»). Но не каждому крестьянину буряты сдаютъ землю. Нѣкоторымъ они отказываютъ по какимъ-нибудь соображеніямъ... «Любить, чтобы кланялись ему. Заламаетца, а ты просишь его: талаша, дай землицы». «Они—наши помѣшшики»,—обычно говорятъ тамошніе крестьяне и выражаютъ весьма энергичныя претензіи завладѣть частью бурятской земли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была назначена особая коммиссія, которой произведенъ былъ осмотръ бурятской земли и намѣчены были участки для передачи крестьянамъ. При большевикахъ эти участки были утверждены за крестьянами. Но въ настоящее время эта земля остается пока объектомъ претензій крестьянъ. «Хлопочимъ, но наша сила у тукъ нейдетъ». Пока семейскіе ожидаютъ законнаго общаго передѣла земли, не хотятъ «итить на силокъ, нахратомъ брать». Но это терпѣніе не прочно. При переживаемомъ безвременьи эти претензіи могутъ повести къ печальнымъ результатамъ. Не претендуетъ на бурятскую землю только население Харауза,—и то потому, что эта земля далеко отъ нихъ. Но у хараузцевъ въ теченіе 40 лѣтъ идетъ споръ съ крестьянами сосѣдняго с. Никольскаго изъ-за покосной площади. Отвѣтъ на свои жалобы хараузцы получали отъ властей слѣдующій: «Право на спорную площадь покоса принадлежитъ вамъ;—жалуйтесь». А жаловавшимся никольцамъ тѣ же власти говорили: «Вы фактически пользуетесь этой площадью и продолжайте пользоваться». Хараузцы показывали мнѣ много документовъ, оправдывающихъ ихъ претензіи. Въ областномъ земельномъ комитетѣ общали рѣшить этотъ вопросъ къ

¹⁾ Обзоръ Забайк. Области за 1881 г. Стр 3

концу іюля. Въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи жалобы хараузиевъ послѣдніе не прочь прибѣгнуть къ оружію и «на-грудки лѣзть». Не благополучно обстоитъ дѣло съ сѣнокосами и выпасомъ и въ другихъ селахъ. Въ особенности тяжело приходится заганцамъ. У нихъ есть небольшой участокъ подъ покось. До 1 іюня ст. ст. скотъ пасется тамъ. Но съ 1 го іюня покось запирають, и скоту пастись совершенно негдѣ. Остается только болото у села, куда рискуютъ залѣзть однѣ свиньи

Молодой скотъ семейскіе сдаютъ на пастбище бурятамъ за извѣстное вознагражденіе. Получаютъ скотъ обратно не безъ урона. Отдавать молодой скотъ «на лѣтнюю кормежку» бурятамъ издавна практикуется тамъ. Такъ дѣлали уже въ 70 хъ г. г. XVIII-го в.: указаніе на это имѣется у Палласа (III, 168).

Чтобы поправить свои дѣла по хозяйству, семейскіе ходятъ на заработки на желѣзнодорожныя станціи или на пріиска (на Олекму, на Зею). Много уходитъ на заработки изъ селъ Харауза, Никольскаго, Хонхолоя, Тарбагатая, Мухоршибири и нѣкоторыхъ другихъ. По пріискамъ давно уже ходятъ. Въ 1882 г., напр. ушло изъ Мухоршибири 780 человекъ¹⁾. На пріискахъ теряютъ нерѣдко здоровье и жизнь. Тѣ, кто не забалуется на чужой сторонѣ, возвращаются домой съ деньжонками. Удастся не только поправить дѣла по хозяйству, но и скопить небольшой «капитулъ». — «Ну, и раздулъ кадила» — говорятъ о разбогатѣвшемъ.

Затруднительное положеніе у себя на родинѣ, принуждаетъ семейскихъ искать болѣе свободныхъ земель и переселяться. Тянутся на Амуръ. На Троицу изъ Мухоршибири направилось туда 10 семей

Другое обстоятельство, угнетающее семейскихъ,—это современная неурядица. Будетъ ли порядокъ? — опять неизмѣнный вопросъ задававшійся мнѣ на каждомъ шагѣ мужиками. «Видно намъ не дожить до порядку!» — меланхолично замѣчали вздыхая, старики. Неурядицей вызвано и ненадежное настроеніе мобилизованныхъ. Семейскіе, какъ, повидимому, и прочіе тамошніе крестьяне, не понимаютъ значенія борьбы съ большевиками. «Боже вѣсть, зашто народъ убиѣаютъ! Партіи борются, а народъ пошто мѣшаютъ?» — Это замѣчаніе не разъ приходилось слышать въ деревнѣ. «Будь порядокъ, мы солдатъ дадимъ. Какъ можно безъ войсковъ? Никакъ нельзя. А таперь парней взяли, а тамъ ихъ смущаютъ,—говорятъ: вы не идите за Кульчука, и ташутъ на другую сторону. Иные на свою сторону манютъ. А наши парни глупые,—мы народъ тежрый,—бояцца: возьметъ верхъ другая «партія» и будетъ наказывать солдатъ,—вотъ бѣгутъ и бѣгутъ. Насъ стариковъ наказываютъ, а мы што съ парнями подѣлаемъ: оны намъ на глаза не показываются».

Очень беспокоятъ семейскихъ недоразумѣнія въ средѣ нашихъ союзниковъ. Первый большой вопросъ, предложенный мнѣ въ Тарбагатаѣ, былъ такой: «А какъ на-шшѣтъ войны Америки съ Японіей?» — Какой войны? — переспрашиваю я. «А въ Удинскимъ на Березовкѣ, ужъ окопы вырыты». Этотъ вопросъ мнѣ задавали въ каждомъ селѣ. Съ перваго разу меня считали въ селѣ, куда я пріѣзжалъ, за американца и относились благожелательно. «Маланья! пошто сходи собирають?» — кричитъ одна баба другой (въ Хонхолоѣ). «Американецъ пріѣхалъ, подписи брать, на чьей мы сторонѣ,» — отвѣчаетъ та «Американецъ», т. е. я, сидѣлъ около одной изъ этихъ бабъ и мирно бесѣдовалъ объ огородѣ. «А зачѣмъ японцы недавно пріѣзжали и планы снимали?» — освѣдомляются у меня въ Хараузѣ собравшіеся въ волости старики.

¹⁾ «Сибирь» 1882 г., № 5

И еще постоянныя жалобы сельскихъ обывателей: подати не по силамъ. 40—42 рубля съ души земскихъ налоговъ; кромѣ того волостныя подати, а тутъ еще въ нѣкоторыхъ подоходный налогъ: 100—300 рублей на домохозяина. Гдѣ намъ взять такія деньги? Энонъ дядя Хома,—одинъ, сынъ въ солдатахъ у самого ноги болятъ а подоходный налогъ плати,—100 рублей. Хорошо, если можно хлѣба продать. А мы его сами покупаемъ (въ Тарбагатаѣ, Куналеѣ, Хараузѣ). Нынче правительство не народное.—Почему?—А зачѣмъ оно противъ народу.—Чѣмъ?—Податями. Слѣдовало далѣе перечисленіе податныхъ тяготъ

Мѣстные представители власти, чины милиціи отчасти способствуютъ успокоенію, но только отчасти. Изъ положительныхъ сторонъ ея дѣятельности надо указать на энергичное преслѣдованіе разбойническихъ шаекъ. Это сознаютъ и крестьяне. Но не меньше и жалобъ на милицію. Она заводитъ кумовство съ преступными элементами, потворствуетъ имъ, не отзывается на обиды, чинимыя ими, пьянствуетъ. «Какой это начальникъ! Вчера стоялъ подъ березкой и грабилъ а таперь милиція,»—во всеуслышаніе раздавалось по селу. Вообще въ такой аттестаціи милиціи въ селахъ не стѣснялись, и громче всѣхъ выражалось недовольство со стороны «женскаго полку». Въ селѣ Никольскомъ рассказывали, какъ отыскивали оружіе у одного богатаго мужика: избили до полусмерти, въ ротъ навозъ («назѣмъ») забивали; довели до того, что бѣдняга разумомъ повредился. А пьянство до того доходитъ, что одинъ милиціонеръ арестовываетъ другого; бываетъ, что младшій сажаетъ подъ арестъ старшаго. Единственное сдерживающее начало для сельской милиціи—уѣздный начальникъ, страхъ передъ которымъ кое-въ-чемъ останавливаетъ блюстителей порядка.

Отношеніе къ «большевизнѣ» сочувственное. Эти села только слышали программныя рѣчи большевиковъ и видѣли ихъ бѣгущими послѣ своего паденія. По мѣстамъ съ благодарностью вспоминаютъ, что большевики разрѣшили воспользоваться крестьянамъ спорной бурятской землей. Вернувшіеся военноплѣнные своими рассказами о голодающихъ деревняхъ Европейской Россіи нѣсколько поколебали надежды на большевническое благополучіе.

Вотъ нѣкоторые факты для представленія о политическомъ «умонастроеніи» семейскихъ. Но изъ этихъ фактовъ невозможно сдѣлать опредѣленнаго заключенія о политическихъ тенденціяхъ семейскихъ. Могу лишь еще замѣтить что ихъ весьма беспокоитъ отсутствіе главы государства,—отсутствіе «хозяина». Кого бы они желали видѣть «хозяиномъ», президента или монарха? Эготъ вопросъ, боясь быть заподозрѣннымъ, я избѣгалъ предлагать. Но нерѣдко въ разговорѣ со стариками для меня представлялось, что этотъ вопросъ они рѣшили-бы такимъ образомъ: хорошо-бы, если-бы тамъ, гдѣ то вверху, сидѣлъ царь,—сталъ бы порядокъ въ государствѣ, а поближе къ намъ, къ народу, правителями были бы большевики или вродѣ нихъ. Въ Тарбагатаѣ мнѣ передавалъ старикъ, какъ одинъ старообрядецъ, ученый чело-вѣкъ, дивно начитанный, говорилъ, что въ Учредительномъ Собраніи будутъ выбирать хозяина земли русской по писанію; а писаніе укажетъ-де, что долженъ быть царь.

Семейскій—трудолюбивый земледѣлецъ. Все, что выходитъ изъ традиціонныхъ рамокъ обрабатыванія земли, мало привлекаетъ его вниманіе, если не затрагиваетъ его жизненныхъ интересовъ. «Мы народъ глупый, темный, необразованный,—знаешь—семейшына» и т. п. выраженія аттестуютъ себя семейскіе.—Нѣтъ, говоришь имъ,—народъ вы не глупый, сметливый, но, что правда,—народъ темный. Школьное дѣло въ селахъ семейскихъ стоитъ на крайне низкой ступени. Можно сказать, школы у

нихъ нѣтъ. Грамотнаго человѣка въ селѣ не легко найти. Если найдешь, то окажется, что грамотѣ онъ обучился на военной службѣ. Въ 7 волостяхъ, посѣщенныхъ мною, я не встрѣтилъ ни одного грамотнаго предсѣдателя. Въ огромномъ селѣ Куналеѣ при моемъ приѣздѣ не было секретаря (писаря). Уже съ недѣлю какъ ушелъ. За это время набралось много казенныхъ пакетовъ въ волости. Можетъ быть, тамъ были и срочныя дѣла. Кто ихъ знаетъ. Новаго секретаря, который прочиталъ бы эти пакеты, не подыскали еще.

Единственнымъ мѣстнымъ источникомъ мудрости является уставщикъ (уставщикъ) или справщикъ. Онъ обучаетъ кое кого изъ ребятъ церковно-славянской грамотѣ, чтобы они могли, лѣтъ черезъ 5 обученья, прочитать на «клыросѣ» часы, шестопсалмие или кануны. Къ обученію же гражданской грамотѣ уставщики относятся недоброжелательно и тормозятъ дѣло народнаго образованія. Они рѣшительно встаютъ противъ открытія школъ, угрожая отлученіемъ отъ общины.—«Не буду хоронить, не пушу въ церковь, въ молитвенный домъ»,—грозно заявляетъ уставщикъ своему послушному темному стаду. Въ минувшемъ году былъ съѣздъ уставщиковъ, и на этомъ съѣздѣ было постановлено ими: «школъ не открывать». Забыто или обойдено изреченіе изъ словъ Іоанна Златоустаго, которое имѣется въ ихъ старообрядческихъ сборникахъ: «Сладостенъ убо цвѣтникъ и рай; много же сладостнѣ книжное прочитаніе и разумъ». Уставщики—страшное зло въ семейскихъ обществахъ. Эти мракобѣсы губятъ тѣло и душу простаго человѣка,—губятъ произволомъ своей церковной власти. Сами они, бредя по церковнымъ книгамъ, совершенно не разумѣя самаго простаго текста и наивно толкуя его, мнятъ себя непогрѣшимымъ кладяземъ премудрости. Вотъ образецъ глубины и чистоты этого кладязя. Одинъ изъ передовыхъ молодыхъ старообрядцевъ, желая показать всю глупость и надутость своего уставщика, нежелавшаго приглашать учителя для ребятъ, вызвалъ его на грамматическій споръ. Тотъ принесъ свои непогрѣшимыя книги. И въ этихъ книгахъ встрѣтилось названіе падежа — родительный,—и числа—множественное.—«Что это такое?»—спрашиваетъ молодой старообрядецъ.—«Это,—грубо кричитъ во все горло уставщикъ,—это по нашему Сусой, а если Сисой, то это будетъ значить родительный.—Зимою по старообрядческимъ селамъ Верхнеудинскаго у. проѣзжалъ земскій школьный инструкторъ, самъ старообрядецъ. Всѣ его усилія, всѣ увѣщанія на основѣ святоотеческихъ писаній остались напрасны. Тотъ уставщикъ сорвалъ сходъ, другой терроризовалъ стариковъ, запугавъ ихъ муками ада, а тамъ этотъ инструкторъ возбудилъ къ себѣ подозрѣніе, какъ отступникъ, служащій въ земствѣ. «Служу въ земствѣ»—одного этого было достаточно для того, чтобы тонъ разговора сейчасъ же измѣнился въ худшую сторону. А въ огромномъ селѣ Бичурѣ рѣчь инструктора прерывалась шумными криками: «Не надо намъ этого! Жили мы и безъ школы, да цѣлы были». Отрицательное отношеніе къ школѣ вызывается не только внушеніемъ мракобѣсія уставщиковъ, но и подозрительностью семейскихъ, развившеюся на основѣ горькихъ опытовъ прошлаго въ ихъ жизни,—ихъ боязнью, какъ бы не попасться въ ловушку. «Мы боимся,—говорили н.-жириискіе старообрядцы инструктору,—что насъ обманутъ и насильно потомъ принудятъ къ тому, что намъ не нравится». Школы въ нѣкоторыхъ селлахъ существуютъ. Но посѣщаемость ихъ весьма незначительна, и немногіе учащіеся принадлежатъ не къ старообрядцамъ. Изрѣдка встрѣчаются въ школахъ и дѣти послѣднихъ. Состояніе школъ, которыми могли бы располагать старообрядцы, чрезвычайно тяжелое. Населеніе относится къ нимъ безучастно. Вотъ огромное село Бичура. Для здѣшнихъ старообрядцевъ имѣются 2 школы. Но обѣ онѣ влечатъ жалкое существованіе, въ особенности одна изъ нихъ. «Во

время моего посѣщенія (въ февралѣ),—сообщаетъ инструкторъ, —въ этой школѣ было только 8 человѣкъ учащихся, дровъ не было ни одного полѣна и печь была совсѣмъ нетопленной. Учительница занималась съ дѣтьми въ шубкѣ, въ платкѣ и въ валенкахъ. Дѣти всѣ были тоже одѣты. Къ концу урока руки у дѣтей совсѣмъ замоченѣли и они не могли ими писать».

Какъ ни давятъ уставщики, все же нѣкоторые стремятся научить своихъ дѣтей и, минуя школу, отдаютъ ихъ частнымъ, убогимъ учителямъ. Такъ, напр., въ селѣ Надѣинѣ. Въ этомъ селѣ имѣется земская школа, гдѣ обученіе, разумѣется безплатно. И все же въ школѣ всего 6 человѣкъ. Между тѣмъ, у домашнихъ учителей за особую плату обучается около 40 дѣтей и подростковъ.

Нѣкоторые общества не высказывались рѣшительно противъ школы. Они только хотѣли бы, чтобы школа была въ ихъ духѣ, чтобы посредствомъ школы не навязывалось чуждое укладу жизни старообрядца. Любопытно познаться съ характеромъ отвѣтовъ, данныхъ инструктору на поставленные имъ вопросы на сходѣ въ с. Шеролдай. Вопросъ. Какую цѣль ставите школѣ? Отв. Главнымъ образомъ воспитательную; но не отрицаемъ и образовательной. В. Значеніе личности учителя въ дѣлѣ воспитанія? Отв. Учитель—все; нехорошій человѣкъ не можетъ быть учителемъ. В. Допускаете ли возможность присылки или выписки учителя со стороны? Отв. Пока нѣтъ. А дальше будетъ видно. В. Курсы для учителей? Отв. Сами по себѣ такіе курсы желательны. Но вопросъ,—кто ихъ будетъ устраивать. Изъ отвѣта села Н.-Жиримы. Школа должна научить дѣтей читать и писать русской гражданкой, читать по-церковно-славянски, считать устно, письменно и на счетахъ, любить Бога и Его святой законъ. Учителемъ желаютъ имѣть образованнаго старообрядца. По вопросу о средствахъ для содержанія школы высказались за собственные средства: если прибѣгнуть къ земству, то оно будетъ тогда и завѣдывать школой.

Передъ моимъ прїѣздомъ въ с. Хараузъ тамошній сходъ, благодаря усиліямъ одного молодого старообрядца, составилъ приговоръ объ открытіи въ этомъ селѣ земской школы. При этой школѣ предположено 2 учителя: одинъ, назначенный земствомъ, будетъ обучать общеобразовательнымъ предметомъ, другой—старообрядецъ, выбранный мѣромъ, будетъ преподавать церковно-славянское чтеніе и Законъ Божій. Домъ для школы отводитъ одинъ изъ крестьянъ. Содержаніе школы отнесено на счетъ земства. Собиралось обсудить вопросъ о школѣ и хонхолойское об-во. Находясь въ Мухоршибири, я получилъ изъ Хонхолойской волости срочно пакетъ съ приглашеніемъ прїѣхать на сходъ, 9 іюня, «для обсужденія давно назрѣвшаго вопроса объ открытіи училища среди старообрядцевъ и пр.». Но мой путь лежалъ къ югу. Когда, спустя недѣлю, я доѣхалъ до этого села и освѣдомился о школьномъ вопросѣ, то оказалось, что этотъ вопросъ остался открытымъ неизвѣстно до какихъ поръ.

До отъѣзда къ семейскимъ я долго бесѣдовалъ съ инструкторомъ-старообрядцемъ, съ глубокою скорбью рассказывавшимъ мнѣ о темнотѣ своего народа, и, казалось, конца онъ не видѣлъ тому мраку и гнили, которые заволокли его собратій. Познакомившись съ ними на мѣстѣ, я не вынесъ впечатлѣнія безысходности. Недовольство, пока скрытое, по поводу запретовъ, налагаемыхъ уставщиками и стариками, широко распространяется среди молодого поколѣнія,—среди мужиковъ и парней. Въ особенности велико значеніе въ этомъ отношеніи, оказанное военной службой и войною. Въ каждой бесѣдѣ, наряду съ жалобами на земельныя затрудненія, на неурядицы, шли жалобы на собственную темноту.—Да кто же въ этомъ-то вино-

вать? Учились бы!—«Да все старики виновати,—грѣхъ,—говѣруютъ». «Старики училишша не даютъ». «Сгарики училишша ни примають». «Отцы-матеря виновати». «Справышки училишша намъ не даютъ, у церкву пускать не будутъ». «Безъ училишша мы какъ безъ глазъ». Вотъ выраженія, какія я слышалъ отъ молодыхъ мужиковъ и парней. Последнее выраженіе принадлежитъ 15 илѣтнему парню Антамону. «Да нѣтъ. Будетъ ужъ: безъ школы не обойдешься. А то что: идешь по городу' видишь—написано и ничего не понимаешь. Идешь, какъ скотина. А когда въ солдатахъ были. Вѣдь страмъ-то какой: что не старообрядецъ, то неграмотный. Смѣются! Письмо нужно написать,—проси другихъ. Получишь письмо—заставляй читать другого. А въ письмѣ може, прописано: жена убѣжала. Бѣда, паря!» Такъ разсуждаютъ молодые крестьяне. Школа нужна. Темнота связала по рукамъ и по ногамъ. Выражалось и рѣшительное пожеланіе къ скорѣйшему открытію школы. Все это я наблюдалъ въ постоянныхъ собесѣдованіяхъ въ каждомъ селѣ. Земство должно скорѣе прійти на помощь молодому поколѣнію старообрядцевъ и, учитывая особенности ихъ быта и настроенія, открыть хорошія образовательныя школы и курсы. Ждать, пока инициатива выйдетъ отъ общества, напрасно: надо опять-таки не забывать жизненнаго уклада старообрядца: старики и уставщики приговорять объ открытіи школъ составлять не будутъ, а молодое поколѣніе выразить гласно своего протеста не сможетъ да и не посмѣетъ. Во что бы то ни стало, нужно обуздать мракобѣсіе уставщиковъ: они губятъ народную жизнь.

Уставщики возстаютъ не только противъ образованія, но и противъ медицины. Отъ всѣхъ болѣзней тамъ лѣчатъ знахарки. Обратиться къ врачу—большой грѣхъ, по писанію Тамъ сказано: «О врачахъ. Лучше есть в нездравіи пребывать, нежели ради премѣненія немощи въ нечестія впасти. Аще бо і уврачуетъ бѣсъ, болѣми повредитъ), нежели пол'зова». Такъ говорится въ одномъ старообрядческомъ рукописномъ сборникѣ, бывшемъ въ Забайкальѣ, а теперь хранящемся въ Ирк. Дух. Сем. (XLV, 1798). Оспу прививать, конечно, воспрещено¹. Года 4 тому назадъ въ старообрядческихъ селахъ свирѣпствовала эпидемія оспы. Много молодыхъ жизней унесла она. Въ Куналеѣ умерло за одинъ годъ 700 ребятъ, въ Куйтунѣ—800! Въ каждомъ селѣ вы на каждомъ шагу встрѣтите лица, испещренныя оспой. Не мало слѣпыхъ и одноглазыхъ отъ той же болѣзни. Тифъ, скарлатина также бушуютъ тамъ. Во время моей поѣздки было много больныхъ тифомъ. Въ Тарбагатаѣ имѣется больница. И надо замѣтить что вопреки ругани и анаемствованію уставщиковъ больными старообрядцами она посѣщается. Тайкомъ прививаютъ и оспу. Для избѣжанія грѣха *записи* въ больничную книгу нѣкоторые записываются не подъ своей фамиліей. Въ этомъ селѣ я жилъ у старика, внукъ котораго болѣлъ тифомъ. Старичекъ-врачъ посѣщалъ больного. Пасмурно принималъ его хозяинъ. «Каждый разъ когда уйдетъ докторъ, я молю Бога простить меня за мое прегрѣшеніе, за то, что я дерзнулъ усумниться въ его всемогущество».

Солнце печетъ немилосердно. На огородѣ рыться слишкомъ жарко стало. Иду къ колодцу. Онъ не глубокій. По бокамъ покрытъ льдомъ Баба несетъ ведра съ водой пополамъ со льдомъ.—Ледъ то зачѣмъ?—«А мы его въ чашку кладемъ и ребятешкамъ даемъ. Они сосутъ и не плачутъ». Отойдя нѣсколько шаговъ, встрѣтилъ

¹ Такъ повсюду у старообрядцевъ «Не прищепляютъ воспы» и старообрядцы румынской Добруджи «Повѣрите вы: есть которые уже по 300 и 400 франковъ аменду платили. У острогъ по второму разу идутъ» «Мы бѣлокриницкіе подчиняемся, приняли и воспу, завели и книги» (метрическія) В. Г. Короленько Очерки и рассказы. Кн. IV. 226—234 «Надъ лиманомъ»).

мужика: идетъ къ уставщику: пригласить на похороны своей младшей дѣвочки. «Горлушкомъ маялась и померла».

Уставщики не уступятъ добровольно своей власти. Если у старообрядцевъ-поповцевъ т. е. пріемлющихъ священника «по ихъ волѣ», кто либо заведетъ рѣчь о поискахъ попа, то уставщикъ и его подголоски старики загорланятъ: «Ищи если тебѣ хочется. А намъ попа не нужно».

Въ вопросѣ: како вѣруеши? семейскіе въ разбродѣ. Нѣтъ ни одного села, въ которомъ старообрядцы были бы одного толка. Большинство принадлежитъ къ поповцамъ. Поповцы дѣлятся на общинниковъ, зарегистрировавшихся, какъ община, по закону 1906 г., и необщинниковъ (большинство) Общинниковъ много въ с. Никольскомъ. Эти поповцы, руководимые своимъ умнымъ уставщикомъ, признали общину и нашли себѣ батюшку, престарѣлаго старообрядческаго священника бѣженца изъ Самарской губ. Первый разъ никольскіе общинники слышали свѣтлую заутреню. Слезами обливались отъ радости. Другимъ поповцамъ такого религіознаго подъема испытывать не приходится: вечерню, часы, кануны отправляетъ уставщикъ. Онъ же можетъ совершать и нѣкоторыя требы: крещеніе (не мѣропомазаніе), похороны. Вѣнчанія у нихъ тоже нѣтъ: «у насъ блудно сходятца». Лишь спустя нѣсколько лѣтъ, навернется откуда-нибудь батюшка, наложитъ епитимію на сошедшихся и повѣнчаетъ. Молодые сходятся иногда воровски безъ согласія старшихъ. Спустя нѣкоторое время, молодые приходятъ къ роднымъ невѣсты, бухаютъ въ ноги съ повинной,—происходятъ «простины», сопровождаемыя гулянкой. Къ помощи священника отъ общинниковъ поповцевъ, поповцы-необщинники ни въ коемъ случаѣ не прибѣгнутъ: одни другихъ считаютъ заблудшимися еретиками.

Имѣется небольшое число семейскихъ, принадлежащихъ къ бѣлокриничской епархіи (въ с. Куйтунѣ).

Безпоповцы нѣсколькихъ толковъ. Старые безпоповцы и новые, бывшіе раньше поповцами; но затѣмъ они отказались принимать бѣлыхъ поповъ. Прежніе безпоповцы, безпоповцы поморцы, не сообщаются съ позднѣйшими безпоповцами (с. В. Жирима).

Имѣются еще *темновѣрцы*, самые заскорюзлые фанатики: какъ на исчадіе ада смотреть темновѣрецъ на человека не своего толка. «Темновѣрцы у церкви безъ свѣчей; ихъ могилы особѣ» (Куналей).

Въ Хонхолоѣ мнѣ указывали еще на *иссочниковъ*, употребляющихъ при крещеніи песокъ вмѣсто воды.

Въ каждомъ селѣ поповны и безпоповцы имѣютъ свои молитвенные дома. Въ Никольскомъ у поповцевъ-общинниковъ большая церковь, а у необщинниковъ—часовня. Во время остановки въ Мухоршибири я былъ за вечерней въ пятницу передъ Троицей, т. е. накануне родительской субботы, въ молитвенномъ домѣ у поповцевъ. За вече ней поминали родителей. Небольшое помѣщеніе раздѣлено на 2 части. Въ задней части стоятъ женщины, въ передней мужчины. Въ передней же части по бокамъ помѣщаются лѣвый и правый «клыросы». По срединѣ передней части, поближе къ амвону,—аналой, передъ которымъ стоитъ уставщикъ. Къ восточной стѣнѣ ведетъ небольшое возвышеніе, вродѣ амвона. Стѣна уставлена иконами стараго письма. Къ аналою уставщика подходитъ длинный столъ, уставленный «канунами»,—банками меда съ пшеничкой; на каждой банкѣ прилѣплена горящая свѣча. Чтеніе и возгласы уставщика сопровождались пѣніемъ то одного, то другого клыроса. Въ опредѣленныхъ частяхъ вечерни происходило чтеніе на клыросѣ. Читали мальчики. Иногда чтецъ былъ бойкій: «читантъ быдто рубить». А иногда чтецъ ошибался. Въ такомъ случаѣ слѣ-

довала поправка со стороны мужчинъ. Чтецъ: «иже»...—«егоже», вслухъ хоромъ замѣчаютъ ему мужчины. Чтецъ: «свободѣ»...—«свободѣ»... слышится хоровое замѣчаніе. «Повтори!»—иногда раздавалось со стороны молящихся. Произношеніе при пѣніи очень открытое: вм. и слышится почти что е: «Господе помелуй...; «ал ле луе ја...» Изъ удареній: удареніе на предлогѣ: «во имя, на небеси, воѣки, ѡ бозѣ»... (—Такъ и въ старопечатныхъ книгахъ и рукописяхъ). Каждый проходящій, сотворивъ широко-размашистое крестное знаменіе (двуперстно), дѣлалъ земной поклонъ на востокъ, на югъ и на сѣверъ и земной поклонъ назадъ, передъ молящимися, отвѣчавшими ему поклономъ головы, и затѣмъ становился на свое мѣсто. У каждого имѣется подручникъ (подрушникъ)—небольшая подушечка, которую подкладываютъ подъ руки при земныхъ поклонахъ. Въ рукахъ у молящихся *лѣстовки*,—четки изъ кожи (обычно) или изъ бисера (рѣже). Молящіеся должны перебирать пальцами сборки лѣстовокъ и шептать молитвы. Среди обычныхъ сборокъ выдѣляется нѣсколько большихъ сборокъ: когда дойдутъ пальцы до опредѣленныхъ большихъ сборокъ должно читать положенныя молитвы.

Отстоявъ вечерню, я вышелъ на паперть. «Глянитца тебѣ наша служба?»—спрашиваетъ меня одна баба, выходя изъ моленной.—Если бы женскій полкъ поменьше болталъ за службой, было бы лучше.—«Помяни родителей»,—обращается ко мнѣ другая баба, подавая крашеное въ луковичномъ отварѣ яйцо.—Спаси Христось, помяну.—За ней съ тѣмъ же подношеніемъ еще баба и еще, и моя шапка сразу наполнилась крашеными яйцами. Бережно ступая по уличному зыбуну, направился я на свою квартиру, сопровождаемый довольными взглядами встрѣчныхъ семейскихъ.

Въ Никольскомъ я былъ у общинниковъ во всенощной 15 іюня, въ большомъ свѣтломъ храмѣ. Молили Ілью пророка о дождѣ. Всенощную служилъ священникъ. Богослуженіе было старинное, уставное. Слабовато справлялись съ своимъ дѣломъ клыросы. Нѣкоторые пѣвчіе ужъ оособенно старались о своемъ громогласіи въ значительный ущербъ благозвучію. Чтеніе для молящихся маловразумительное. На другой день была обѣдня. У необщинниковъ богослуженія не было; но въ день молебствія (16) и они не работали. Послѣ обѣдни началось обливанье: молодежь обливала каждого встрѣчнаго.—«Обливаютца—дождя ворожуть». Щадили лишь меня да прятавшихся за моей спиной. Дождя давно не было. Выходы были добрые, но засуха уже стала вредить имъ. Необходимъ былъ дождикъ. Ночью къ душевному успокоенію крестьянъ дождикъ собрался.

Невѣжественные руководители старообрядцевъ, ихъ отцы и наставники, какъ страшнаго грѣха, боятся отступленія отъ мельчайшихъ преданій старины. Вся жизнь должна зиждиться на святоотеческихъ книгахъ. Вѣдь тамъ сказано: «аще кто убавитъ или прибавитъ къ тому, яже написахомъ, да будетъ проклятъ». Такія заклинанія въ изобиліи находятся въ старообрядческихъ книгахъ. Не располагая достаточнымъ количествомъ святоотеческихъ книгъ, смѣшивая книги каноническія и не каноническія, базируя часто на послѣднихъ, и главное, не понимая ихъ, давая тексту, чаще безсвязно выхваченному отрывку, грубое и не соответствующее смыслу даннаго текста толкованіе, эти «пастыри» въ гордомъ сознаніи своей праведности шлютъ анаѣму всѣмъ, кто уклонится въ чемъ-нибудь отъ ихъ требованій,—уклонится, хотя бы въ томъ направленіи, чтобы приблизиться къ преданію своихъ предковъ, затемненному невѣжественностью уставщиковъ. Одинъ здравый старообрядецъ поднималъ голосъ за то, чтобы вести метрическія записи. Вѣдь это не грѣхъ. Насъ въ наказаніе лишили русскія власти права вести метрическія книги. «Возстановимъ это наше старое право!» Да будетъ проклятъ, кто поведетъ метрическія записи: это будетъ походить на нико-

нанскую церковь! Ересь!—Такова была резолюція на предложеніе «заблудшагося» старообрядца. Незадолго до моего прїѣзда къ семейскимъ, ребята со всего уѣзда возили въ Верхнеудинскъ для опредѣленія по внѣшнему виду возраста ихъ. Злостные въ своемъ невѣжествѣ, уставщики нашли формулы для оправданія ряда пороковъ своей паствы. За куренье табаку—проклятіе (по писанію; ср. ниже). Но самая отвратительная матершинная ругань, которая постоянно на устахъ и стараго и малаго (даже 8 лѣтнихъ ребятъ) у нихъ находить такое оправданіе: «Грѣхъ, что идетъ въ уста, а не то, что съ устъ». И это изувѣрское изреченіе они промѣняли на наставленіе и указаніе своихъ отеческихъ писаній: «О сквернословіяхъ и о срамословіяхъ. Лучше есть гной отъ устъ твоихъ плевать, нежели словеса скаредная износить и смрадная... и т. д. (въ забайк. старообр. сборникъ Ирк. Дух. Сем. XLV, 1798). П. А. Ровинскій, наблюдая жизнь семейскихъ, писалъ о ихъ уставщикахъ: «Можно помириться съ жизнью съ самыми простыми людьми, но жить постоянно съ книжниками и фарисеями не возможно. Это все ханжи и лицемеры, въ нихъ нѣтъ ни на волосъ правды, отъ нихъ не услышите слова живаго, а все самыя безплодныя измышленія и словоизлитія»¹⁾. Эти слова человѣка, свободнаго отъ всякихъ клерикальных тенденцій, а только скорбящаго при видѣ мертвящаго гнета уставщиковъ, повторяю и я.

Печальную картину представляетъ нравственное состояніе старообрядческаго общества. Въ особенности пошатнулось молодое поколѣніе. Заплѣсневѣлыя формулы ихъ стариковъ перестали удовлетворять молодежь. Не порывая окончательно связей съ бытовымъ укладомъ жизни отцовъ и дѣдовъ, она, хотя и безсознательно, ищетъ обновленія, жаждетъ новой, свѣжей струи въ душной атмосферѣ, испорченной уставщическими испареніями. Ищетъ и не находитъ. Огромную роль въ этомъ переломѣ играетъ пребываніе въ другихъ краяхъ, въ другомъ мірѣ. Выходъ молодежь нашла бы—въ школь, въ образованіи. Этого нѣтъ, и молодежь пьянствуетъ, развратничаетъ, хулиганствуетъ. Не говоримъ уже о куреньѣ. Курильщикова не малое количество есть въ каждомъ селѣ. Уставщики въ моленную ихъ не пускаютъ, старухи плачутъ по погибшимъ, а они все-таки курить,—курютъ подлецы крадчи, а то и въ-открытку». Есть даже такіе,—усумнились въ «дериги»: «Креста ругаютъ!—жаловались мнѣ. Не мало найдется и среди пожилыхъ, которые не отстанутъ отъ буйной молодежи. «Какой таперь народъ,—одна распублика!.. «Чижало жить смиренному человѣку у нонишнимъ народѣ. Швецкий [свѣтскій] законъ держутъ, а не духовный». Скверная ругань, какъ карканье воронъ, стоитъ надъ селомъ. Ругаются всѣ: и мужики, и бабы, и ребята. Развратъ не находитъ себѣ рѣшительнаго осужденія. Пьянство оглушило всѣхъ. «Самогонку пьютъ, шибко пьютъ!» Пьянствуютъ не только мужики и парни, но и бабы и бахвалются этимъ. И 10 лѣтнихъ ребятъ я встрѣчалъ пьяными (въ Мухоршибири, «десятскіе»). И помину нѣтъ о томъ, о чемъ писали старообрядческіе книжники въ Забайкальѣ: «блудникъ, пияница, лѣнивый на единой колеснице». «Толма бо ненавидитъ богъ панаго, яко мы пса гнушаемся мертва смердяща» (Сбор. Ирк. Д. Сем. XLV. 1798).—Грабежи, поджоги и убійства—послѣдствіе нравственной распущенности старообрядческаго общества. Тамъ лошадей угнали, тамъ плужки украли, а тамъ спалили,—приходилось слышать то въ одномъ, то въ другомъ селѣ. Въ Кунадеѣ при мнѣ происходило вскрытіе 5 тѣлъ убитыхъ. Между ними былъ одинъ военноплѣнный, незадолго до смерти вернувшійся изъ плѣна. Мужикъ былъ скромный, работающій. Кто его убилъ, неизвѣстно. Народъ обвиняетъ полюбовника его жены. Въ томъ же селѣ у меня

¹⁾ Изв. Сиб. Отд. Р. Г. Об. в. т. IV. № 3, 120

просидѣлъ часовъ до 10¹/₂ вечера предсѣдатель волостной управы. Съ большой боязнью онъ отправился домой: какъ бы на улицѣ не убили. «По ночамъ не сплю. Боясь поджога», — жаловался онъ мнѣ. Разъ уже сожгли его постройки. Въ Никольскомъ во время моего пребыванія тамъ было нападеніе ночью на одного мужика спавшаго у себя на дворѣ. Удалось спастись бѣгствомъ. Выстрѣлы не задѣли его. Тогда же происходили похороны одного крестьянина, убитого на мельничѣ крестьяниномъ изъ сосѣдняго села Харауза. Въ Мухоршибири подхожу къ одному строящемуся дому: 3 раза сжигали постройки этого мужика. По наведеннымъ мною справкамъ, мужикъ былъ хорошій, смиренный, работающій. «Злобу гонять на человѣка», — со вздохомъ говорили мнѣ. На 3-ій день Троицы прїѣзжаетъ ко мнѣ въ Н. Заганъ молодой мужикъ изъ сосѣдняго села Шеролдая. Плача, жалуется на разбойничество. На Троицу во время пьянства нѣсколько мужиковъ передралось. Онъ, какъ свидѣтель, показалъ милиціи все такъ, какъ происходило. Милиція виновныхъ въ буйствѣ оставила въ покоѣ. А между тѣмъ одинъ изъ буяновъ угрожаетъ свидѣтелю пожаромъ и смертью... «Сказню тебе!» Вчера онъ съ ножомъ турилъ за маткой свидѣтеля. Милиція обѣщала разобрать дѣло не ранѣе, какъ черезъ недѣлю. «А недѣлю-то какъ же я буду жить? Помоги Бога ради!»

Въ прошломъ году по селамъ Забайкалья повили себѣ гнѣзда разбойническія шайки грабившія и убивавшія по глухимъ дорогамъ Забайкалья. Теперь тамъ стихло. Пугаютъ лишь переѣздомъ изъ Мухоршибири къ Бичурѣ, черезъ Заганскій хребетъ. Мнѣ рассказывали объ одномъ изъ такихъ «удалыхъ молодцовъ», о казенномъ разбойникѣ изъ с. Шеролдая Кривцовѣ. Ему было всего 22 года; но онъ успѣлъ загубить нѣсколько жизней. Первое убійство онъ совершилъ 15-лѣтнимъ парнемъ: задушилъ свою тетку за 300 рублей. Своею жизнью онъ былъ доволенъ: «Хорошо пожилъ», — хвалился онъ передъ смертью. Идя на висѣлицу, онъ выпросилъ дозволеніе пропѣть: «За тюремной стѣной умираю арестантъ молодой».

Нашъ очеркъ современной жизни семейскихъ закончимъ гулянками на Троицу и на масленицу.

Утро Троицы я провелъ въ Мухоршибири. Отстоявъ обѣдню въ «сибирской», т. е. православной, церкви, я отправился въ Н. Заганъ находящійся въ верстахъ 5 отъ Мухоршибири. До обѣда все чинно было: спали, отдыхали мирно бесѣдовали, сидя въ «застини». За селомъ собрались дѣвушки и парни, — пѣсни поютъ, вѣнки завиваютъ. Пѣсни поются старинныя, а иногда раздается и частушка «Забрехали по собачьему», — ворчатъ старики, услыхавъ частушку. Послѣ обѣда по селу началось катанье. Въ небольшой двуколкѣ набито штукъ по 5 бабъ, раскраснѣвшихъ отъ жары и выпитой водки и самогонки. Лошадью управляетъ мужикъ. Лошадь идетъ медленно. Возсѣдающіе, грузно колеблясь изъ стороны въ сторону, непрестанно оглашаютъ село пѣніемъ, иногда согласнымъ, иногда вразбродъ. Среди катавшихся были бабы молодая и довольно пожилая. Помахивая платками, онѣ ревѣли пѣсни съ необыкновеннымъ усердіемъ. 4 года горевали; теперь справляютъ праздникъ по старинному, какъ полагается. Время отъ времени по улицѣ проходятъ группы молодыхъ бабъ, разнаряженныхъ въ свои яркіе костюмы: взявшись за руки, онѣ медленно идутъ, оглашая село заунывнымъ пѣніемъ. Зайдя въ избу, онѣ подкрѣпляются яишней (яичницей) и хмѣльнымъ. Но увидишь и молодыхъ бабъ, не катающихся, не разгуливающихъ съ пѣснями и не жарящихъ яишню: онѣ сиротливо сидятъ у избы: мужа изъ плѣна не вернулись. «Всѣ яйцы просидѣли, а ихъ все нѣту. Другова мужа надо куплять, да вотъ Митька (мальчикъ 3 лѣтъ) говоритъ: — Подожди батьку, — хотя онъ и не видѣлъ еще своего батьку». Гулянье во всю было... «Рыпаемъ Ваш-

ствѣ, рыпаемъ»,—покрикивалъ мнѣ почтенный Измаилъ Исаакичъ Оглы, татаринъ, родившійся и выросшій въ Н. Заганѣ (отецъ его пришелъ сюда съ Кавказа). А Арламъ (Варлаамъ) М. отъ всей души предлагалъ мнѣ выйти съ нимъ самогонки. Два дня продолжалось гулянье. Ревъ послѣднихъ катавшихся я слышалъ во вторникъ утромъ часовъ въ 6. Въ этотъ день было унылое, пасмурное настроеніе въ селѣ. «Быдто надсѣлись, ревели».

Такъ же шумно проводятъ семейскіе и масленицу. Катанье, выпивка, закуска. Парни дѣвушекъ катаютъ, а онѣ парней въ гости зазываютъ,—слюбяются. Ни «безстудія», ни «безчинія», ни «проклятаго дѣла» не видятъ семейскіе въ этихъ увеселеніяхъ, отъ которыхъ раньше ихъ отучали книжники, писавшіе: «зри о безстудіи и о безчиніи. Конѣное рыстаніе, по улицамъ катанія въ праздничныя дни и во вся мисоеды а наипаче въ самые дни прощенныи на сырной недѣли множайшія діавольская замышленія творять... юноши малыя такожды во прощенныи дни осѣдлають имъ конѣи и ездѣють по улицамъ, собѣрутся гурбою. Се творять по обычаю татарскому...» (рукоп. старообрядч. сб. Ирк. Д. Сем. XLV. 1797).

II.

Въ каждой старообрядческой общинѣ имѣется нѣсколько человѣкъ, обученныхъ церковно-славянскому чтенію и письму. Въ результатѣ многолѣтняго обученія молодой старообрядецъ осиливаетъ церковно-славянскую грамоту, преподанную ему начетчикомъ при помощи стариннаго русскаго способа. «Подобаеть оубо вамъ о оучителіе вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей оучити божественнымъ писменемъ. Первое оубо въ началѣ буквамъ, сирѣчь азбуцѣ: цотомъ же часовнику и псалтыри, и прочимъ божественнымъ книгамъ». Такъ прописано въ предисловіи къ старинной грамматикѣ, переплетенномъ въ одномъ старообрядческомъ забайкальскомъ сборникѣ (Ирк. Д. Сем. XLV. 1822). Тутъ же предупредительно замѣчено: «А и самимъ бы вамъ знати же естество словесъ, и силу ихъ разумѣти, и гдѣ говорити дѣбело и тѣносно и гдѣ с пригибеніемъ оустъ и гдѣ с раздвиженіемъ и гдѣ просто. Паче же ять [ѣ] с естемъ [е] разнити еже бы нерещи в мѣсто пѣнія пеніе... и прочая таковая. Сіе бо вельми зазорно і оукорно». Начетчикъ по мѣрѣ своего разумѣнія старается, чтобы учащіеся твердо держались въ произношеніи написанія книжнаго. Но въ отношеніи фонетики они безсильны отучить своихъ учениковъ отъ особенностей ихъ прозношенія. Въ книжномъ пригибеніи и раздвиженіи устъ начетки сами плохо освѣдомлены. Въ говорѣ семейскихъ вм. мягкаго с представлено мягкое ш (шепелявое мягкое с, см. ниже о говорѣ), а вм. мягкаго з мягкое ж (шепелявое мягкое з). Такимъ же образомъ произносятся и церковно-славянскія слова, напр., въ церкви: ш'ила вм. сила, ж'емля вм. земля и т. п. На церковно-славянскомъ чтеніи отражается также аканье и яканье,—черты живого говора семейскихъ. Но по отношенію къ постановкѣ ударенія,—къ постановкѣ въ согласіи съ старописьменными и старопечатными книгами, начетки и старики—грамотеи слѣдять неукоснительно. Они вслухъ поправятъ чтение въ церкви, произнесшаго слово съ удареніемъ не на томъ слогѣ, на какомъ требуется старокнижной традиціей. Допустить ошибку въ удареніи—значить отступить отъ православнаго святоотеческаго преданія. Они блюдутъ наставленіе старинныхъ русскихъ церковно-славянскихъ грамматикъ, указывавшихъ на грѣховность искаженія ударенія «Вѣрхняя сила [постановка надстрочныхъ знаковъ] знати и оученикомъ».

своимъ сказывати имена и силу ихъ.. А о семъ найпаче молитъ васъ наше художіе господію нашу и братію, еже бы вамъ всякимъ зблнымъ потщаніемъ наказати оучениковъ, и в началѣ часовника перваго стиха: царю небеснымъ оутѣшителю душе истиннымъ и прочая а не говорити и не оучити в мѣсто душе душе яко же не искоусниі слову оучат и говорятъ, зблѣ сіе и вельми богу въ троицѣ славимому бранно, яко в мѣсто духа святаго глаголють доушо, и невѣмы каку; страшно бо есть братіе неточію сіе рещи, но и помyslити» (изъ той же грам.).

Старообрядческіе грамотеи поддерживаютъ старую книжную традицію. Въ послѣдніе годы семейскіе запаслись печатными московскими старообрядческими изданіями. Но среди начетчиковъ обращаются и болѣе старыя изданія и рукописныя книги. На этихъ книгахъ и рукописяхъ училось много поколѣній старообрядческихъ грамотеевъ, съ этими книгами они уходили въ изгнаніе, за эти святоотеческія писанія они шли въ ссылку, на страданіе и на смерть. Основныя мысли и положенія древле-православныхъ книгъ черезъ грамотныхъ людей усваивались и прочими представителями старообрядческой общины. Въ обсужденіи тѣхъ или иныхъ положеній старообрядства принимали участіе не только начетчики, но и люди некнижныя. См., напр., въ бесѣдахъ архим. Михаила съ забайкальскими старообрядцами¹⁾.— Бесѣды относятся къ 80 мъ гг. XIX в.

Въ настоящее время многія предписанія книжныя утратили остроту ихъ значенія. Кромѣ, можетъ быть, отдѣльныхъ лицъ, незамѣтно уже строгаго слѣдованія всѣмъ правиламъ, преподававшимся книжными людьми. Такъ, напр., во всѣхъ старообрядческихъ наставительныхъ сборникахъ, просмотрѣнныхъ мною, строго воспрещается имѣть общеніе съ еретиками, къ которымъ относились и «никоніанцы». Нельзя было пить, ѣсть съ ними изъ одной посуды. Вотъ цѣлое сказаніе отъ священныхъ правилъ и отъ оучителей церковныхъ, яко не[по]добаетъ к еретикомъ и схизматикомъ пріобщенія имѣти в молитвословіи, в яденіи, в питіи и любви» (Старообр. забайк. сборн. Ирк. Д. Сем. XLV. 1822 лл 40 об.—46; то же въ сборникѣ Троицк. монаст., 33 об.—41). «Зри, православнымъ, за едино точію общеніе в яденіи толико пола[га]ет осужденіе... Послушайте православниі и съ еретиками не смѣшивайтесь да не сведени будете в вѣчныя муки с ними» (Старообр. сборн. Ирк. Д. Сем. XLV. 1806, л 20, 22. Тѣ кто съ еретиками сообщенія имѣютъ въ яденіи и питіи, въ дружбахъ—ересь» (старообр. забайк. сборн. Ирк. Д. Сем. XLV. 1797, л. 104).—Семейскіе выполняли это требованіе еще въ 70-хъ гг. прошлаго вѣка и даже позднѣе. Теперь этой нетерпимости уже незамѣтно или, по крайней мѣрѣ, она въ глаза мнѣ не била. Вездѣ я находилъ радушный пріемъ и сердечное угощеніе. Мало того, теперь и съ кармой заодно непрочь выпить араки. Между тѣмъ, въ другихъ мѣстностяхъ старообрядецъ еще блюдетъ во всей возмутительной полнотѣ это «святоотеческое» предписаніе. Вспомните разсказъ В. Г. Короленка, какъ угощалъ благодарный безпоповецъ въ Добруджѣ, липованъ, извозчика Луку и социалиста Катріана, помогшихъ спасти липовану возъ и лошадь. «Онъ наливаетъ себѣ стаканъ, говоритъ: «Господи благослови» и быстро опрокидываетъ въ ротъ. Потомъ подноситъ Лукѣ и Катріану. Они выпиваютъ. Липованъ наливаетъ по другому стакану.—А самъ?—спрашиваетъ у него Лука, выпивъ послѣ Катріана.—Не догадался вишь... Теперича нельзя мнѣ: посудину вы опоганили.—Онъ кидаетъ стаканъ въ кусты...»²⁾).

¹⁾ «Бесѣды съ старообрядцами начальника забайкальской противораскольнической миссіи Архим. Михаила. Спб. 1887, стр. 60 слѣд.

²⁾ Очерки и разсказы. Кн. IV, 342. См. также безпоповскую кампанію липованъ, пришедшую въ трактиръ каждый съ отдѣльнымъ стаканомъ Jbid. 406.

Каковъ запасъ книжнаго богатства забайкальскихъ старообрядцевъ? Чѣмъ питались и питаются старообрядческіе книжники Забайкалья въ теченіе ихъ жизни въ Сибири? — Мнѣ не удалось познакомиться съ книжными собраніями начетчиковъ. Трудно сойтись съ этими людьми, привыкшими только запугивать своихъ темныхъ односельчанъ. Я боялся, что мою попытку поближе подойти къ нимъ они скомпрометируютъ въ глазахъ прочихъ старообрядцевъ, а добрымъ отношеніемъ ко мнѣ послѣднихъ я дорожилъ и дорожу. Но я имѣлъ возможность обслѣдовать старообрядческія рукописи находящіяся въ селенгинскомъ Троицкомъ монастырѣ. Туда онѣ попали, будучи отобраны у забайкальскихъ старообрядцевъ священникомъ Курышевнимъ — Въ Троицкомъ монастырѣ находился «Начальникъ противораскольниковъ миссіи въ Забайкальѣ». — Кромѣ рукописей Троицкаго монастыря, я познакомился съ старообрядческими рукописями, хранящимися въ библіотекѣ Иркутской Дух Семинаріи, куда онѣ попали, какъ конфискованныя у забайкальскихъ старообрядцевъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей находится сургучная печать: «Нерчинской заводской подиціи печ.». Между прочимъ, такая печать красуется на рукописной псалтыри (XLV, 3813) и на каноникѣ (XLV, 3814). И эти книги оказались опасными для спокойствія государства. Попадали въ библіотеку Иркут. Дух Семинаріи книги отъ забайкальскихъ старообрядцевъ и другимъ путемъ. Въ 60 хъ г. г. прошлаго столѣтія они жаловались С. В. Максимову: «Въ Иркутскѣ хвастаютъ что тамъ де у архіерея нашихъ старопечатныхъ книгъ на десяти возахъ не свезешь [излишняя гипербола! А. С.]: все наворовали отъ насъ семинаристы и поотобрали попы и всякій, кому и не надо»¹⁾.

Однѣ изъ рукописей принесены были въ Забайкалье изъ Европейской Россіи, другія были написаны въ новомъ мѣстѣ жительства въ Забайкальѣ.

1) Вотъ книжечка въ малую осьмушку «*Бѣсѣдословіе*», написанная красивымъ полууставомъ (XIX в.), съ заглавіемъ въ изящно исполненной рамкѣ²⁾. Бѣсѣдословіе, избрано изъ разума священнаго писанія и огъ богословскихъ истолкованныхъ умствъ. О миробытіи и о случдѣхъ послѣдняго врѣмени, и обыскательное любомудріе о вѣре. Въ пользу синономъ сіона». Написана она въ Забайкальѣ. Извѣстенъ и авторъ ея. «Сіе Бѣсѣдословіе грѣшнымъ Іоанномъ изъ тюменскихъ мѣщанъ бывшимъ Легостаевымъ за Байкаломъ моря; Аминь (запись на л. 137). Къ «забайкальцамъ» онъ нерѣдко обращается, какъ къ читателямъ, слушателямъ и друзьямъ, пріютившимъ его. О себѣ Іоаннъ Легостаевъ говоритъ, что онъ, «аше и многогрѣшенъ, но правую вѣрою во Христа Ісуса [иса] былъ и есть и будетъ христіанинъ, и есть оныя исповѣдникъ, прелести древле-завистника титина [дьявола] раз'яснитель и обличитель» (л. 2). Въ теченіе 30 лѣтъ онъ испытывалъ гоненія и страданія за правую вѣру защиту ея и за обличенія прелестей антихриста (л. 31). Онъ обличаетъ не только «горестное паденіе» велико-россійской церкви, но и единовѣрцевъ, а также бѣглопоповцевъ. Самъ онъ, повиди-мому, принадлежалъ къ одному изъ толковъ безпоповщины. На лл. 129—131 онъ рассказываетъ забайкальцамъ о своихъ дѣяніяхъ, и разглагольствованіяхъ о вѣрѣ. Въ Тюмени въ духовномъ правленіи онъ тридневно разглагольствовалъ, о чемъ обширный на нѣсколькихъ листахъ докладъ былъ посланъ въ Синодъ. Въ Казани свой «подвигъ страданія поновилъ». Состязался тамъ со архипастырями въ Канцысторіи. «За твѣрдое в вѣрѣ стоявія военнаго званія себя освободилъ. Еже архипастыри в комиссію военнаго суда о мнѣ отнесли, что я, называя ихъ еретиками, отступниками, злыми вождами, сосудами антихристовыми. Къ тому присовокупили, но на

¹⁾ С. В. Максимовъ. Сибирь и каторга, 4-е изд.; т. II, 263.

²⁾ Фабричный штемпель на бумагѣ: «Высочайше утв. компаніи Угличской фабрики».

основаніи текста священнаго писанія, еже въ кафермаціи военнаго Губернатора и въ выпискѣ по одобренію архипастырѣй поясняется, глаголють, что Иван Легостаевъ въ вѣрѣ не притесняемъ, исполняетъ свои христіанскія обряды по своему вѣроисповѣданію и наши архипастыри все его книжныя доказательства пріняли врезонъ, утвѣрили и сказали: Вѣримъ, Вѣримъ, Правда. Правда. Ей благодарю Казанскихъ архипастырей Деректора академіи, архимандрита, Кафедральнаго Протопопа Вихтора Петровича с прочими, еже на мѣня порочно, но го мнѣ похвально изрекоша и не мнѣ хвала, но древлецерковному богопросвѣщенному благочестію и спасителю имени: Слава аминь».

2) Вотъ засаленная тетрадошка, усердно читавшаяся семейскими, написанная, вѣроятно, въ началѣ XIX в. со стихомъ о Іосифѣ прекрасномъ. Писалъ «войска донскаго, пети избянской станицы, бывшей казакъ, Порфирей Романовъ, сынъ Буровъ». То же лицо написало большой сборникъ разнаго содержанія («Цѣлитель»), наход. въ библиотекѣ Ирк. Духовной Семинаріи, XLV, 1882. «Спотрудижесе всѣмъ вѣщъ собрати и ставити сію книжицу многогрѣшнымъ и непотрѣбнымъ рабъ божіи порфиріи романовъ, сынъ буровъ» (Запись въ концѣ книги). На кожаномъ переплетѣ печать нерчинской заводской полиціи. Петръ Буровъ списалъ и обширный *Каноникъ* (Ирк. Д. Сем. XLV, 3814). На переплетѣ сургучный слѣлъ нерчинской полиціи.—Несомнѣнно, всѣ указанныя книги Букова написаны имъ въ Забайкальѣ.

3) Вотъ еще «святая богодохновенная книга собрана отъ многихъ различныхъ отъ божественныхъ отеческихъ книгъ, отъ святыхъ писанійхъ, отъ старопечатныхъ свидѣтельствованныхъ. А составилъна сія книга Давыдомъ старцемъ». Ркп. in f., размѣромъ 131 листъ. Написана полууставомъ въ к. XVIII-го в. Тутъ подобрано много статей рѣзко полемическаго характера. Имѣется нѣсколько рисунковъ съ изображеніемъ и перечисленіемъ ересей. Вотъ змѣй седьмоглавый, а на немъ жена-блудодѣйница; въ рукахъ у ней сосудъ со всякой нечистію, сирѣчь еретики и раскольники. Надъ звѣремъ перечислены ереси. Или вотъ еще изображеніе: церковь истинная православная и церковь никоніанскихъ учениковъ. Посрединѣ вдоль листа приклеена плоска, а подъ ней вращается полукружіе съ перечисленными ересями. Какъ этотъ «кругъ» покрываетъ церковь православную, такъ человекъ ересями раздѣляетъ вѣру христіанскую, разрушаетъ и оскверняетъ (см. приложенные снимки). Прочія изображенія представляютъ собою рамку въ видѣ церкви «православной» или какой-нибудь «еретической», а въ срединѣ рамки прописаны ереси. Въ сборникѣ находятся статьи, обличающія богоотступничество еретиковъ не только въ Европѣ, но и въ Сибири. Въ главѣ 29 ой. показано «отъ святаго божественнаго писанія о людехъ глаголимыхъ благословѣнными, і еще ихъ называютъ *тавринцы* и называютъ *козлы* а въ *сибирской старонѣ называютъ мураши*. А святое божественное писанія таковыхъ называетъ законоприступники і отъ вѣры христовыи и соборныя апостольскія церкви отпадшіи и отъ святыхъ соборовъ отъ святыхъ отецъ приклінаеми и къ еретикомъ причитаеми». Ихъ ересь: имѣютъ поповъ явныхъ, миропомазаніе берутъ отъ архіереевъ росейскихъ, попы на клятву «благословеніе» даютъ, подати платятъ, въ нечестивое воинство отдатчиковъ собираютъ, съ вѣроотступниками у себя въ домѣ пьютъ и ѣдятъ. Таковы богоотступничества *мурашей*. Выписки для обличенія ихъ занимаютъ 14 стр. (лл. 100—106). Въ написаніи этой книги постоянно отражаются черты говора старца Давыда.— а вм. неудареннаго о; и, я вм. неудареннаго е (е и ѣ). Форма глагола наст. вр. ед и мн. оканчивалась на мягкое тѣ (ть); если пишется -тѣ, то это по требованію книжной и орографической традиціи; писатель иногда путался въ употребленіи на письмѣ тѣ и тѣ, ставя тѣ не только въ передачѣ

формы 3 л. ед. и ин. но и въ передачѣ неопредѣлен. (инфинитива); никтожа можетъ нипродать, нипрожить, нипрожить гдѣ... (93 об.), итить (125). « произносился какъ согласный длительный; въ концѣ—х, что отразилось въ путаніи i и x: о дружѣтъ (65), слугагъ (69). Форма личного мѣстоим. родит.—вин. на—е: мене, теба, себр: держать у себѣ (25 об.) и др. Все это черты говора *сѣмейскихъ* (подробнѣе см. въ главѣ о языкѣ).

Обличительную книгу съ такими же изображеніями, какъ въ сборникѣ старца Давыда, видѣлъ Ю. Д. Талько-Грынцевичъ у одного сѣмейскаго начетчика¹).

4) «Сія книга, нарицаемая цвѣтникъ, избранная изъ церковныхъ книгъ напечатана въ типографіи виленской въ лѣто 7308 е, списана Петромъ Овчинниковымъ въ 1880 года» (зап. на 117 л.). Овчинниковъ—распространенная фамилія у сѣмейскихъ. Въ говорѣ Петра Овчинникова было длительное *е*, въ концѣ слова перешедшее въ *х* Отсюда путаница въ написаніи *и* и *х* и въ срединѣ: *книга* (нѣсколько разъ). Этотъ обширный сборникъ (въ 4-ку на 384 листахъ) содержитъ «Воспоминаніе преславнаго чудеси святаго архистратига Михаила, еже есть былъ въ Хонехъ», «О чудесѣхъ святаго великомученика Мины», «Сказаніе о явленіи ангела господня въ пустынѣ преподобному Макарію египтянину» и слова изъ пролога. Послѣ записи на л 117 слѣдуютъ слова Ипполита папы римскаго о скончаніи міра 118—145, и др., сказанія житія (изъ Патерика), изъ Четы-минеи, изъ Великаго зеркала), страсти Христовы и сонъ Богородицы. Составъ цвѣтника П. Букова совсѣмъ иной: тамъ преимущественно статьи апологетическія, но имѣются и вообще назидательныя; включены каноны. Сборникъ Овчинникова находится теперь въ Троицкомъ монастырѣ.

5) Большой рукописный сборникъ (въ 4 ку на 308 листахъ, новаго полуустава, XIX в.) библіотеки Ирк. Дух. Семинаріи, XLV, 1814 Весь занятъ статьями о пришествіи антихриста. «О случаехъ послѣдняго времени, Тити[нъ] потрясетъ вѣлики; 666-е число о антихристѣ». Таково заглавіе этого сборника. Онъ состоитъ изъ 3-хъ частей: «в первой чѣсти о антихристи, во второй чѣсти о соборнѣйшихъ отступленіяхъ, въ третіей чѣсти о смущеніи и недоумѣніи я разгласи въ вѣрныхъ простаго народа отъ винны главныхъ отменъ»¹ (конецъ предисловія). Въ послѣдней части весьма рѣзкія обличенія Петра I, какъ антихриста, какъ «первѣйшаго раздорника, отступника божія», какъ «пресквернаго онаго адскаго пса» и т. д. — Мы не знаемъ мѣста написанія этой книги. Но можемъ утверждать, что она была въ обращеніи у старообрядцевъ Забайкалья. Кромѣ мѣста теперешняго ея нахождения, на это указываютъ черты языка позднѣйшей записи на переплетѣ и лѣсьма, вложеннаго въ этотъ сборникъ. — На верхній (зап.); въ письмѣ: неоставти, обожантисъ, братицъ Арсентій Степановичъ, а тѣтникъ обратна приплити. Будитъ денигъ, писемы ретка шлемъ.—Тимофей Археревъ самъ писалъ.—Онъ рекомендуетъ своимъ роднымъ обратиться къ Серовымъ оиіи мненія поморскаго.

6) Въ библіотекѣ Ирк. Д. Семинаріи (XLV, 1784) находится большой рукописный сборникъ красиваго полуустава (новаго), въ 4-ку на 278 листахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ *олонецкіе* или *поморскіе отѣты* (л. л. 1—218): «Божіею помощію и заступленіемъ пречистыя богородицы и всѣхъ святыхъ всепустынное общетрудное совѣтоотвѣтное извѣщеніе наше, егда довершихомъ и тогда е рукоприкладываніемъ достовѣрствовахомъ. Лѣта отъ мирозданія 7231-го (отъ Р. X. 1723), мѣсяца іюни 21 дня» (Зап. на 214 л.). Здѣсь въ 106 отвѣтахъ, то сжатыхъ, то подробныхъ, указаны отступленія великороссійской церкви отъ преданій св. отцовъ, отъ древляго

¹ Семейскіе (старообрядцы) въ Забайкальи: 17.

благочестія и ипологія своѣго старообрядства. Тонъ и стиль отвѣтовъ умѣренный, солидный, дипломатическій, безъ крикливаго задора другихъ старообрядческихъ писаній. Обращаясь къ іером. Неофиту, присланному къ олоонецкимъ старообрядцамъ на Петровскіе заводы, старцы пишутъ въ «Предисловіи»: «по указу всепресвѣтлѣйшаго императорскаго величества, велено намъ с тобою учинить тихое и кроткое разглагольство о произшедшемъ несогласіи, и ты о ономъ несогласіи вопросовъ сто шесть прислалъ еси. Мы же на оны отвѣтное разглагольство написахомъ с древлецерковными свидѣтельствами, свободжающе сими и тебе и себе и прочія слышатели отъ излишнихъ трудовъ» (11). Раньше отвѣтовъ старцы изъясняютъ, «яко мы не въ своихъ, но в древлепреданныхъ церковныхъ уставѣхъ пребываемъ» (8 об.), «того ради древлеправославныя церкви уставы соблюдаемъ, да вѣчное спасеніе душамъ своимъ получимъ... якоже святіи в тѣхъ древлеправославныхъ уставѣхъ, знаменующа двѣма перстома богу угодиша, тако и мы знаменася двѣма перстома, в тѣхъ же святоотеческихъ уставѣхъ желаемъ и молимся угодити богу. Яко же они по древлецерковнымъ святымъ книгамъ спасеніе получиша, тако и мы по тѣмъ святымъ книгамъ просимъ отъ господя милости спасеніе получитьи... Но ежели нынѣ церкви великороссійскій не пріобщаемся, и того ради отъ васъ осуждаемъ, яко расколоторцы, но, понеже мы в древлеправославныя церкви преданіяхъ, раскола какова несотворихомъ... и съ намѣреніемъ спасительнолюбытельнымъ в древлецерковныхъ уставѣхъ пребываемъ. сего ради нѣсмы расколоторцы. А и пріобщенія нынѣшнія російскія церкви опасаемся,... новинъ отъ никоновыхъ временъ нововнесенныхъ опасующеся,... съ новоположенными клятвами и порицаніями на древлецерковная содержанія согласитися ужасаемъ о чемъ во отвѣтѣхъ пространнѣе засвидѣтельствуется» (9 об.—10). Къ отвѣтамъ приложена «Краткая исторія о отвѣтѣхъ» (218 об.—230). Въ этой исторіи разсказывается, при какихъ обстоятельствахъ писались отвѣты, какъ происходили разглагольства въ апр. 1722 г.—сент. 1723 г. въ Олонецкомъ уѣздѣ. Листы 231 об.—260 заняты исторіей осады и взятія Соловецкой обители (взята была въ январѣ 1676 г. послѣ 7 лѣтъ съ лишнимъ осады ея). Въ соотвѣствующихъ мѣстахъ имѣются прекрасныя изображенія благословляющей руки, а въ концѣ книги изображенія креста. На семинарскомъ экземплярѣ на послѣднемъ листѣ запись: «Написана сія святая и богодохновенная книга, глаголемая отвѣты олонецкія въ лѣта отъ Адама 7269-го [отъ Р. Х. 1761] мѣсяца декабря въ 20-10 дни». Но бумага и почеркъ этой рукописи, кажется, болѣе поздняго времени. Экземпляръ этотъ принадлежалъ *Петру Шумилову* (помѣтки). Имѣется помѣтка съ фамиліей *Бондыревъ*. Гдѣ списана эта книга, мы не знаемъ. Но на пребываніе ея въ Забайкальѣ мы указаніе имѣемъ. Въ Троицкомъ монастырѣ имѣется книжечка въ прекрасномъ кожаномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, въ 8 ку, содержащая въ себѣ «исторію о отвѣтѣхъ». Полууставъ письма ея тотъ же, что и «Олонецкихъ отвѣтовъ» семинарскаго экземпляра. Безъ сомнѣнія, не только этимъ, но и другими экземплярами «олонецкихъ (или «поморскихъ») отвѣтовъ» располагали забайкальскіе старообрядцы. Эта книга—основоположная у старообрядцевъ. Ссылки на нее испещряютъ каждое старообрядческое писаніе. Въ 1884 году «Поморскіе отвѣты» были напечатаны «въ Мануиловскомъ Никольскомъ монастырѣ». Въ это изданіе ни «Исторія о отвѣтѣхъ», ни «Исторія» объ осадѣ Соловецкой обители не вошли. О другихъ изданіяхъ «Отвѣтовъ» см. въ статьѣ В. Г. Дружинина: «Подлинная рукопись Поморскихъ Отвѣтовъ и ея изданіе» (Изв. Отд. рус. яз. и Слов. И. Ак. Наукъ. 1912 г., т. XVII, кн. 1, стр. 53—77).

7) Въ Троицкомъ монастырѣ находится тетрадь довольно поздняго изданія

(2 ой половины XIX стол.), отобранныя у старообрядцев той местности (Верхнеудинскаго у.). На тетрадькѣ помѣтки, вѣроятнѣе, лица, изображавшаго ее: «Расколнническая поэзія». Она содержитъ въ себѣ апокрифическую «Бесѣду грѣхъ святителей», разговоръ мальчика съ философомъ, проникнутый старообрядческой тенденціей—отрицательнымъ отношеніемъ къ «свѣцкому» знанію; духовный стихъ о вѣроотступничествѣ на Руси; повѣсть «О хмѣльномъ литіи»; различныя сентенціи; неизмѣнное «Отъ книги Кириловы листъ 234 преніе философа Панагіота со Азимитомъ»—о брадобритіи римскаго папы и духовенства,—именно, при какихъ обстоятельствахъ возникла эта скверная ересь (:cherchez la femme!).

Кромѣ такихъ книгъ, сборниковъ, цѣлѣбниковъ, семейскіе располагали книгами богослужебными,—псалтырями, часовниками, канониками. И до сихъ поръ у нихъ имѣются эти книги въ рукописномъ видѣ. Часть изъ этихъ книгъ попала въ Троицкій монастырь и въ Ирк. Дух. Семинарію.

Я отмѣтилъ нѣсколько рукописныхъ книгъ, написанныхъ или только бывшихъ въ обращеніи у забайкальскихъ старообрядцевъ (семейскихъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ я отмѣтилъ общій характеръ содержанія каждой изъ нихъ. Такого же въ общемъ содержанія у забайкальцевъ были и другія книги. Ссылки на нихъ будутъ сдѣланы ниже. Темы всѣхъ этихъ писаній (кромѣ богослужебныхъ), «богодохновенныхъ книгъ» одинаковы: пришествіе антихриста и слугъ его, послѣдніе дни міра; гибель человѣчества въ ересяхъ; ереси душегубительныя и обличенія ихъ; призывы къ соблюденію древняго православія; историческія справки возникновенія раскола въ великороссійскомъ государствѣ; страданія за правую вѣру не признавшихъ никоновскихъ нововведеній; духовно-назидательныя стихи, повѣсти и изреченія.—Статьи ad hoc приспособлены изъ священнаго писанія, имѣющаго отдаленное или только внѣшнее отношеніе къ трактующимъ вопросамъ, изъ писаній святоотеческихъ, напр. изъ словъ Іоанна Златоуста, изъ книгъ Никона Черногорца, изъ старыхъ славяно-русскихъ сборниковъ,—Маргарита, Измарагда, Андріатиса,—изъ Кормчей, Патерика, изъ Катехизиса большаго («печати святѣйшаго Филарета патріарха»), изъ «Кириловой книги», весьма цѣнимой старообрядцами (см. ниже, изъ «поморскихъ отвѣтовъ», изъ книги «святаго Іосифа преподобн. волоцкаго», изъ «книги Зинарь», изъ «Стоглавника», изъ «книги Баронія» («Дѣянія церковныя», цѣнимой и до сихъ поръ; напечатана старообрядцами въ Москвѣ, въ 1913 г., изъ раннихъ старообрядческихъ «челобитныхъ», (напр. «соловецкихъ чудотворцевъ»), изъ «собранія новаго страдальца отца нашего Аввакума протопопа», отъ книгъ Максима грека, отъ седмитолковаго апокалипсиса, изъ «книги о вѣрѣ», изъ книги «Алфа и Омега» и другихъ «старопечатныхъ, старописменныхъ и харатейныхъ». Изъ этихъ книгъ взяты отдѣльныя статьи, изреченія или на основаніи ихъ составлены собственныя произведенія. Въ сборникахъ забайкальскихъ старообрядцевъ нерѣдко дѣлаются ссылки на книги западно-русскаго и польскаго происхожденія,—въ сборникахъ Ирк. Дух. Сем. XLV 1797 и XLV 1798: «Апокалипсисъ польскаго нарѣчія напечатанъ», «Книга діалогизмъ изданная в Кіевѣ черской лавре, року 1604 (?)¹⁾, Потребникъ Петра Могила (1644; ошибка: слѣдуетъ 1646), «Синописъ въ лѣто отъ созданія міра 7188» и др. (изъ сборн. 1798).

¹⁾ «Диалогизмъ духовныи си ест двоесловіе... в Кіевѣ-Печерской чудотворной Лаври... Варлаамомъ Голенковскимъ тосяжде стыя лаври намѣстникомъ, трудолюбно издадася. Року отъ Рождества Хва. 1714». На оборотной сторонѣ гербъ Іоасафа Кроковскаго и четверостишіе къ нему.—Экземпляръ Ирк. Дух. Сем. VIII. 1374. Имѣется 2 экз. «Диалогизмъ», изданный въ Москвѣ въ 1796 г. (Ирк. Д. Сем. VIII. 1796,—2 экз.), много содержанія по сравненію съ кіевскимъ.

Главная тема старообрядческих сборниковъ, на которую подобрано и составлено огромное количество статей и отдѣльных изъясненій,—это дѣлая тема о *пришествіи антихриста*. Почти во всѣхъ небогослужебныхъ книгахъ, просмотрѣнных мною, встрѣчаются разглагольствованія о посѣднихъ дняхъ міра, о знаменіяхъ и слугахъ антихриста. Главнымъ источникомъ, откуда черпались свидѣтельства пришествія антихристова и признаки слугъ его,—это толковый апокалипсисъ. Эта книга была и есть любимой у старообрядческихъ книжниковъ. Одинъ экземпляръ изъ Забайкалья попалъ къ бібліотекарю Иркутской Городской бібліотеки Н. Ст. Романову. Списокъ к. XVII или XVIII в., въ листъ, на 126 л., съ 74 рисованными листами. Рисунки въ краскахъ, хорошо выполненные. «Книга Апокалипсисъ имѣетъ словъ 24, а главъ 72, стиховъ 311. Святаго Андрея архіепископа кесаріи каппадокіиска Сказаніе апокалипсиса святаго апостола Иоанна богослова евангелиста сокровенныхъ преди откровеніе.—Любили пользоваться старообрядческіе книжники и словомъ «Блаженнаго Ипполита папы римскаго и мученика, слово въ недѣлю мясопустную, о скончаніи міра и о антихристѣхъ и о второмъ пришествіи господа нашего [и]су христа». Въ сборникахъ помѣщалось это слово цѣликомъ (напр., въ сборн. Иркутск. Д. Сем. XLV, 1822, лл. 90—126; въ сборн. Троицкаго мон., переписанномъ П. Овчинниковымъ, на лл. 118—145) или въ извлеченіяхъ ¹⁾. Но чаще всего дѣлаются заимствованія изъ такъ называемой «Кириловой книги». Цитаты и статьи изъ нея испещряютъ каждый старообрядческій сборникъ ²⁾. Эта книга, какъ «богодохновенная», глубоко читалась старообрядцами.—«Сей богословецъ святой Кирилъ паче прочихъ объяснилъ, како ложнаго ученія блюстися и яко антихристова печать, то есть еже отъ своихъ единовѣрныхъ отступити и гоненіе на нихъ воздвигнути»—говорится въ старообрядческомъ сборникѣ Ирк. Д. Сем. XLV, 1806 (59 об.).—Замѣтимъ, что этотъ «богословецъ» былъ Стефанъ Зизаній.—Одно изъ беззаконныхъ грѣховныхъ дѣяній никоніанцевъ,—это отрицательное отношеніе къ «Кириловой книгѣ». Среди 20 пунктовъ своихъ несогласій съ никоніанской церковью, поморецъ подъ 14 мъ пунктомъ приводитъ слѣдующее «свидѣ[ль]ство отъ божественнаго писанія»: «Книгу имѣваемую Кирилову не благочестне злословяще всюду порицають ее книгою ложною и вѣроятія недостойною, содержащаяжесь въ ней божественныя словеса отъ пророческихъ и апостольскихъ писаній о православноѣй нашей вѣрѣ и о превысочайшей богословіи оглаголуютъ быти прелестію и обманомъ простымъ людямъ, и яко бы сіи плевели то есть божія глаголы и божественныя догматы посѣялъ Зизаній... (Ирк. Д. Сем. XLV. 1822 л. 76). Всѣ признаки апокалипсическаго антихриста объявляются на римской церкви, а затѣмъ на послѣдовавшей за Римомъ великороссійской церкви.—Ангелъ связалъ сатану и заключилъ его въ бездну на 1000 лѣтъ. (Апокалипсисъ, гл. 20). 1000 лѣтъ прошло. Но сатана еще не развязанъ. Онъ пустилъ отъ себя только духъ нечистый на Христову церковь, сталъ прельщать православныхъ христіанъ. Духъ сатанинскій объялъ собою Римъ: «И тако по тысящи лѣтехъ Римъ отпадъ со всѣми западными странами, прельщенны быша отъ таковаго пущеннаго отъ нечистаго духа, прельщенны во лжю, въ проклятія въ ереси... и подклонилися звѣрю седмиглавному, который изъ моря вышилъ пестрны» (Ирк. Д. Сем. XLV. 1797, 26 об. То же въ сбор. XLV, 1814). Вышелъ изъ моря звѣрь седмглавыи и десятирогий съ 10-ю вѣнцами на рогахъ, а на головахъ имена хульные (Апокалипсисъ, гл. 13)... «По ересямъ называется звѣрь, а

¹⁾ Цитируютъ слово папы Ипполита и липоване,—старообрядцы въ румынской Добруджѣ. Ср. въ «Очеркахъ и разсказахъ» В. Г. Короленка, кн. IV, стр. 235.

²⁾ Печатана и въ наше время, въ 1895 г. въ Москвѣ въ единовѣрческой типографіи.

седми тайнахъ [таинствахъ] называется седмглавымъ, и роговъ десять—царей из разныхъ царствъ совокупятся въ едину волю, въ едину вѣру къ седмглавому звѣрю, сирѣчь къ римскому царству, къ папѣ, къ великому еретику, а что на розехъ его десятъ вѣнцовъ, то значють царскія персони; а на главахъ его имена хулна, сиречь все духовныя таинства творимое еретиками. сей седмглавый звѣрь есть видимый человекъ еретикъ папа римскій и прочіи власти великіи еретическія оболщенные отъ діавола» .. (XLV, 1797, 26 об. 27; см. изображеніе змея седмглаваго). И будутъ великій еретикъ папа и иже съ нимъ гнать православныхъ христіанъ ко своему нечестію, къ проклятымъ ересямъ. Передъ пришествіемъ антихриста по всей вселенной распространится еретическое нечестіе, лживое проповѣданіе, «римское евангеліе», а отеческія святыя преданія оставятъ, и все святое божественное писаніе еретиками ненавидимо и хулимо будетъ. И дастъ антихристъ слугамъ своимъ начертаніе имени своего, «на деснѣй руцѣ ихъ или на челѣхъ ихъ» имя звѣрино—число 666. Начертаніе или печать антихриста трегубая: 1) образъ повелительный, царскій антихристовъ начертанный, 2) деньги, 3) триперстное сложеніе сирѣчь ересь проклятая щепоть; замыкаетъ въ себѣ эта печать число имени его 666 (XLV, 1797, 30 об.—31). Когда по 7-мъ вселенскомъ соборѣ отпалъ Римъ со всѣми западными странами отъ благочестія и истинной вѣры, то отъ Рима прочія всѣ царства воспріяли «римскія проклятыя ереси» .. и зато римское царство всѣмъ царствамъ мати погибели и папа римскій надо всѣми еретиками еретикъ есть» (XLV, 1797, 32. XLV, 1814, 45, 54—55, 48). Семь царей, по апокалипсису, падуть во власть антихристу, будутъ слугами римскаго престола; 3 царей самъ антихристъ покорить войною и послѣ нихъ будетъ 11 мъ царемъ. Было 5 патріарховъ: въ Римѣ Іерусалимѣ, Антіохіи, Александріи, Цареградѣ. Сіи 5 патріарховъ были истинноблагочестивые. Но по 1000 лѣтъ отпалъ римскій патріархъ отъ соборной апостольской церкви и сталъ слугою и предтечей антихристовымъ. 4 другихъ вселенскихъ патріарха согласились посвятить пятымъ патріархомъ въ великороссійскомъ государствѣ вмѣсто отпавшаго папы римскаго. Но прошло нѣсколко лѣтъ, въ разныхъ временахъ, и сіи четыре патріарха, іерусалимскій, антіохійскій, александрійскій и цареградскій, такожде пали въ нечестіе, присоединились къ пятому отпавшему патріарху, къ папѣ римскому и къ римскимъ проклятымъ ересямъ и сотворились еретики великіе, слуги и предтечи антихристовы. Оставался только одинъ благочестивый патріархъ въ великороссійскомъ государствѣ. Потомъ и шестой патріархъ отпалъ отъ благочестія,—отпалъ вмѣстѣ съ великороссійскимъ государствомъ и присоединился къ римскимъ ересямъ и сталъ слугою и предтечей антихристовымъ. Отъ шестого патріарха, отъ Никона, великое царствіе россійское подклонилося къ той же нѣлюбодѣйницѣ, что сидитъ на звѣрѣ седмглавомъ (XLV, 1797, 33—34). «О злыи Никонѣ, душегубный пагубниче. Не ты ли конь и всадникъ самого сатаны. Не ты ли поспѣшникъ антихристовъ. Не ты ли оугодникъ діаволовъ. Не ты ли бесѣдовалъ съ самѣмъ сатаною. Не ты ли погубилъ оу насъ всю вѣру христіанскую.. О звѣрю проклятый. О лукавый ширмеръ позаратай, шурмуишь воинства, биешъ ти голени церковныя.. О блудница вавилонская, блудница всескверная беззаконная и т. д. и т. д. («Отъ посланія священномученика протопопа Аввакума и страдальца». Сб Троицк. мон.). Придетъ и седьмой патріархъ и назовется царемъ и святителемъ (XLV, 1797. 34). Папа римскій, взявшій себѣ власть духовную и мірскую, предтеча антихриста по писанію, якоже пишетъ Іоаннъ Златоустый. «Отъ того времѣни настала власть антихристовыхъ предатечъ. Такожде и во вѣторымъ новымъ въ Римѣ великомъ въ царствіи въ росейскомъ, въ царскомъ градѣ Петербургъ.. сталъ царь и патріархъ Се бысть пре [при] царѣ Петрѣ первымъ императорѣ» (Іб 35 об и въ XLV,

1814. 278 об.). Когда содержалъ старый Римъ благочестіе, были патріархи и цари. Цари патріархамъ покорялись. Впалъ старый Римъ въ ереси,—появился папа и царь вкулъ. Такъ и въ новомъ Римѣ, въ Россійскомъ государствѣ, при благочестіи были патріархи и цари, «но патріархъ болій царя саномъ духовнымъ и царь покорялся ему». Отпало Россійское государство къ Риму,—не стало патріарха, «тогда царь воспріялъ себѣ императорскій титулъ отъ папы римскаго, а патріарховъ отми- нилъ.., въ римскомъ царствіи царствуетъ папа духовный вкули патріархъ и царь, а въ великоросейскомъ царствіи царствуетъ императорство вкули царь и патріархъ едино имя названо императоръ, и тако отъ тѣхъ врѣмѣнъ явно въ великоросейскомъ царствіи настала власть антихристовыхъ слугъ и предотечивъ» (ib. 36 об. и др. XLV, 1814. 284). Никонъ и Петръ, принявшіе лживое римское уче- ніе, времена измѣнили, переставили и украли. «Разумѣйте мужіе братія, яко Никонъ патріархъ врѣмена премѣни, восемь лѣтъ у Христа Бога убавилъ, рекше укралъ — нынѣ в лѣточислѣніи отъ Рождества Христова не считаются. А первый императоръ новой годъ измѣни: не сентября, на генваря 1-го празднуется» (Бесѣдословіе, 62). Да и мірское имя Никона и титулъ Петра—это печать антихриста, число звѣриное 666. «Внегда онъ [Никонъ] в бѣлцахъ нарицашеся Никита, погречески же глаголется Никитіосъ, в немже званіи состоится 666. Подобнѣ и во ономъ императорѣ, во властельскомъ его имени, тоже знаменаеетъ быти 666: ибо егда сныи Петръ здѣ, в россійскомъ государствѣ, опровергъ вся древнія обычаи, вмѣсто же онѣхъ возобновивъ еллинскія и римскія отверженныя обычаи; тако и вмѣсто царскаго зва- нія прія имѣноватися поримскіи «императоръ», обаче на римскомъ языкѣ сіе импе- раторское имя глаголется безъ мыслетей, якоже о томъ в букваряхъ троязычныхъ показываетъ, и пишется сие: «иператоръ», еже значить 666. Въ немъ преиспод- ній теітанъ засяде и озвѣрися» (XLV. 1814, 272) ¹⁾. На вѣрныхъ рабовъ божіихъ воздвигли гоненіе лютое и, духомъ лукавымъ побуждаемые, стали хуловать ихъ рас- кольниками, съ 1667 г и при ономъ «титинѣ», «иператорѣ».

Началось шатаніе на Руси еще до Никона. Въ 1595 лѣто Малая Русь присту- пила къ римскому костелу и его ересямъ и заручную грамоту папѣ дала. Но, когда исполнилось 1666 лѣтъ, тогда заколебался самый великій столпъ въ вѣрѣ христиан- ской,—заколебался и палъ: палъ «Никонъ патріархъ и нача собирать многія ереси и развращенныя пути надохненіемъ сатанинскимъ и совѣтіемъ Арсеньтіемъ, римъ- скимъ еретикомъ греческимъ черницѣмъ; зри въ челобитной соловѣцкихъ чудотвор- цовъ..; и повелѣ печатати книги со многими ересьми». Ввели и много другихъ без- законныхъ новшествъ. Вѣчную пагубу, великое смущеніе и мятежъ, а церкви вели- кое озлобленіе и бѣды произвели въ россійской землѣ еретики Арсеній, прельстив- шій Никона, Никонъ, прельстившій царя Алексѣя Михайловича, и царь. Раскольни- камъ, принявшимъ римскія сатанинскія нововводства Никона, нѣсть надежды на спа- сеніе: «таковыхъ всѣхъ еретиковъ святое писаніе вѣчному проклятію придаетъ, три- жди анаеме предани». (XLV, 1797, 66 об.).

Что касается тѣхъ ересей, въ которыя пала римская и послѣдовавшая за ней великороссійская церкви, то обличеніемъ ихъ и защитѣ древляго благочестія много мѣста удѣляется въ старообрядческихъ сборникахъ. Обширное произведеніе олонеч- кихъ старцевъ-старовѣрцевъ ихъ 106 отвѣтовъ, съ большими подробностями выясня- ютъ и обосновываютъ свое расхожденіе съ никоновскими «нововнесеніями». Въ дру- гихъ писаніяхъ эти основныя положенія старообрядства повторяются, развиваются

¹⁾ О антихристовыхъ дѣяніяхъ Петра I вообще писалось много старообрядцами. См. ука- занія у А. Н. Пыпина: Исторія рус. литературы, т. III, 341—342.

въ томъ или иномъ направленіи, снабжаются дополнительными доводами,—а также добавляются и другіе обличительные пункты, дипломатично обойденные олонецкими старцами или позднѣ вызванные обстоятельствами въ жизни старообрядцевъ. Въ сборникѣ Д. Сем XLV, 1797, приложено нѣсколько рисунковъ съ изображеніями церкви еретиковъ и перечисленіемъ ересей душегубительныхъ. Вотъ на л. 67 мѣ изображена «церковь великороссійскихъ никоніанскихъ людей великихъ раскольниковъ и отступниковъ отъ благочестія». Рамка съ горизонтальными линиями, по бокамъ по 3 окна Вверху 5 куполовъ. На каждомъ куполѣ крестъ съ перекладиной посрединѣ и на концахъ; это—«ришотки и крыжи римскихъ еретиков, отвѣржены отъ сятаго христовыи церкви». Внизу 3 ступеньки ведутъ къ церковнымъ дверямъ. Направо жертвенникъ съ 5-ю (а не съ 7-ю) вросфорами. Въ рамкѣ перечислены ереси. «1 ересь. аллилуія четверять» (—не подобаетъ аллилуйя трегубить, но слѣдуетъ дважды глаголати «аллилуія» а въ третій «слава тебѣ боже»; объ этомъ очень много говорили олонецкіе старцы). «2 ересь. о одѣждахъ» (— не строить нелѣпыхъ одеждъ, сирѣчь иноземскихъ или еретическихъ; аще не послушаютъ, да отлучатся и причастія имъ не давать, кто бы это ни былъ: царь, князь, воинъ; аще и смертию будутъ угрожать, да не убоимся: лучше умереть, чѣмъ законъ господень и преданія святыхъ отецъ преступить, ib. 71—72). «3 ересь. непостоящихся среду и пяткъ во весь годъ. «4. отъ падѣнія ни брегуть праздниковъ господнихъ и святыхъ. 5 ересь. колѣнопоклонницы. 6 ересь. въ крещеніи обливають («также творять въ великороссійскомъ царствіи, въ малоросіи въ той же ереси вси прибываютъ: вмѣсто крещенія лжицу воду на главу возлѣвають. ib. 76 об.; о томъ же говорится въ XLV, 1798 и въ XLV, 1822). «7 ересь. о бритобритіи» (—подробнѣе см. ниже). «8 ересь. власовъ на главе нипостриженія. 9 ересь. о продажи и купованіи дара духа сятаго» (—сирѣчь бѣрутъ и даютъ за тайны церковныя, архіереи бѣрутъ, а люди даютъ ib. 80). «10 ересь. о триперстномъ сложеніи сирѣчь о шепотѣ» (—весьма длинная апологія двуперстія въ «олонецкихъ отвѣтахъ»; въ указанномъ выше экземплярѣ на поляхъ многочисленныя и безукоризненно выполненныя изображенія кисти руки съ двуперстнымъ знаменіемъ). «11 ересь іисъ (—слѣдуетъ ісъ: см. въ 49 олонецкомъ отвѣтѣ статью 13-ю, посвященную имени ісояѣ. Разсуждаетъ объ этомъ написаніи и книга Давыда: «сія ересь проповѣдуетъ иного царя, сирѣчь антихриста. Три буквы ісъ проповѣдуетъ св. Троицу, а ікъ—4 буквы, 2 по 2, проповѣдуетъ 2 рога, 2 рога проповѣдуютъ 2 власти антихриста: царя и святителя, 74 об.). «12 ересь. чай. 13 ересь. табакъ. 14 ересь малаксова»¹⁾ («благословляти щелчкомъ», 50). «Отъ падѣнія премѣненія крестовъ и множества примѣненія отеческимъ преданіямъ отъ своихъ суетныхъ умышленіевъ. Для воспріятія таковыхъ ересей и для премѣненія отеческаго приданія *старопечатныхъ книгъ*, зато таковыя вси называются отъ сятаго писанія отступницы, отпадшия, ничистивыи раскольницы и еретицы. прокляты трижды». И еще ересь въ иконописаніи. «Нынѣ еретицы умыслили бутъто зъ живыя писать; да и много у нихъ измѣненія во иконахъ: власы расчесаны и ризы измѣнены, и сложенія перстъ вмѣсто христова знаменія малакову преданію раскоряку пишутъ щелчкомъ и подпись измѣнили ісу, пишутъ іисъ порымскому, и много измѣненія во иконахъ. Неподобаетъ православному много и глѣдетъ ни токмо кланяется такимъ неподобнымъ образомъ (—89. Ссылка на «челобитную соловецкихъ чудотворцевъ»). Въ семинарскомъ сборникѣ XLV 1822

¹⁾ Ср въ «Скрижали» (Москва. 1656), статью: «Николаа сщеннаго, малакса, протопопа науплійскаго, о знаменованіи соединяемыхъ перстовъ руки сщенника, внегода блвити ему хртоименіи-тя люди». Въ началѣ находится изображеніе благословляющей руки (стр. 818—821 нenumеров.) Экземпл Ирк Д Сем XLV 1816.

помѣщены «Разъговоры, послѣдовавшія въ 1700-мъ году между двумя старообрядцами. 1-й былъ попѣвалъ, а 2-й поморецъ. Первый спросилъ втораго: для чего вы другъ любезный отдѣлились отъ великороссійской церкви. И на что второй отвѣчалъ: покорнейша прошу выслушать свидете[ль]ство отъ божественнаго писанія в сих 20-ти пунктахъ» (л. л. 72—76). 1—2) Еретическое написаніе имени Ісуса двумя слогами и оскорбленіе писавшихъ однимъ слогомъ. 3) Книги старопечатныя и старописьменныя опорочены. 4) Хула на изображеніе Богоматери («уподобляютъ русской бабѣ»). 5) Хула на крестъ изъ трехъ древъ. 6), 7) двухперстное сложеніе перстовъ порицаютъ вельми злоглаголательно. 8) Обливаніе при крещеніи. 9) Отвержены древніе антимины. 10) Св. мужей Стоглаваго собора возыменовали плевелосѣятелями. 11) Стефина Зизанія переименовали эфиопомъ и ученикомъ діавола. 12) Не признаютъ мощей св. мучениковъ, обличавшихъ на судищѣ поганныхъ царей нечестивыхъ. 13) «Константина Панагіота, греческаго учителя, ревностное обличеніе латинскихъ ересей сравниваютъ с неумствомъ бражниковъ и людей кабацкихъ». 14) Злословятъ «Книгу Кирилову». 15) Аванасіевы отвѣты на вопросы князя Антіоха называютъ подложными. 16) Отмечаютъ достовѣрную и чудотворную повѣсть о Троянѣ царѣ и о Фалконіилѣ дѣвицѣ, по смерти спасшихся. 17) «Какое то в молитвахъ своихъ призываютъ великое имя паче имени пресвятыя Троицы» (1). 18) Порочатъ одежду иноческую. 19) Пѣніе староцерковное порицаютъ дурнымъ и мужицкимъ. 20) Оправдываютъ власорашеніе, парикомошеніе, бранобрітіе, табакопитіе.—Всѣ эти положенія-ереси подробно освѣщаются и опровергаются отъ писанія во всѣхъ старообрядческихъ сборникахъ. См., напр., изложеніе этихъ и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ въ 38 статьяхъ 50-го отвѣта олонечкихъ старцевъ (л. л. 112 об.—147). На-ряду съ вопросами, относящимися къ жизни церкви и къ христіанскому уставу, трактуются въ той же плоскости и вопросы: о чаѣ, о табакѣ, объ одеждѣ, о бранобрітіи («или «бритобрітіи»). Последнему пункту, богомерзкой латинской ереси, удѣляется много мѣста. «Сія ересь сотворена и вышла отъ проклятого великаго отъ еретика папы римскаго отъ Петра Гугниваго: наученіемъ отъ блуднаго бѣса ради любодѣянія за женское за потиупія остригъ брану свою» (XLV. 1797 л. 38 об.). Это тотъ самый, что повелѣлъ «въ ворганы и тинпаны и въ мусикии въ церкви играти». Онъ же повелѣлъ безъ покаянія прощать грѣхи и не беречься всякой скверности и со псами изъ однихъ блюдъ ѣсть (ib. 66). Любили разсказать и о томъ, при какихъ обстоятельствахъ сталъ папа, а за нимъ все латинское духовенство брить бороды. Объ этомъ интимныя подробности передовалъ философъ Панагіотъ («не даромъ въ порицаніи его старообрядцы видятъ душегубительную ересь»). «Отъ книги Кириловы, листъ 234. Преніе философа Панагіота ко Азимиту философу, отъ божественнаго [1] писанія, отъ философіи, отъ риторики и отъ витіи...—Последи же философъ Панагіотъ ко Азимиту рече: чесо ради папы ваши и вси церковницы стригутъ браны, рцы ми. Азимитъ. Прииде агглъ ношцію къ папѣ и рече ему: Аще хощеша быти, яко агглъ, остризи брану, понеже аггли безъ бранъ предстоятъ престолу божію. Панагіотъ: нѣсть тако, но солгалъ еси. Слыши Азимите азъ ти исповѣмъ истину». «Истина заключалась въ томъ, что женщина, взаимности которой добивался папа, поставила требованіе: «аще хощеша да прииду къ тебѣ на ложе, то остризи брану свою». Папа бороду остригъ, но женщина насмѣялась надъ нимъ. Папа, желая прикрыть свой позоръ, сказалъ духовенству, что голуби, которыхъ онъ приучилъ къ себѣ на плечо, передали ему волю Божію остричь бороду. Пусть и прочіе духовники послѣдуютъ ему. «Тояже вы и до днесь держитесь прелести, понеже жена посрамила есть насъ, и бріете браны своя подпупія ради женскаго»,—заканчи-

ваетъ свою истину философъ Панагіотъ (Изъ сборн. Троицк. мон.; см. выше подъ № 7, л.л. 15—15 об. находится и въ другихъ сборн., напр въ XLV, 1797, л.л. 78—79).

Въ бѣдну грѣховную вринулъ великороссійскую церковь богоотступникъ Никонъ. Еще больше ересей развилось на Руси при Петрѣ первомъ. Онъ называлъ себя императоромъ, именемъ зѣринымъ, объединилъ въ себѣ власть царскую и патриаршескую, — тоже по сатанински; онъ ввелъ гибельную печать антихриста — двуглаваго орла, знаменующую двѣ власти антихриста (XLV, 1797, 60 об., 90 об.) При благочестивыхъ царяхъ гербомъ былъ крестъ, а еретиковъ проклинали и отъ римскаго и австрійскаго («астрицкаго») царства убѣгали и не принимали ихъ начертаніе двуглаваго орла. «А когда Росея, руской народъ отпали отъ благочестія и въпали вовъ ничестія, въ проклятыя въ ереси, въ лѣто 1667, и по отпадѣніи чрезъ колико время насталь въ руской земли царь ничестивый, отпадшій Петръ Алексѣевичъ и сей царь приклонилса вовъ едино мысля къ Риму и Острицкому инператору, къ римъскому католическому закону и възя ихъ обычая гербъ двуглаваго начертаннаго орла.. и сей царь Петръ Алексѣевичъ въвелъ вовъ Росею чистоту въ воинствѣ, сирѣчь штатъ а во штати три погибѣли душевныя: первое—ересь щепоть, вторая ересь—богомерское бритобритіа, третія ересь—нимѣцкое платіа и въ семъ во проклятомъ в штату весь народъ росейской земли души ихъ въ погибилъ идуть» (XLV, 1797 л. 92 об.). Петръ I знаменуетъ собою двурожнаго звѣря: первый рогъ—его отецъ Алексѣй Михайловичъ, «онъ же Никону-дьяволу въ нарушеніи благовѣрія помощникомъ учинилса, а второй рогъ—самъ Петръ. Сей Петръ всѣ остатки благочестія до конца изпразднилъ Онъ въ короткое время всѣ языческіе обычаи поганскихъ звѣрь возобновилъ: это показываютъ самый видъ и дѣйствія его: брадобритіе, ношеніе одеждъ и проч. А по описи народной раздѣлилъ народъ на чины, размежевалъ землю и рѣки и всякія усадьбы и завѣщалъ каждому наблюдать за своей частью,—другому не давать, и этимъ создалъ врагъ междоусобную брань, свару и бой въ людяхъ. Раздоры начались и въ куплѣ и въ продажѣ отъ введенія чиновъ и уставовъ. По уставамъ латынскимъ нѣмецкихъ странъ онъ заставилъ людей пещися о богатствѣ и о тщетной славѣ. А это все значитъ: непрестанно «со оною дщерію вавилонскою совокупляся блудити и ис чаши ея мерзостію сребролюбіемъ грѣха упиватися». А народная перепись Петра,—послушайте пророческое слово св. Ипполита: «на кійждо градъ пошлетъ и възаконенія по всѣмъ странамъ с бѣсы же и с чувственными человеки». Петръ антихристъ, «подкидывшъ дьяволовъ» (XLV, 1814 л.л. 248-251, 253 об.)

Повиноваться властямъ придерживающимъ должно по писанію. Но, учать нѣкоторые изъ книжниковъ, не всѣ ихъ приказанія слѣдуетъ выполнять: нельзя губить свою душу, выполняя богопротивное повелѣніе властителя. И Іосифъ Волоколамскій пишетъ, «еже подобаетъ повиноватися властем, кромѣ еже повредитися благочестію» (изъ отдѣльнаго рукоп. старообрядческ. листка).

Противно святой церкви, говорятъ нѣкоторые, отдавать сыновъ своихъ въ нечестивое воинство и деньги по душамъ собирать на подати (см. выше).

Мысль о близости дня суднаго, о наличности всѣхъ знаменій пришествія антихриста не покидаетъ старообрядца и въ XIX-мъ вѣкѣ. Въ семинар. сборникѣ XLV, 1798 сдѣланъ въ концѣ одной страницы перечень государей «отъ римскаго поколенія», отъ Екатерины I-ой до Павла, Александра, Костянтина, Николая, Михаила. «Толико Россія отрину турецкаго владѣнія, считая отъ Азова, Крым, Герсон, Адестъ уже владычествует; узревый Ездра гордыя времена і се кончина сут беззаконія его исполниша» (— ср. передачу Херсона посредствомъ «Герсон», повидимому, въ языкѣ писавшаго произносился не взрывно, а дли-

тельно; т. е. такъ же, какъ у семейскихъ въ концѣ вѣка: произносилось не *ж*, а *х* отсюда путаница въ передачѣ такого: и *х* посредствомъ одного знака. А Иванъ Легостаевъ восклицаетъ за Байкаломъ-моремъ: «Нынѣ что {въ Россіи} есть? не антихристъ ли изыде изъ Ерусалима или отъ Рима и въ Россію пришелъ есть. (Бесѣдословіе 25 об.). Вся вселенная во отступлѣніи есть (Іѳ. 29). И да вѣси, христолюбие, яко вся христіанская царства придоша въ конецъ и снидошася во едино царство государя нашего по пророческимъ книгамъ... Зритѣ мужіе и братіе, время нынѣ плачевное и толико скорбное, должны другъ о другѣ соболѣзновати и оплакивати» (Іѳ. 30—31).

Въ старообрядческихъ сборникахъ сообщаются нерѣдко свѣдѣнія изъ прошлаго ревнителей древняго благочестія. Эти свѣдѣнія касаются исключительно темы страданий, перенесенныхъ отъ гонителей,—великороссійскихъ властей, духовныхъ и свѣтскихъ. Рассказывая о гоненіи на непріемлющихъ никоновскихъ нововнесеній, списатель вспоминаетъ гоненія на христіанъ и въ первые вѣка христіанства: какъ тамъ, такъ и здѣсь гонители—невѣрные идолопоклонники, богоотступники. Трогательно и витіевато разсказана исторія объ осадѣ и разореніи Соловецкой обители. Семь съ лишнимъ лѣтъ выдерживала осаду богоспасаемая киновія. Измѣна одного изъ братіи отдала ее на разореніе лютому воеводѣ Мещеринову. Много пострадало, было замучено до смерти «преподобныхъ старецъ». Во второй части исторіи сообщены подвиги страдальцевъ за древнее благочестіе по разореніи соловецкой киновіи. Такъ, дьяконъ и епископъ соловецкій Игнатій—«сей единъ отъ соловецкія киновіи изыде и со многими ко Господу азыде. Въ Палеостровствѣ монастыри со двѣма тысящма и седми стами собравшихся за древнее отецъ благочестіе отъ присланныхъ войновъ сожжень». «Германъ смиреномудрый и крѣпкій... таже со многими собравшимися яко съ тысящю и пятьми стами въ вышереченнѣмъ монастыри отъ воиновъ пріѣхавшихъ огнепаленіемъ отъ злѣшнихъ въ будущая преселившись добръ». Много и другихъ отцовъ и истинныхъ христіанъ отдало жизнь за древлецерковные законы и за обличеніе новинъ (приложеніе къ «олонецкимъ отвѣтамъ», сем. ркп. XLV, 1814 256—256 об.).

Гоненія на непризнававшихъ новинъ Никона не прекращались и въ послѣдующія дѣсятилѣтія. Худа, изгнаніе, пытки, темничныя заключенія, устѣкновенія, сожженія выпали на долю стоявшихъ за непремѣнность древняго благочестія. При второмъ носительствѣ звѣринаго числа 666, при императорѣ Петрѣ I, гоненія на «старовѣрцевъ» со всей остротой напомнили имъ опять о пришествіи антихриста о послѣднихъ дняхъ міра. Горячія обличенія Петра заключаетъ въ себѣ сем. сб. XLV 1814 (ср. выше). Всѣ дѣянія Петра—дѣянія антихристовы, по писанію. Сказано въ писаніи, что антихристъ нѣкоторое время будетъ терпимо относиться къ истиннымъ христіанамъ и даруетъ тѣмъ «льстецъ малыя снѣди, печати ради своея скверныя». И Петръ даровалъ эту малую снѣдь. Онъ допустилъ на короткое время свободное исповѣданіе старообрядцами своей вѣры, свободное разглагольство съ ихъ противниками. Но не долго продолжалось это время, «яко малу нѣкую снѣдь пачавкали». Указомъ 1716 г. февраля 8-го дня по общей переписи старообрядцы должны были платить двойной окладъ ¹⁾, но въ дѣлахъ вѣры оставались свободны. Указомъ 1722 г. сентября 24 дня эта свобода у нихъ отнималась: воспрещалась свободная проповѣдь, а ихъ книги названы раскольническими и должны быть отобраны (—сообщенъ и указъ этотъ, «духоборца глаголь», лл. 272—273). Назвавъ эти книги «раскольническими, прескверный онъ адскій цесъ вѣсь соборъ святыхъ съ самѣмъ Господѣмъ охулова». Народная опись—

¹⁾ Въ Тобольской губ. старообрядца называютъ *двоедажи*.

печать антихристова для печатанія народнаго: ибо послѣдователи древлецерковные, желая вписаться въ оный *раскольнический* окладъ, должны прійти къ чувственнымъ бѣсамъ императора и, кланяясь, просить о начертаніи себя въ окладъ раскольниковъ, «и тако симъ подобіемъ пріяша печать антихристову, сирѣчь раскольниками ся нарекоша, и тѣмъ его обоготвориша, а себя же въ отступники вложиша». Но ревнители правой вѣры твердо помнили писаніе: «зане Господь Богъ чрезъ ангела своего, утверждая люди своя, глаголя: не пріимати антихриста онаго в царя себе, сирѣчь въ покореніе ко оному иператору (!) во опись его не вдаватися» (лл. 279—280, 289),—и полилась кровь страстотерпцевъ, пролитая симъ звѣремъ. «Глаголють нѣцыи, яко отъ онаго лѣта 722 до Екатерины третія описи оно ихъ старовѣрческое ученіе острѣе виннаго шинкарства и денжнаго мастерства отъ него антихриста надзираемо содѣяся»: отыскивали потаенныхъ раскольниковъ, древнія книги и оныя на огнѣ сжигали, непрестанно къ щепоти привлекали и насильно еретически причащали (лл. 274 об.—275, 289). Стойкіе ревнители и отцы благочестія не покорялись титину и обличали его беззаканія. Они не подклонились подъ печать антихристову, не начертались раскольниками. А онъ лютый мучитель, «таковымъ горла оловомъ заливая, инѣмъ же уста кляпами забивая» (294 об.), гналъ подъ свою печать. Много въ то жестокое время правовѣрныхъ христіанъ смертію животъ свой запечатлѣло, «и яко же о сибирскихъ страдальцѣхъ исторія показуетъ». Настало послѣднее время; «блаженъ иже Христа ради съ радостію тогда мученіе пріимѣтъ» (л. 300).

Заблудшіеся еретики старопечатныя книги опорочили, называли ихъ «старогадками и старопацканными» (3 й пунктъ «Разговора» въ сб. XLV. 1822) «Какъ говорилъ Никонъ, адовъ песь, такъ и сдѣлалъ: «Печатай Арсень. книги какъ нибудь, лишь бы не по-старому» (Житіе Аввакума). Въ олонецкихъ (поморскихъ) отвѣтахъ подробно перечисляются отступленія въ текстѣ новопечатныхъ книгъ (въ рукоп. экз. на лл. 173—177). Обличая «еретическую блудню» (прот. Аввакумъ), защитники древлаго благочестія православнаго «обкладывались» писаніемъ старописьменнымъ и старопечатнымъ, неискаженнымъ. Составлялись списки книгъ, въ особенности чтимыхъ старообрядцами. Такой списокъ, хотя и далеко неполный, находится въ сборникѣ XLV. 1798: «О книгахъ благочестивныхъ». Перечислены слѣдующія книги: Стоглавъ, книга святаго Кирила Іерусалимскаго (заложена 7121 лѣта совершена же 7152), книга о вѣрѣ въ лѣто 7156, книга кормчая въ лѣто 7161, въ первое лѣто царя Алексѣя Михайловича напечатанъ служебникъ (въ томъ служебникѣ при концѣ приложено поученіе еже православнымъ христіаномъ бродъ не брить), въ лѣто 7137 напечатанъ въ Москвѣ потребникъ, грамматика напечатана въ Вилне 7103 лѣта, четія минея макаріевская. Въ перечнѣ сдѣланы ссылки на «Розыскъ» Димитрія Ростовскаго и на «Пращицу» (Питиримъ¹⁾). Оттуда и указаны эти книги, для укоренія вѣроятно противниковъ. Конечно, этотъ, опытъ старообрядческой библіографіи крайне не полный. Въ каждомъ старообрядческомъ писаніи сдѣланы заимствованія и ссылки на очень длинный рядъ книгъ старописьменныхъ, харатейныхъ и старопечатныхъ. Въ позднѣйшихъ своихъ писаніяхъ старообрядцы не стѣснялись пользоваться соотвѣтствующими данными и изъ книгъ русскихъ юго-западныхъ писателей (ср. выше).

¹⁾ «Розыскъ о Раскольнической брынской Вѣрѣ, о Оученіи ихъ, о Дѣлахъ ихъ и из'явленіе» Въ Москвѣ 1755. Глава 8 я въ 1 й части «О книгахъ же старыхъ и о книгахъ новыхъ» (Пользуемся экземпляромъ Ирк. Д. Сем. XLV. 1786. Тамъ находится 5 экз. этой книги. На одномъ имѣются позднѣйшія рукописанія замѣтки). «Пращица противъ вопросовъ раскольническихъ». Въ Москвѣ, 1752 Въ разныхъ мѣстахъ этой огромной книги указываются старопечатныя (и новопечатанныя) книги. (Пользуемся экземпляромъ Ирк. Д. Сем. XLV. 1721 Имѣется 5 экз.).

Кромѣ темъ, посвященныхъ расколу, въ письменности старообрядцевъ вообще и за байкальцевъ въ частности, представлены статьи и религіозно-нравственнаго, духовно-назидательнаго содержанія. Матеріаль для этихъ статей черпается исключительно изъ памятниковъ славяно русской письменности. Тутъ находятъ выписки изъ «Златаго бисера многоцѣннаго» о чтеніи книжномъ, о зависти и ненависти, изъ книги «Измарагдъ» о житіи, о творящихъ пиры-банкеты, о поганскихъ обычаяхъ, о незабытой памяти и др., изъ книги митроп. Даніила «О еже како жити по уставу святыхъ отецъ», разныя наставительныя статьи изъ «Андріатиса» о наказаніи развращенныхъ и о хульникахъ и др., изъ «Златоструя»: о добродѣтели и о злобѣ, о разсужденіи и неразумѣніи, о любви и о дружествѣ («внимай любезное чадо и милыя любезныя друзи!»), о полахъ, неучащихъ людей, о сквернословіи, какъ въ церкви стоять, какъ посреди міра спастись и др. Брались статьи изъ Патерика, изъ Толковой псалтыри, изъ Зеркала великаго, напр. «како не терпѣть врагъ діаволь идѣже союзъ любви и сего творити безсилень творити челоуѣки, паче же бабами», изъ Кормчей, напр., о бракахъ, изъ разныхъ сборниковъ. Имѣются выдержки изъ книгъ болѣе поздняго времени, — изъ «Феатрона», «изъ книги Баронія» и др. — Таковы въ общемъ составъ духовно назидательныхъ статей, находящихся въ старообрядческомъ, по всей вѣроятности, забайкальскомъ сборникѣ Д Сем. XLV 1798. На тѣ же темы и изъ тѣхъ же сочиненій подобраны статьи и въ другихъ сборникахъ. Религіозно-назидательной же цѣли служили давнія славяно русскіе апокрифы и ихъ передѣлки. Иногда на апокрифы старообрядческой книжники ссылались при доказательствѣ того или иного положенія относительно «древляго православія» или для обличенія какой-нибудь «римской бляди». Для него и писаніе отца церкви, и каноническая и неканоническая книга, апокрифъ имѣли одинаковое значеніе. Отголоски апокрифическихъ сказаній во взглядахъ старообрядцевъ, въ частности семейскихъ, можно наблюдать и въ настоящее время. Вотъ тетрадка (XIX в.) троїцкаго монастыря, отобранная у старообрядца. Она вся занята апокрифами и повѣстями. Тутъ находится «Бѣсѣда трехъ святителей» дающая огромное количество свѣдѣній читателю на самыя глубинныя вопросы. Напр. . Вопрос. Сколько лѣтъ Богородица поживѣ. Отвѣтъ. Семьдесятъ два лѣта. Вопрос. Кто Богородицу крести. Отвѣтъ. Петръ апостоль. Вопросъ. Кто діаканъ отмѣтникъ, лѣвецъ блудникъ. Отвѣтъ. Діаконъ отмѣтникъ Петръ апостоль, лѣвецъ блудникъ царь Давидъ. Вопрос. Что у Бога нѣтъ. Отвѣтъ. Неправды. Вопросъ. Что небесная высота, а земная широта и морская глубина. Отвѣтъ. Отецъ и Сынъ и Св. Духъ. Вопрос. Отъ чего солнце сотворено. Отвѣтъ. Отъ свѣтлыя ризы своя господни и отъ огня. Вопрос. Отъ чего аггли сотворены. Отъ духа святаго и отъ огня» и много другихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Далѣе слѣдуетъ разговоръ мальчика съ философомъ, проникнутый отрицательнымъ отношеніемъ къ «свѣцкому знанію». Философа во всѣхъ пунктахъ «разговора» побиваетъ мальчикъ. Напр. «Малчикъ спросилъ: кто ученіе всѣхъ азъ свѣтъ. Отвѣтъ. Книжникъ: кто много читалъ книгъ и знаетъ свѣцкое житіе. Малчикъ: неправда: а кто читалъ одну книгу и довольно знаетъ себя. Книжникъ сказалъ: изрядно; слушай, дружокъ, когда ты столь свѣдомъ о Богѣ, то скажи мнѣ, что Богъ дѣлалъ до сотворенія мира. Малчикъ: готовилъ адъ, чтобъ его наполнить тѣми, кто о семъ бесполезно любопытствуетъ» и т. д. — Въ той же тетрадкѣ читатель могъ узнать «О хмѣльномъ питіи, отъ чего уставися горелное вино душепагубное. Братіе, послушайте сего благовѣстія и разумѣйте что хмѣльное питіе отъ бѣса сотворено на пагубу душамъ православнымъ христіаномъ и на вѣчную муку». Слѣдовало повѣствованіе, какъ сатана, чтобы противодѣйствовать распространенію христіанства, послалъ на землю пьянаго бѣса, а этотъ бѣсъ нар-

валъ на горѣ травы (на поляхъ замѣчено: «хмѣлю»), коей была прельщена Ноева жена, и показалъ одному человѣку, какъ варить хмѣльное питье. Сварилъ человѣкъ хмѣльное питье и отослалъ царю. Царю понравилось оно и черезъ него распространилось въ народѣ. «И разнесе то пѣанное питье въ Цыцарію и въ Литву и по всѣмъ царствамъ и странамъ. Потомъ на кончину вѣка сего и къ намъ придетъ въ рускую страну на погибель душамъ христіанскимъ и на вѣчную муку. И потомъ придетъ въ рускую страну злая брань матерная на оскверненіе земли и воздуху и всей твари. И затѣмъ придетъ въ рускую страну антихристово питье сухая табѣака, въ нейже наипаче человѣцы повредишася... Святіи отцы отрекоша съ таковыми ни ясти, ни пити, ни вкупѣ Богу молитися, яко отъ врага укрѣплены занеже то первая пѣчатъ антихристова и знаменіе пришествію его».

Изъ сборника Д. Сем. XLV. 1798 книжникъ могъ дать отвѣтъ своей братіи на такіе вопросы: «Что есть небо. Отвѣт. Престоль божій. Вопрос. Что есть солнце. Отвѣт. Огнь небесный, сила содержителна всѣхъ свѣтилъ» и др. Тутъ же: «Вопрос. Что есть вѣра» и др. Въ томъ же сборникѣ помѣщены занимательные и вмѣстѣ съ тѣмъ пророческіе 12 сновъ царя Мамира и ихъ протолкованіе. Эти «сны» отвѣчали старообрядческимъ ожиданіямъ пришествія антихриста и взглядамъ на окружающее, какъ на мерзость запустѣнія, реченную пророкомъ. 2-й сонъ: «Видѣхъ тѣло наго страшно стояща. И отвѣща философъ ко царю: Будетъ время зло велми; тогда людіе облекутся во одежды необычныя и чужія. и жены возлюбятъ одежды нелѣпыя, нагія и блудническія на прельщеніе малоумнымъ. И тогда мало начнутъ добра творити: вси уклонятся въ прелесть міра сего». 10 й сонъ: «Видѣхъ гору велми высоку, а ней лежитъ каменъ велми красенъ, гора развалилася, а каменъ разсыпался. И рече философъ ко царю: То будутъ въ нѣкоей странѣ царство православное и многія люди отъ православныя вѣры отпадутъ и царство то раздѣлится и пакі уставится на мало время, и тогда скоро будетъ скенчаніе міру». Къ концу міра отнесены и 2 послѣдніе сна. Въ концѣ въ скобкахъ составитель сборника замѣтилъ: «зри въ книжѣ мефодія патарьскаго сія нужды и бѣды [передъ кончиною міра] вси описаны». Въ томъ же сборникѣ имѣются «Написанія Аѳонасія мниха іерусалимскаго къ Панковѣ о древѣ разумнѣмъ добру и злу (Кормчая старопис. листъ 566)» и «того же Афанасія о наузѣхъ і о стрѣлѣхъ громнѣхъ».

Любили почитать старообрядцы и «Страсти Христовы». Это апокрифическое произведеніе имѣется напр., въ сборникѣ, переписанномъ П. Овчинниковымъ (наход. въ Троицкомъ мон.). Въ библиотекѣ Ирк. Д. семинаріи (XLV. 1817) имѣется печатное изданіе: «напечатана въ типографіи супряслской, въ лѣто **этте**» (—г по опечаткѣ вм. вѣроятно к, т. е. отъ Р. Хр. въ 1817 г.). Книга принадлежала раньше «раскольнику Артемію Трифанову» (помѣтка). Въ той же библиотекѣ находится и рукописный (XVIII в. или нач. XIX в.) экземпляръ «Страстей» (XLV. 1824). Того же времени рукописный экземпляръ «Страстей» принадлежитъ библіотекарю ирк. городской библіотеки Н. С. Романову. Были ли эти 2 экземпляра въ употребленіи у семейскихъ, мы не знаемъ. Замѣтимъ еще, что въ экземплярѣ Н. С. Романова за «страстями» помѣщена *Лѣтопись Великаго Устюга* (18 стр.); а изъ В. Устюга и вообще изъ той области шла въ Сибирь основная колонизаціонная волна, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ данныя діалектологическія и историческія¹⁾. Поучительны и мы.

¹⁾ Среди устюжанъ въ Сибири были и хорошіе переписчики книгъ. Одинъ изъ такихъ переписчиковъ исполнилъ для кривоуцкаго разночинца (Киренскаго у. Ирк. г.) сборникъ поученій, въ 168 л. въ восьмушку. «Сія стая Бгдохновеная и нравоучительная книга кривоуцкой волости разночинца Петра Иванова сна Кузакова. писалъ сію книгу города Устюга великаго Василии Григорьевъ Новоселцовъ, а писана 1756 г. Апрѣля 13». — Изъ собранія М. П. Овчинникова въ Иркутскѣ.

тарства, пройденныя душой Θεодоры. Путь мытарствъ—напоминаніе живущимъ о грѣховности ихъ жизни и объ исправленіи ея. А сколько грѣховныхъ терній растеть въ грѣшномъ мірѣ! И все грѣховное, содѣянное человекомъ въ земной жизни, предстанеть передъ его душой на томъ свѣтѣ. Вотъ, къ примѣру, «пятое на десять мытарство: всяка ересь иже вѣруютъ въ стрѣчу и в чехъ, и в полазъ, и во птичій рай, и в ворожбу, и басни бають, и в гусли гудуть» и т. д (приложеніе къ старообрядческому рукоп. чину погребенія. Ирк. Д. Сем. XLV 1802).

Къ религібно-назидательной книжности старообрядцевъ очень близки по своему содержанію *духовные стихи*. Они отличаются отъ религіозно-нравственныхъ статей только своею формой. Духовные стихи у забайкальскихъ старообрядцевъ, какъ и у другихъ ихъ собратій, распѣваются не только лицами, знающими грамоту, но и неграмотными, наизусть заучившими стихи со словъ другихъ. Распѣваются они старыми и молодыми, мужчинами и женщинами. Расхваливали мнѣ одну бабочку въ Тарбагатаѣ: шибко жалостно стихи поетъ, въ особенности когда ей «поточки» поднесутъ. Многіе къ ней ходили учиться стихамъ. Что касается содержанія духовныхъ стиховъ семейскихъ, то оно общее съ содержаніемъ стиховъ, распѣваемыхъ старообрядцами и на Поморіи и въ Стародубѣ и Вѣткѣ. Одни стихи посвящены расколу въ русской церкви, отражаютъ настроеніе гонимыхъ старообрядцевъ, ихъ жалобы и вопли,—чѣмъ полны были ихъ «житія», челобитныя посланія. Въ тетрадкѣ Троицкаго монастыря (гдѣ «Бесѣда трехъ святителей») находится стихъ «о озлобленіи каѳоликовъ». Разсказано о гибели на Руси древляго благочестія, о побѣдѣ змія седми главаго, звѣря десятирогаго, испустившаго свой ядъ въ каѳалической красныи вертоградъ. Мракъ объялъ землю русскую; солнце скрыло свои лучи, луна и звѣзды померкли, и бездны всѣ содрогнулись. Измѣнились злобно всѣ древнія святыя преданія, всѣ пастыри въ еретичествѣ потонули, а вѣрные изъ отечества изгоняются,—царить тамъ вавилонская любодѣйница и поить всѣхъ изъ чаши мерзости. (Ср. изображенія въ ркп. XLV, 1797). Вмѣстѣ съ тѣмъ слышится глубокая скорбь и надрывающій душу плачъ изгнаннаго, покинутаго человека, бродящаго во мракѣ безъ наставника и учителя. Исходъ скорби въ одномъ,—въ удаленіи отъ міра. «Ты пари, душе, въ чаши темныя, отъ мірскихъ суетъ удаленныя!».

По грѣхомъ нашимъ на нашу страну
пусти Господь такову бѣду:
облакъ темный всюду осѣни,
небо и воздухъ мракомъ потемни;
солнце въ небеси скры своя лучи
и луна в ноши свѣтлость потѣмни
но звѣзды вся потемница зракъ,
и дневный свѣтъ преложи въ мракъ.
Тогда тварь вся ужаснулася
но и звѣзды [вм. бездны] вся содрогнулася,
егда адскій звѣрь разрѣшишася,
отъ заклепъ твердыхъ искочи нагло.
О, коль яростно испусти свой ядъ
в каѳалической красныи вертоград.
Зѣло злобно тогда врагъ [возревъ],—
каѳалической род мучить повелѣ:
святыхъ пастырей въскорѣ истреби,—
увы, жалости! огнемъ попали,

и [четы] иноковъ уловляхуся
злымъ казненіемъ умерщвляхуся;
всюду вѣрніи закалаеми,
аки класове пожинаеми.
Тогда вѣрніи горце плакаху,
зѣло жалостнѣ къ Богу взываху:
время лютости, Боже сохрани [сократи],
отъ мучительства злаго защити;
аще не твоя помощь сохранить,
и избранныхъ всѣхъ адскій змій прельстит.

Охъ, увь, увь, лютыхъ тѣхъ временъ!
Охъ, увь, увь, скорбныхъ оныхъ дней!
Како лютый звѣрь нас погуби,
вся дровеса вскорѣ попали.
Аще помянемъ благочестіе,
пресаѣтлое правовѣріе,
егда процвѣталъ кринъ церковный,

тогда зѣло облисталь чинъ священный,—
то не можемъ быть без рыданія
и безъ скорбнаго воздыханія.

Охъ, увы, увы, дръвѣе правовѣріе!
Кто лучи твоя тако вскорѣ сскры, [по-
темни],

кто блистанія тако измени?
Десяторожный звѣрь сіе погуби
седмоглавы змій тако учини,
весь церковный чинъ звѣрски прекрати,
вся преданія злобно истреби,
церкви божія искоренишася,
тайнодѣйствія вся лишишася,
но и пастыри поплѣнишася,
жаломъ цѣлшества умертвишася.
Зѣло горестно о семъ плачемся.
Увы бѣднѣ[не], вси сокрушаемся,
что пастыри посмердишася,
нѣ еретичествѣ потопишася.
Оле, бѣдности, намъ без пастырей!
Оле, лютоści, без учителей.
По снѣои коли вси скитаемся,
отъ зверѣй лютыхъ уязвляемся
всюду вѣрніи утѣсняемы,
отъ отечества изгоняемы.
За грѣхи наши днесь родимся,
въ таковы бѣды полустимся.
Почто въ юности мы не умрохомъ?
Избѣжали бы лютыхъ сихъ времѣнъ.
И мы горце вси всегда плачемся,
прелюбезне [преболѣзно] вси сокрушаемся.
Взвильонская любодѣица

и прескверная чародѣица
подъ прикрытіемъ малы сладости
и предотеча вр[л.]иваетъ всѣмъ чашу
мерзости.

И мы слабиі тѣмъ прельщаемся,
сластолюбіемъ уловляемся.
Увядаетъ днесь благочестіе,
процвѣтаетъ все нечестіе,
лжеучители почитаются,
на кафедрѣхъ вси возвышаются,
вѣрныхъ соборы истребляются,
сонмы мерзости умножаются.
Вся пророчества совершаются.
И чего еще хотимъ ожидать,
посреди міра долго пребывать?
Уже жизнь сія скончается,
и день судны приближается.
О, ужаснись, душе, суда страшнаго
и пришествія всеужаснаго!
Окрылись, душе, крылы твердости,
растерзай, душе, мрежу прелести.
Ты пари, душе, въ чащи темныя,
отъ мирскихъ сует удаленныя.
Постигай тамо вѣрныхъ мал соборъ,
укрывающі[хся] посреде холмовъ.
Не страшись, душе, страха тлѣннаго.
Убойся ты огня вѣчнаго.
Изливай душе реки слезныя,
простирай к Богу молбы многія
крѣпко всегда уповай,
во вѣки его прославляй.
Аминь.

Этотъ стихъ совпадаетъ, за незначительными отклоненіями, со стихомъ, находящимся въ тетрадкѣ (XIX в.), приобрѣтенной Вс. И. Срезневскимъ въ Заонежскомъ краѣ (хран. въ рукоп. Отд. Б-ки Академіи Н. № 21. 8. 3). Рукопись приобрѣтена имъ изъ рукъ лица, принадлежащаго къ числу бѣгуновъ или странниковъ. Много выдержекъ изъ нея напечатано въ изданіи В. Бончъ-Бруевича: «Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола» (Вып. I, Спб. 1908). Этотъ стихъ поется не одними бѣгунами, но вообще старообрядцами; поэтому нельзя пользоваться имъ, какъ и другими, напечатанными Вс. И. Срезневскимъ, чтобы «съ одной стороны характеризовать міровоззрѣніе и идеалы бѣгуновъ, съ другой ихъ отношеніе къ православію и старообрядчеству» («Матеріалы» 229). Въ тѣхъ же словахъ «воспоминаніе преболѣзенное объ озлобленіи кафоликовъ» передаютъ и старообрядцы Ярославской губ.: ср. текстъ, напечатанный въ «Жив. Старинѣ» 1906 г., в. I, 49—51. Отклоненія представлены немногими словами. То же «изъ рукописи поморцевъ» напечатано было В. Варенцовымъ въ «Сборникѣ рус. духовныхъ стиховъ» (СПб. 1860, 179-183). И на западѣ Россіи, на Вѣткѣ, также извѣстенъ стихъ о гибели благочестія на Руси. (Напечатанъ въ «Ж. Старинѣ» 1907 г., в. III, стр. 145—146). При этомъ надо

замѣтить, что такого совпаденія, какое обнаруживается въ вышеуказанныхъ четырехъ записяхъ, вѣтковская псалма не представляетъ. Нѣкоторые стихи то жественны, но не всѣ. Въ вѣтковскомъ вариантѣ реально представлена гибель православія, чѣмъ въ неопредѣленныхъ восклицаніяхъ и сравненіяхъ первыхъ указанныхъ записей. Кромѣ того, въ вѣтковской псалмѣ указанъ составитель ея: «Бахксизмъ при нарушеніи вѣры, отъ отступника Никона, бывшаго патріарха. Сія псалма составлена преосвященнымъ Анфимомъ епископомъ, который бѣжалъ за р. Дунай съ донскими казаками, сирѣчь некрасовцами».

Событіямъ начала раскола посвященъ «Стихъ соловецкихъ чудотворцевъ», находящійся въ рукописи (XIX в.), доставленной въ 1871 г. П. А. Ровинскому однимъ крестьяниномъ изъ с. Тарбагатая («Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О.», т. IV, № 2, 105—106). Въ этомъ стихѣ вспоминается походъ и осада Соловецкой обители. Обстоятельства осады и взятіе обители, представленныя въ стихѣ, не соотвѣтствуютъ тому, какъ это передано въ «исторіи». Точнѣе представлены событія въ другомъ вариантѣ этого стиха, найденномъ въ Вѣткѣ (напеч. въ «Ж. Старъ» 1907 г., в. III, 147—148). Вотъ стихъ изъ тарбагатайской тетрадки:

Что во славномъ было царствѣ,
во московскомъ государствѣ,
переборъ былъ боляромъ,
пересмотръ воеводамъ.
Изъ боляръ—боляръ выбирали
въ воеводы посадили.
Что еще выбирали воеводу
Петра сына Алексѣича,
еще роду не простова
господина Салтыкова.
Посылали воеводу
къ соловецкимъ чудотворцамъ,
монастырь ихъ разорити,
стару вѣру разрушити,
старыя книги изодрати
и всѣхъ старцевъ прирубити,
въ синее море пометати.
Что возговоритъ воевода:
«Что не лѣзя, сударь, зорити
невозможно и подумать
на святое его мѣсто».
Что возговоритъ государь
царь Алексій Михайловичъ:
«Ты доброй же воевода
я велю тебя сказнити,
руки—ноги отрубити,
буйную голову отпилити».
—Погоди, сударь, казнити,
Прикажи рѣчь говорити.
Дай же, сударь, силы много,
стрѣльцовъ, бойцовъ и солдатовъ.—
Что садился воевода

онъ великій во стружечки.
Потянули буйные вѣтры
со полуденной страны.
Приносило воеводу
къ монастырю тому святому,
ко игумену честному
и ко храму ко святому.
Что стрѣляетъ воевода
во соборную божію церковь.
Уронилъ онъ воевода
Богоматерь со престола.
И всѣ старцы испужались,
по стѣнамъ пометались,
во едино мѣсто собирались,
во едино слово говорили:
«И мы головы положимъ,
мы по старому послужимъ,
вѣчно Богу слуги будемъ
и съ Нимъ во царствіи пребудемъ».
Во московскомъ было царствѣ,
отворились царскія двери,
воскричали, возопили:
«Уже есть ли у насъ караулы!
Посылали бѣ поскорѣ,
монастырь бы не зорили,
а старцевъ не рубили,
и вѣру бы не рушили».
Что возговоритъ игумень:
«Вы духовныя мои дѣти!
Уже вы стойте, не славайтесь,
за Христа Бога умирайте.
Аминь»

Слово въ слово (кроме 3—4 словъ) совпадаетъ этотъ стихъ со стихомъ въ тетради одной женщины д. Устья Печорскаго у. (напеч. Н. Ончуковымъ въ «Жив. Стар.» 1907 г. в. III, стр. 80—81) Ср и въ «Бѣломорскихъ былинахъ» Маркова (стр. 470). Небольшія отклоненія представляетъ и стихъ, напечатанный Безсоновымъ по рукописи изъ Коломны («Калѣки переходже». М. 1861, 679—680).

Не Салтыковъ, а Мещериновъ разгромилъ соловецкую киновію. — Въ вѣтковскомъ вариантѣ Салтыковъ отказался, а лютый Мещериновъ поѣхалъ. — Конецъ былъ иной. Въ вѣтковскомъ вариантѣ все рассказано согласно съ «исторіей». «И киновіи жилища опустошишася, кѣлиі испразднишася, болнища праздна возлежащихъ являшася. Пусты святія церкви молящихся киновіатъ, пусть монастырь своихъ жителей показася. Исполнишася окрестныя обители на отоцѣ, наполнишася луды и морьстін брезі тѣлесъ мертвыхъ висящихъ и на земли лежащихъ; земля отока и каменіе обогрися неповинною кровію преподобныхъ» («Исторія», л. 247 рукописи XLV, 1784 г.). «Воевода киновію взя генваря въ 29, в первый часъ мясопустныя субботы и вся жители елико иноческаго елико мирскаго чина и убіенныхъ тѣлесами и неповинною кровію святое окропи мѣсто.» (ib. 248. — У старообрядцевъ имѣется изображеніе осады и разгрома Соловецкой обители: съ одной стороны обитель, съ другой три пушки по ней палятъ; передъ пушками три солдата стоятъ; солдаты одѣты въ форму болѣе поздняго времени; на возвышеніи на перекладинѣ висятъ монахи, повѣшеные за шею за туловище, за ноги; посрединѣ стоитъ воевода; въ сторонѣ тѣла убитыхъ монаховъ; въ отдаленіи скачутъ посланцы съ пакетами. См. это изображеніе напр., въ старообрядческой хрестоматіи «Старая вѣра» (М. 1914, стр. 113).

Въ другихъ духовныхъ стихахъ отражается настроеніе старообрядца, его отношеніе къ міру ссблзана и пустыхъ тревоженій, памятованіе вѣчныхъ мученій. Сообщаемые ниже духовные стихи, хотя являются излюбленными у старообрядцевъ, но не составляютъ исключительно ихъ достоянія: тѣ же стихи распѣвались и распѣваются и нестарообрядцами. Вотъ стихъ объ *Іосафатѣ царевичѣ индійскомъ*. Главный мотивъ этого стиха бѣгство отъ міра прелести, отъ «покоевъ свѣтлыхъ и чертоговъ, славы и чести премноги», — бѣгство на лоно прекрасной матери — пустыни. Этотъ стихъ поется повсюду у старообрядцевъ. У забайкальскихъ старообрядцевъ могу отмѣтить 2 типа стиха: 1-й въ рукописи первой половины XIX в., переписанной П. Буровымъ (Дух. Сем. XLV 1822, см. выше); 2-й въ записи 1901 г., сдѣланной Н. П. Протасовымъ въ с. Окино-Ключи (Верхнеуд. у.) отъ старообрядца Лазаря Судомойкина. Запись эта находится въ большой тетради записей народныхъ пѣсенъ, сдѣланныхъ Протасовымъ въ Забайкальской области. Тетрадь принадлежитъ Иркутской Архивной Комиссіи¹⁾. Изъ сборника Бурова:

Стих Іосафа царевича в пустыню вхождъ.

Боже отче всемогущей,
Боже сыне присносущный,
Боже душе параклите,
многозарный миру свѣте
В тріехъ лицѣхъ пребывая,
существо си тожде зная!
Къ тебѣ грѣшный притекаю,

многія слезы проливаю:
благоволи мя пріяти,
еже тебѣ работати,
да не леже [донележе] даси жити
вну твой рабъ хочу быти,
да мя сей миръ не прельщаетъ,
любви къ тебѣ не лишаетъ.

¹⁾ За возможность воспользоваться этой рукописью благодарю глубокоуважаемаго предстателя Комиссіи Мих. Павл. Овчинникова. — Изъ той же рукописи нами сообщены ниже стихи — «Плачь Адама», «Страшный судъ» и «Борись и Глѣбъ».

Иду внутрь тя обитати,
ты ми буди, яко мати.
Питаеши древесъ плоды
и былными дивии роды.
В лѣсы темны ис полаты[—ей]
свѣтлыхъ иду обитати.
Из града гряду во пустыню,
любя зѣло в ней густыню,
да ту единъ обитаю
едину ти работѣю.
Ты ми изволь помощь дати,
во пустыни обитати.
Тесным путемъ итти чтуса,
да в пространствѣ водворюся.
Царскій венѣцъ мнѣ ничтоже
тебѣ ради Христе Боже.
Сладки чаши оставляю,
токмо твоихъ водъ желаю.
Того хочу азъ искати,
скорби, нужды зло страдати.
Во умѣты вся вмѣняю,
тебѣ, Христе, подражаю.
Нищъ и убогъ хочу быти
да съ тобою могу жити.
Кромѣ тебѣ мнѣ ничтоже
лѣтъ творити благо, Боже.

Тотъ же типъ стиха находится въ тетрадкѣ изъ с. Тарбагатая. (Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О. т. IV, № 3, 131—132) и въ тетради заонежскаго бѣгуна (Б-ка Ак. Н. № 21, 8, 3; см. въ «Матеріалахъ» Бончъ-Бруевича, в. I стр. 234—235). То же записано отъ старообрядцевъ Ярославской губ. («Ж. Старина», 1906 г. в. I, 55—56). Тотъ же стихъ напечатанъ Безсоновымъ («Калѣки переходящія», стр. 259—268) по рукописямъ, по печатному изданію «Исторіи или повѣсти... о преп. о. Варлаамѣ... и о Іоасафѣ» (М. 1681) и по устнымъ записямъ. О рукописяхъ съ этимъ стихомъ см. въ трудѣ В. Н. Перетца: «Историко-литературныя изслѣдованія». Различія во всѣхъ этихъ записяхъ незначительны: они сводятся къ нѣкоторой перестановкѣ стиховъ и немногимъ словамъ и формальнымъ окончаніямъ. «Молитва святого Іоасафа царевича Великій Индіи въ пустыню входяща» взята въ старообрядческую хрестоматію «Старая вѣра» (М. 1914, 292—293).

Запись 1901 г. въ с. Окино-Ключи Верхнеуд. у.

О, прекрасная мати-пустыня,
прими мя во свою частыню,
Яко мати свое чадо,
научи мя на все благо!
Любимая моя мати,
потщися мя воспріяти,
во тихое пристанище,

Ты сей путь самъ направи,
да живу ти, самъ настави.
Дивныхъ звѣрей азъ боюся,
но на Христа надѣюся
на нѣже весма уповаю
всего ему мя вручаю,
яко имать укротити
и подастъ ми мирно жити.
Тѣхъ ми паче умни звѣри,
иже суть злы безъ мѣры¹⁾,
ибо душу убиваютъ,
егда ону в грѣхъ прельщаютъ.
О[т] тѣхъ мнѣ спаситель
Христось будетъ защититель
То есть ми требѣ,
что намъ Богъ хранить в небѣ.
Свѣтла небо, въ немъ же сладость,
бесконечна и вся радость.
Мира славу, сребро, злато,
цѣну имамъ яко блато.
Желаю же азъ Варлама,
дабы жити купно нама,
да имъ азъ наставляюся,
живу Богу и спасуся
всегда и нынѣ и присно и во вѣки.
(лл. 74—75 сборника).

безмолвное нѣдро свое.
Всѣмъ сердцемъ желаю тя,
и въ день и въ ночь поминаю тя.
На царскія палаты
не хочу я взираи,
зане тамо богатство
не будетъ мя искупляти;

¹⁾ Ср. риему—звѣри | безмѣры, указывающую на близость *ри* и *ры*.

а ризы же и чертоги,
 аще и свѣтлы, но тленны.
 А честь моя и слава же,
 вся земная и суѣтная
 вся эта я оставляю
 и душу имъ не прельщаю.
 Покоевъ свѣтлыхъ и чертоговъ,
 славы же и чести премноги
 бѣгаю, аки отъ змія.
 Пустыня моя, приими мя!
 Отвращуся сего свѣта,
 пребуду въ тебѣ всѣ лѣта.
 О, прекрасная пустыня,
 въ любовь свою приими мя.
 Не страши мя своимъ страхомъ,
 да не в-радоусть будетъ врагомъ.

Тотъ же типъ стиха находится въ поморскомъ сборникѣ первой половины XIX в. (Рукоп. Отд. Б-ки Ак. Н. № 33. 15. 217; см. въ «Матеріалахъ» Б.-Бруевича, I, 232—233). Въ такомъ же видѣ этотъ стихъ передавался и передается и въ другихъ мѣстахъ: ср. тексты изданные Безсоновымъ («Калѣки перехожіе», стр. 240—249) по устнымъ записямъ и по рукописямъ. Ранній вариантъ этого стиха былъ помещенъ въ печатномъ изд. «Исторіи.. о житіи св. преп. Варлаама и Іоасафа» (типогр. Кутейнская, 1637; у Безсонова стр. 249—250). О типахъ стиховъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ и генезисѣ ихъ см. въ статьѣ А. П. Кадлубовскаго; «Къ исторіи русскихъ духовныхъ стиховъ о преп. Варлаамѣ и Іоасафѣ» («Рус. Фил. Вѣст.». 1915 г. № 2).

Зависть и ненасытность человѣческая—«очи наши ямы, руки наши грабли» — ничтожество житія временнаго — «тѣла наши будутъ червямъ на сѣденіе, кости наши будутъ землѣ на преданіе», — вопли грѣшной души, памятующей о страшномъ днѣ судномъ—таковы мотивы и настроеніе отразившіеся въ стихахъ «Плачь Адама» и въ особенности «Страшный судъ». — О, болѣзнь! О, рыданія! О, печаль! Горе живущимъ на земли человѣкомъ!.

Плачь Адама.

Восплакался Адамъ, передъ раемъ стоя.
 О, раю мой, раю, прекрасный мой раю!
 Мене ради раю сотворенъ бысть.
 Евы ради, раю, заключенъ бысть.
 Ева согрѣшила, Богу соглубила.
 Весь родъ нашъ отъ раю святаго.
 Свой умъ помрачивши, во тьму погрузила.
 Увы, грѣшному, увы, беззаконному!
 Уже азъ лишихся райскія пищи.
 Адамъ вопіяше Богу со слезами:
 «Боже милостивъ, помилуй мя согрѣшив-

Ни что же вкушати отъ райскія пищи.
 Сослалъ насъ Господь на рудную землю,
 Повелѣлъ намъ Господь трудами кормиться,
 Правдою жити, зла не творити.
 Господь породился, во Іорданѣ крестился
 Адамъ свободился весь родъ обновился.
 Вы, братія моя, прибѣгнемъ къ церкви,
 Услышимъ мы, братія Божіе писаніе,
 Накажетъ насъ Господь за грѣхи наша,
 Что мы впади въ превѣчную муку.
 Воззримъ мы, братія, на вѣчные гробы.
 Гробы ны наша гробы,—превѣчныя дома.

А Ева Адаму въ то время глаголетъ:
 «Адамъ, Адамъ, ты мой господине!

Житіе временное, слава суѣтная
 Богатства други, убожества слезы!
 На семъ вольномъ свѣтѣ много зависти:

Не велѣно намъ въ прекрасномъ раю быти,

очи наши—ямы, руки наши—грабли:
 что очи увидятъ, то руки заграбятъ.
 Не можемъ мы нынѣ ничѣмъ себя на
 полнить:
 какъ Богъ дастъ намъ много, намъ ка-
 жется мало.
 Какъ, братія, помремъ, мы все позабудемъ.
 Взяти намъ съ собою ничто невозможно.
 Только возьмемъ мы саванъ да срачи
 чу [цу].
 Единныя рuce приложимъ ко сердцу.
 Богатство наше кому-то останется,
 Души наши пойдутъ по своимъ дѣломъ.
 Тѣла наши будутъ червямъ на съѣденіе,
 Кости наши будутъ земли на преданіе.
 Тогда не пособятъ имѣнія наша.

Тотъ же стихъ съ немногими и незначительными словарно формальными отличіями, изданъ В. Варенцовичемъ («Сборникъ рус. дух. стиховъ», 40—44) и Буслаевымъ («Историч. хрестоматія». М. 1861, 1547—1549, по рукоп. конца XVIII в., Румянці. Музея). Въ неполномъ видѣ этотъ стихъ записанъ у ярославскихъ старообрядцевъ Я. Ильинскимъ («Ж. Старина», 1906, в I, 41).

Страшный судъ.

Инь вѣкъ тебе, душе, ожидаетъ:
 Почто не готовишия, душе моя?
 Земная и временная возлюбихъ,—
 вѣчныхъ благъ лишаюсь горько.
 Воздыханья не имѣю, какъ мытарь,
 и слезъ покаянія, какъ блудница.
 Вопію ти, Владыко, помилуй мя!
 И не отрини мя отъ лица своего.
 Покайся, покайся, душе окаянная!
 Почто забываеши свою кончину?
 А забывши свою кончину,
 Не страшинься смертнаго часа.
 Придетъ бо велій плачъ и бѣда,—
 Ужасно рыданіе будетъ тогда..
 Горе, горе тебѣ, душе окаянная!
 Какъ пити имаши смертную чашу:
 когда рuce и нози отнимутся,
 а глава твоя потеряетъ разумъ?
 Тогда плачъ и рыданіе предстоящимъ.
 И никто тебѣ помощи не подастъ.
 Нѣсть печаль яковѣ здѣ бываетъ,
 якоже придетъ тогда печаль та,
 тогда вси грѣси твои предстанутъ ти
 ко страшному Христову судищу.
 Скорбь и болѣзнь, душе, ожидаетъ тя.

Развѣ намъ пособитъ милостыня наша,—
 что нищимъ давали отъ своихъ трудовъ.
 Покинемъ гордость, возлюбимъ кротость,
 покоимъ нищихъ, накормимъ алчныхъ,
 проводимъ мы мертвыхъ до божія церкви:
 уже наша съ ними послѣдняя дружба
 Родителей своихъ должно поминати
 а насъ Господь Богъ всѣхъ помянетъ.
 За всѣхъ потрудимся, на вѣки спасемъ.
 Тѣмъ мы себѣ купимъ небесное царство.
 Спросилъ Христосъ Петра и Павла:
 «А кто у рая плачетъ, кто возрыдаетъ?»
 — Адамъ, стоя, плачетъ, а Ева рыдаетъ. —
 (с. Бичура, отъ старообрядца Петрова;
 зап. Протасова).

Како судищу предстанешъ страшному?
 День той страшенъ есть о, душе,
 его же присно святѣи бояхуся
 День Господень близъ и скорь зѣло.
 Судъ его скоръ и горекъ будетъ.
 Потрясутся тогда небо и земля,
 егда прилетѣтъ судія судити вся
 Горе тебѣ, горе тебѣ, душе моя!
 Како предстанеши страшному суду?
 Кій отвѣтъ даси Царю славы,
 егда, рыдая, со грѣшники станеши?
 О, болѣзнь, о рыданія, о печаль,
 Егда осужденна ты душе, будеши!
 Како отыдеши въ муки вѣчныя,
 въ муки страшныя, лютыя, ужасныя.
 Како разлучишися отъ святыхъ всѣхъ
 и ввержена будеши въ огнь геенскій?
 Тамо тьма преглубокая и злосмрадная.
 Никогда же не узришь ты свѣта.
 Тамо плачъ и рыданіе непрестанное.
 Тамо стенаніе зѣло многое будетъ.
 Горе живущимъ на земли челоуѣкомъ.
 Конецъ приближается всѣмъ намъ.
 Тамо часъ единъ будетъ горше зѣло,
 нежели сто лѣтъ житія свѣта сего.

Тамо день единъ будетъ ти, душе моя,
Паче тысящи лѣтъ житія сего.
Горе мнѣ, горе мнѣ, душе окаянная!
Како во тѣмъ будеши пребывати?

О, Царице-небесная! О, Владычице!
Буди ми тамо благая помощнице.
(с. Окино Ключи, отъ безпоповца Ла-
заря Судомойкина; зап. Протасова).

Совсѣмъ иного содержанія стихъ о страшномъ судѣ, о душѣ грѣшной ср. въ сборникѣ Варенцова (стр. 142—174) и въ Христоматіи Буслаева (1549—1553).

Наконецъ, имѣются и такіе стихи, въ которыхъ переданы библейскія событія: стихи о потопѣ, объ **Іосифѣ Прекрасномъ**.

Потопъ страшень умножался,
Народъ водѣ испужался:
Гнѣвъ идетъ! Гнѣвъ идетъ! и т. д.

(«Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О.», т. IV, № III, 13. Такой же стихъ въ сборникѣ Варенцова (стр. 200—201), записанный у поповцевъ въ Саратовѣ.

Стихъ объ **Іосифѣ Прекрасномъ** мнѣ извѣстенъ въ четырехъ забайкальскихъ записяхъ. Двѣ записи сдѣланы въ первой половинѣ XIX в. старообрядцемъ Порфиріемъ Буровымъ (—находятся въ его тетрадкѣ и въ сборникѣ «Цвѣтникъ» Иркутск. Д. Сем. XLV. 1822 лл. 68—75). Обѣ записи совпадаютъ буквально. 3-я запись сдѣлана въ 1901 г. Протасовымъ въ с. Бичура со словъ «раскольника Вас. Мих. Петрова». Эта запись отличается отъ записи Букова весьма незначительно. Отличія касаются передачи нѣкоторыхъ формъ и въ немногихъ случаяхъ самаго изложенія. Начало 4 й записи изъ тетрадки тарбагайскаго старообрядца напечатано въ «Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О.», т. III № 3 124.

Стихъ Іосифа прекраснаго.

Кому повѣмъ печаль мою,
кого призову ко рыданію?
Токмо тебѣ, владыко мой,
извѣстна тебѣ печаль моя,
моему творцу создателю
и всѣхъ благихъ подателю.
Буду просить я милости
отъ всея своея отъ крѣпости...
(и т. д. до плача у гроба матери.)
Видѣвъ я гробъ своей матери,
пади на немъ сталъ плакати,
токи струями явились,
перси слезами мочилися:

О, увиждь, мати, Іосифа,
встань скоро ты из гроба,
буди твой гробъ тебѣ и мнѣ
умру нынѣ я горце здѣ,
призывалъ много Іакова,—
не услышалъ онъ моего гласа.
Зову нынѣ тебѣ, мати,
держуть менѣ супостаты,
помози, мати, лишенному,
твоему сыну любезному.
Рахиль, Рахиль, не слышишь ли,
сердечный плачъ ты приими ли... (и т. д.;
изъ сборника Букова).

Въ записи Протасова плачъ Іосифа у могилы Рахили длиннѣе, вполне совпадая со стихомъ въ изданіи Безсонова, подл. № 41.

Событіямъ изъ старой русской исторіи посвященъ стихъ о **Борисѣ и Глѣбѣ** (со словъ окино-ключевского старообрядца Судомойкина въ зап. Протасова).

Восточнаго державствія
словенскаго Кіева града }
Великій князь Володимиръ } 2 р.
имѣлъ у себя три сына:
старѣйшаго Святополка,
меньшихъ же Бориса и Глѣба.

Раздѣляетъ онъ матушку Русь
сыномъ своимъ на три части:
Святополку Черниговъ градъ..
и т. д., какъ въ стихѣ, изданномъ Без-
соновымъ подл. № 147 (стр. 651—652).

III.

Ударенные гласные передаются въ текстѣ посредствомъ жирнаго шрифта. Неслоговое *у* передается посредствомъ *у*. Для передачи мягкаго согласнаго служить знакъ согласнаго съ' или съ'.

Говоръ семейскихъ относится къ великорусскимъ *ажанимъ* говорамъ. Гласные *о*, *а* въ неударномъ слогѣ совпали въ одномъ гласномъ. Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, постоянно произносится *а* обыкновеннаго образованія: ва-жу, огароди, самапр'атка, у валасте, параваја... Тотъ же гласный находится и въ другихъ неударныхъ слогахъ: абујала, самапр'атка, хараши, варажыт'. Но во 2 мъ предударномъ слогѣ можетъ быть не обыкновеннаго образованія гласный *а*: въ этомъ слогѣ нерѣдко представленъ гласный *а* ослабленнаго образованія (передается посредствомъ *ä*) съ переходомъ къ типу гласныхъ *э* (*а'* или совсѣмъ какъ *э*,—гласному, хорошо извѣстному южно-великорусскимъ говорамъ).—пäмахчи, мäлат'у, пакъсники.. Употребленіе того или иного образованія гласнаго во второмъ предударномъ слогѣ не проведено послѣдовательно ни въ одномъ семейскомъ селѣ. Чаше *ä* или *э* отмѣчалъ въ с.с. Хараузѣ и Никольскомъ.

Въ заударномъ слогѣ *вм.* неударенныхъ *о*, *а* находится гласный *а* или *ä*, *а'*, *э* (не въ конечномъ открытомъ слогѣ, гдѣ всегда *а*): 1) правулак, морак, дис'атак, памесишна жыв'от'. 2) клырас, т'ал'онак сторану, смирнäм; заимъчки, катомъчку, једут' на-п'ыл'а пужъла, добръжа, мутнъја бравај расады, дела'ит'а... Иногда представленъ гласный, очень близкій къ *ы* или вполне совпадающій съ нимъ: т'оплыја (им. ед.), кушыј'га, Игнатыым. Въ послѣднемъ примѣрѣ *ы* (въ *ты* —) могло быть въ связи съ *ы* въ слѣд. слогѣ, какъ обычнымъ окончаніемъ формы прилаг. и мѣстоим. мѣстнаго пад.—*ы*, болѣе заднее, близкое къ образованію *у*, въ—мутырна. Такое же *ы* отмѣчено и въ рядѣ другихъ случаевъ: белыјата, авсенъшныја... Въ передачѣ категоріи формъ прилаг. и мѣстоим. им. муж. ед. я часто колебался въ употребленіи знака *ы* или *э*: т'омнъј, з'ал'онъј, сын забретъј, прäхалоднъј, асеннъј, здешнъј, казеннъј (съ *зе*, не съ *з'о*), смирнъј, бравај, иставъј, этъј. Иногда вмѣсто такого *э* произносился гласный *ы* обыкновеннаго образованія. Но въ тѣхъ же говорахъ существуетъ и иное образованіе гласнаго въ этой категоріи: онъ имѣетъ пониженное образованіе, приближающееся къ гласному ослабленному *а*: казеннъ"ј и казеннйј зараз'онъ"ј, роднйј.

Тѣ же гласные находятся и послѣ заднеязычныхъ согласныхъ: жәнскъј полк, заганскъј, ус'акъј, ихъј, швецкъј закон держут' а ни духовнъј. Но говорятъ и съ гласнымъ передняго ряда (*і*, *е'*) послѣ *ж*, *з* (ср. ниже).

Послѣ удар. эта формальная категорія прилаг. и мѣстоим. имѣетъ *ој*: аржаной с'вокар сл'апој,—т'омнъј, навој рас, тој рас

Гласные *е* (*вм.* *е* и *ь*) и *'а* (*а* послѣ мягкаго согл.) въ неударенномъ слогѣ совпали въ одномъ гласномъ. Этотъ гласный неодинаковъ во всѣхъ случаяхъ. По гласному въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному слогу, говоры семейскихъ относятся къ южно-великорусскимъ говорамъ съ диссимилиативнымъ яканіемъ: передъ слогомъ съ удар. *а* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ находится *ы* *вм.* *е* и *'а*; передъ слогомъ съ прочими ударенными гласными произно-

сится 'а. Отклоненіе наблюдается передъ удар. е (вм. е) и о: произносятся въ неуд. сгогѣ не только 'а, но и и. Послѣдовательно и въ формахъ мѣстоим. личнаго мине, тебе, себе. Типъ диссимилятивнаго яканья послѣдовательно проведенъ по многимъ селамъ, напр. въ Н. Заганѣ, Никольскомъ, Хараузѣ. Въ другихъ селахъ наблюдается отклоненіе, хотя и непослѣдовательное, отъ этого типа,—въ Мухоршибири, Куналеѣ, Тарбагатаѣ, Десятниковѣ. Н. Заганѣ: диваха, тир'аиш, хрес'яны (и съ е: хрес'яны—крестьяне), сим'а, упригат', зимл'а, диржат', усвидат', мижа, висна (а передъ а ни разу неслыхалъ),—з'амли, л'аригију (религію). нат'арет', р'авемшны, в'ас'не, кола Н'аве, т'алега, с'астры, п'арсты, б'аруг', р'атујут', н'абуду, н'а многа, д'аушонка, т'ал'онак, з'ал'онѣ, з'ал'онку сеит', у с'ар'отках, чатэри, чеснок, б'ар'ош. Совершенно такъ же обстоитъ дѣло со слогомъ, непосредственно предшествующимъ ударенному, въ говорѣ с.с. Никольскаго, Хонхолоя, Харауза. Тотъ же типъ яканья представленъ и говоромъ Мухоршибири, но съ значительной примѣсью и канья, позднѣйшимъ наслоеніемъ (ср. ниже).—врид'ат', тил'ат, риб'ат, симнатцйт', питнатцйт', висна—ве'сна, д'арешн'а, т'арет', б'агит', в'ад'от', т'ал'онѣчик, багут' обѣ иканѣ передъ удар. и, е, о, у, ы см. ниже). Говоръ с.с. Куналея, Тарбагатая, Десятникова представляетъ типъ диссимилятивнаго яканья, смѣшанный съ ассимилятивнымъ. Куналей: тила и т'ала (въ говорѣ одного и того же лица), б'ада, запр'агајут', пат'ар'ал—патир'ал—пате'рал, мижа—межа, тил'аты, дис'атак, пабижал, нил'з'а, две'натцат', хре'с'яны. Передъ прочими ударенными гласными проведено употребленіе гласнаго а, за немногими уклоненіями у молодого поколѣнія въ сторону и канья или е канья (непослѣдовательно).—т'ак'от', с'астр'онка, с'чар'омухај, м'ашков, с'ало, у с'але, н'абудим, д'атеј. Тарбагатай: б'ада, д'ала, з'амл'а, плам'аш, н'анада (и въ Хараузѣ отмѣчено: н'а хош—н'а нада), кон' п'агавѣј, д'аржат', учара. Вмѣсто неудар. а иногда произносили гласный передняго ряда широкаго образованія: 'а: стр'ал'ат, з'амл'а. т'ал'ат. Употребляются и сочетанія съ е' или и вм. неуд. а: ре'б'аты, на маих паме'тах... Передъ другими удар. гласными находится 'а или нерѣдко выступаетъ 'а: з'амли, паб'агит', јаво, с'в'аточки, гн'адој, чар'омуха, л'ап'ошки, р'аку, с'раке, на в'ар'ху, н'ахто (въ знач. «никто»), з'ал'онѣ, т'ак'от'. Десятниково: въ томъ же состояніи, какъ въ Тарбагатаѣ: р'аб'атам, приб'а жала; земл'а; л'ажыт', н'асуг, т'акоѣт'.

Гласный 'а въ предударномъ слогѣ чаще всего произносится передъ ударен. глас. и, у, ы, е, о. Но въ каждомъ селѣ приходилось отмѣчать вмѣсто 'а гласные иного образованія,—ближе къ переднему ряду или совсѣмъ передвинувшіеся въ передній рядъ: 'а, е. Часты такіе гласные въ предударномъ слогѣ въ с.с. Мухоршибири, Тарб., Десятн.—шшып'яткој, т'алега—т'алега, б'ар'ош—б'ар'ош—бѣр'ош, веде, персты.. (Н. Заганѣ), с'анов, бѣр'ош (Хонх.), село, селе, села, з'амли при зе'мл'а, жана, дис'ятина (Мухш.).

По всей семейщинѣ при яканѣ можно наблюдать и сочетанія съ и каньемъ. Только въ немногихъ сочетаніяхъ вм. предударнаго е представленъ гласный и послѣдовательно 1) Въ формахъ род. ед. личныхъ мѣстоим.: мине, тебе, себе. Съ тѣмъ же гласнымъ употребляются и формы дател. и мѣстнаго. 2) Въ передачѣ нарѣчія «еще»: ишо. Это нарѣчіе передается съ и и въ тѣхъ южно-великорусскихъ говорахъ, въ которыхъ въ прочихъ сочетаніяхъ передъ слогомъ съ удар. о имѣется 'а вм. е (с'ало, в'асло, пам'ало...). Отмѣтимъ и то, что во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ «старожилаго» населенія Сибири также представлено это сочетаніе съ и и съ однимъ ш: ишо. Такъ и въ метрополіи сибирскихъ «старожиловъ»: въ Вологодской, Архангельской, Пермской губ. 3) Передъ

е и о въ такихъ словахъ, какъ—читвер'хъ, вискрисен н'а, вазнисен н а, Ниф'от. Въ рѣчи одного глубокой старости дѣдушки отмѣчено: типерича. Въ рѣчи другихъ обычно—тапер'. Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ и вм. е представляетъ давнюю черту южно-великорусскаго говора семейскихъ. Передъ удареннымъ е раньше, вѣроятно, и употреблялось чаще, послѣдовательнѣе. Остатки прежняго иканья въ этихъ случаяхъ представляетъ форма—сабиресси—(Кун.), ср здѣсь е (ре), а не 'о, какъ обычно говорятъ теперь семейскіе. М. б., прежнее звуковое сочетаніе (съ и) представляетъ передача мѣстоименія: ије Кун.), ијо при јајо. Какъ въ передачѣ формы этого мѣстоименія, такъ и въ прочихъ случаяхъ иканье проведено непослѣдовательно не только въ группѣ говорящихъ, но и въ говорѣ одного и того же лица. Иканье въ этихъ случаяхъ—явленіе наносное въ семейщинѣ, за исключеніемъ сочетаній съ и передъ удар. е: среди послѣднихъ могутъ быть и остатки давняго типа измѣненія неудар. е въ и, затѣмъ вытѣсненныя неудареннымъ а. Манера иканья проникала къ семейскимъ отъ лицъ, побывавшихъ за границу семейщины,—служившихъ въ солдатахъ, жившихъ въ городѣ, на пріискахъ, на станціяхъ. Среди книжныхъ людей иканье находило себѣ распространеніе и въ XVIII в., какъ указываетъ сборникъ старца Давыда (см. ниже) Такимъ же путемъ проникаетъ иканье и въ другіе южновеликорусскіе говоры.¹⁾ Для семейскихъ имѣется и другой путь распространения у нихъ иканья: отъ сосѣдей—«сибиряковъ», т. е. нестарообрядцевъ. Говоръ этого населенія въ той области икающей. Икаютъ и тѣ «сибиряки», которые живутъ съ семейскими въ однихъ селахъ, напр. въ Мухоршибири, и тѣ, которые занимаютъ сосѣднія села. Говоръ сс. Саянтуй, Баръ, Харашибирь—икающей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ отмѣчено, какъ сильно было вліяніе говоровъ сибирск. старожилаго населенія на говоръ семейскихъ. Иканье я наблюдалъ чаще въ Мухоршибири, чѣмъ въ другихъ семейскихъ селахъ. Мухш.: диситина, тилега, дирешн'а, зил'онка, чир'омуха, сило, бир'от-[т'], ш'вито' 'ш'ки (ивѣточки), бирут (отъ якавшей бабы), диды, разјиснил, види... Къ иканью больше склонны лица молодого поколѣнія.

Послѣ отвердѣвшихъ согл. и, ж, ш передъ удар. слогомъ съ а, находится а: цана, цапн'ак, жана (но въ Мухш. у икаваго мужика —жа́на), шашнатцат'; въ послѣднемъ сочетаніи отмѣчено н: шышнатцат' при шашнатцат' (Кун., Тарб.). Во 2 мѣ предупредномъ слогѣ вм. е. 'а произносятся обычно и. Рѣже отмѣчалъ закрытое е'.—читэрох (но—чатэри), чир'аз-речку, биз-руки (но—б'аз рук'), биз'-ијо: плоха бис-тарика б'аз друшки, дишавој, тивната, паритават', дир'авен'ка, риб'атшшки, Пит-рава-дни, свикрават', се'ме'на, не' было, ти' мнаверцы. Въ Тарбагатаѣ отмѣчено 'а: б'аз-бат'ка, а для Десятникова 'а: на б'ар'агу (ср. непослѣдовательно проведенный здѣсь типъ яканья).

Въ слогахъ заударныхъ гласные е, 'а также подверглись измѣненію. Результатъ измѣненія этихъ гласныхъ неодинаковъ во всѣхъ случаяхъ. Онъ различенъ въ зависимости отъ закрытости слога (т. е. отъ обстоятельствъ утраты въ слѣдующемъ слогѣ нѣкогда бывшаго редуцированнаго гласнаго) или открытости его (т. е. передъ слогомъ съ гласнымъ полного образованія). Результатъ фонетическаго измѣненія гласныхъ 'е, 'а въ заударныхъ суффиксальныхъ слогахъ весьма значительно видоизмѣненъ факторомъ морфическимъ,—вліяніемъ родственныхъ формъ. Въ заударныхъ открытых и закрытыхъ слогахъ, кромѣ конечнаго слога, замѣна проведена послѣдовательно: это гласные и или закрытое е'. Неполнога образованія за-

¹⁾ Укажу на одну такую область, хорошо извѣстную мнѣ по непосредственнымъ наблюденіямъ,—на южную часть Ливенскаго у. Орлов. г. Слыша тамъ икающаго мужичка или парня, безошибочно можете утверждать, что онъ потерялся среди лицъ городского, мѣщанскаго класса.

ударныхъ гласныхъ отражается и на этихъ гласныхъ, хотя и не проведена послѣдовательно.—леде'ник, леде'нику, восе'ни, восин'у, жэриба (но—жэр'яп), вымираина, малин киј заўтришниму, радитил'ов, па нашыму, з нашыва сила, зимн'я дорога (ъ—редуциров. и или е') Въ закрытомъ конечномъ слогѣ гласный неодинаковъ во всѣхъ образованіяхъ: въ однихъ случаяхъ представленъ узкій гласный, и или е', въ другихъ—широкій, ѧ. Неполнота образованія изрѣдка отражается и на этомъ слогѣ, съ гласнымъ ѧ.—десит', восим' и восе'м или восен'м (съ болѣе или менѣе закрытымъ е), лене'х, шворе'н' внучик (въ послѣднемъ, м. б.,—ч:к отъ образованій съ давнимъ суф.—чик'). Въ глагольныхъ фф. проведено послѣдовательно и, м. б. не безъ участія фактора морфического,—вліянія формъ съ основою наст. вр. и инф. на—и.—будиш, будим, знаит', зајмуимс'а, купл'аим, сеит', пасеил... ѧ въ закрытомъ конечномъ слогѣ: пар'ян' с'аст'мн'яц, жэр'яп (но—жэриба), брат'т'яв (братъевъ). Послѣ и (ж) въ конечномъ слогѣ то же, что и вм. о, а: варабишак (воробышекъ). Въ окончаніи формы им. ед. муж. прилагат. и мѣстномъ передъ ј представленъ результатъ фонетическаго измѣненія великорусскаго гласнаго е въ этомъ слогѣ: произносится или гласный е', и^е или и иногда съ редукціей.—середни'ј, малодин ке'ј, трет'т'иј, вон киј (·е'ј), шырандајскы, великиј, кујтунскиј, хараускиј.

Въ конечномъ открытомъ слогѣ замѣтна неудар. е (е, ѣ) представлена очень непослѣдовательно, вслѣдствіе значительнаго взаимодѣйствія различныхъ родственныхъ формъ и формальныхъ категорій. Въ этого въздѣйствія остались 2 ряда формъ: форма именит. сред. ед. на 'е—'а и формы наст. вр. и повелит. накл. на —те—т'а: адно пол'а, другоја пол'а, пол'ца, плат'т'а, васкрисен'н'а (-н'а) вазнисен'н'а, успен'а, купан'н'а; въ Мухорш въ этой категоріи сочетаній отмѣчено и ѧ: васкрисен'я, с'видан'я. —т'а: просит'а, носит'а, пашыт'а даједит'а заприт'а, пужайт'а, пасидит'а; въ Мухорш. у икавшихъ субъектовъ ф. 2 л. мн. оканчивалась на —ти или —те', —ти': водити', дадтити', просити'. У тѣхъ же лицъ замѣтно и другое отклоненіе: склонность произносить форму 3 ед. и мн. съ твердымъ т (хотя и не исключительно) при своемъ традиціонномъ семейскомъ т'. Въ прежней глагольной формѣ може|т' а вм. е въ конечномъ открытомъ слогѣ послѣ ж: можа—можетъ быть.

Въ конечномъ открытомъ слогѣ другихъ формъ вм. е (изъ ѣ) находится гласный 'а ('я) е' и. Появленіе гласнаго и въ падежныхъ формахъ именъ существ. обязано формамъ съ давнимъ оконч. і (послѣ мягкихъ согл.). Форма род. ед. основъ на—а имѣетъ оконч. 'а или ѧ: с-субот'а (-'я), ад дарог'а (-'я), з'-зим'а, с Паск'я но и—с ливтвини, ад-дароги и др. Форма дат. и мѣстн. п. тѣхъ же основъ оканчивается на: 'а ('я), е, е', и. на н'адел'а (-'я), на жоп'я, в бутылк'я, на паск'я, на литовке, в д'арешне'; но часто и и: на т'алеги, на печ'ки, на служби на заимки, на Б'ар'азовки на паски, па улицы, к мел'ницы То же колебаніе въ окончаніи ф. мѣстн. пад. ед. именъ м. ср: часто слышалъ окончаніе ѧ или е и окончаніе и. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе, что въ передачѣ географическихъ названій обычно употребляются формы съ оконч. ѧ, е (е'). у Заган ѧ на Гашэјя (ј—въ знач. неслогов. і), у Чикоје, у Шырандаје (или—је'), у Ханхалоје; б'арезник'я, на—встрицкам хфронти', и—на хронт'я, у мшр'я, в агароди, у погриби, на пакоси, в какомъ мести, но нарѣчіе—вмест'а (въ Кун.). Въ нарѣчіяхъ на —е и —ъ такое же разнообразіе въ окончаніи: 'а ('я), е, и. 'а ('я) можетъ не только представлять фонетическую замѣну неудар. е (ѣ), но и быть вызваннымъ вліяніемъ нарѣчія на —а. Окончаніе 'а ('я) распространилось весьма значительно, перейдя и на нѣкоторыя сочетанія, не имѣвшія раньше е или ѣ—wows'а (-'я) или uwows'а (-'я), заўтр'а (-'я) об'ла, дал'а—бол'а, но и—боле, акром'я, вмest'а, -'а и въ—асоб'а при асон. и въ союзѣ ал'а (ям. али).

скол'ка (тол'ка) при—скол'к'а (тол'к'а), но и—скол'ке¹, скол'ки (тол'ки). најпаче¹, послѣ при—пасл'а, бол'шы, паужы,—но—нижа, пушша.

Въ старообрядческомъ сборникѣ б-ки Ирк. Д. Сем. (XLV. 1797, см. выше), написанномъ старцемъ Давыдомъ въ к. XVIII го в., по всей вѣроятности, въ Забайкальѣ, почти на каждой строчкѣ отражается результатъ измѣненія неудар. *о*, *а* и *е*, 'а, свойственный говору писавшаго. Вм. неудар. *о*, *а* онъ говорилъ въ предупредномъ слогѣ *а*: паповъ, оу арла, амега о ападавшихъ людяхъ, предатечи; *а* и въ ча, *мѣ* вм. че ше: чатыри, шаптаніемъ, шастая, крепакъ, отъ Никана ни стала (не стало), испавидь, лѣнасть. Въ заударномъ слогѣ иногда произносился гласный, напоминавшій *ы* (т. е. *а*² или *э*): бритвыми, правилами и др.—Употребленіе на письмѣ *о* или *а* въ передачѣ неудар. слоговъ сильно затрудняло писавшаго: часто вм. этимологическаго *а* онъ писалъ *о*.—обычное явленіе въ письмѣ акающихъ лицъ, не окрѣпшихъ въ орфографіи: «ложное еретическая вѣра повсюду распространилось и власть еретическая всѣхъ обладила (28) и др. Вм. неудар *е*, 'а въ предупредномъ слогѣ встрѣчается *я* и чаще *и*. побядит, посляди; рибаты, ниправда, мѣжа, ришотки, во своимъ бизуми, мичу, на мѣжи, отминилъ, лижить, отъ пити (отъ пяти); жинѣ, ничистаты. Въ заударныхъ слогахъ также двойственность, но съ перевѣсомъ иканья:—силинъ, Павиль, обычаимъ, обычаивъ, гонитиливъ, предатечивъ, мѣсицъ, вышил; но и—предатечавъ. Форма глагола 2 л. мн. произносилась съ конечнымъ гласнымъ *а*: давайта, продаета и купуета, подавайта.. Съ конечнымъ *а* и фсрмы им. ед. ср.: ничестія, бритобритія и др.

Слово «ведро» известно говору семейскихъ въ двухъ вариантахъ относительно *е*: фонетическомъ (ведры) и нефонетическомъ (е'одры). Съ *е* (не съ *о*) произносится заимствованное слово—казеннѣ; казенны анбары, казеннаѣ зимла (повсюду); но—каз'онка—(кладовая). Представлено *е* въ словѣ—смернѣ—(Ник.); въ другихъ случаяхъ слышалъ—смирнѣ.

Гласные въ сочетаніи съ согласными. Фонетическаго процесса измѣненія *а* въ *ѣ*, *е* въ зависимости отъ предшествующаго, а также и отъ слѣдующаго мягкаго согласнаго не было пережито семейщиной. Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются сочетанія съ *е* вм. *а*, но эти сочетанія не свои, а перенятія отъ «сибиряковъ». Такъ, очень часто, почти обычно, *е* въ нарѣчій *анет*¹. Въ такомъ только видѣ я слышалъ это нарѣчіе въ Тарбагатаѣ, гдѣ сибирскій налетъ значительно, чѣмъ въ другихъ селлахъ, легъ на языкъ семейскихъ. Въ Куналеѣ при частомъ *анет*¹ проскальзывало и свое старое *ан'ат*¹. *ан'ат*¹ у стариковъ, а иногда и у прочихъ лицъ въ Хонхолоѣ и Хараузѣ.—Ср. сохраненіе *а*, напр., въ—ярица, [а]йцы, [а]мина, жар'ут¹ [а]шин'у и др. Измѣненія *је*—(съ неслог. *і*) передъ мягкимъ согласнымъ не отмѣчено. Повсюду *јес'*¹ или *јес'*—*est*. Но въ разговорѣ съ бабой въ Мухорш., произносившей взрывное и твердое *т* въ 3 л. наст. вр., слышалъ *јес'*.

Съ гласнымъ *и* по всей семейщинѣ передается глаголѣ «ѣсть» (инф. и 3 ед. на *т*¹): *јис'*¹ или *јис'* (*і*-*і* неслог.), *сјис* [¹]. Возможно полагать, что *и* въ этомъ образованіи опять не свое, а взято отъ своихъ сибирскихъ сосѣдей, у которыхъ непременно *и* въ этомъ случаѣ (такъ на востокѣ и на западѣ Сибири). *и* или *и'* отмѣчено и въ сочетаніи *с'лис'* *с'ли'* *с'*—*слѣзь* (Н. Заг.), *и* вм. *е* (*ѣ*) въ семейщинѣ, какъ и во многихъ другихъ южно великорусскихъ говорахъ (при *јес'т*¹), находится въ замѣнѣ «вѣдь»: *вит'*, *ит'*; у семейскихъ—*ит'*. На измѣненіе *ѣ* въ *и* въ этомъ сочетаніи оказывала вліяніе не только мягкость слѣдовавшаго согласнаго, но и неударенность этого сочетанія въ предложеніи.

Лабіализація. Гласный *о* (*о* и *о'* вм. *е* передъ твердымъ согл.) семейскими произносится подъ удареніемъ съ значительной лабализаціей: въ первой части

образованія гласнаго ясно выступаетъ образованіе для *y*, затѣмъ переходящее къ *o*: *yo*.—паск'отина, дар'ога, хар'ош, хараш'о. т'отка, гушн'о, синак'ос, мужук'ов, заш'оуду, мн'ога, «безъ прогунѡмъ»—безъ прогоновъ,—записаль хозяинъ земской квартиры въ Хараузѣ (ср. здѣсь же *om* для *ow* или *a'w* говора). Такое образованіе удареннаго *o* я наблюдалъ въ с. с. Хонх. Ник., Хараузѣ. Въ Ник. ребята, играя въ бабки, покрикиваютъ: «ко'рул', ко'рул'а б'от' (бьетъ). Но это, повидимому, передача польскаго слова *król'* (*król'*).

Въ неудар. положеніи въ семейщинѣ отражается на гласномъ лабиализующее дѣйствіе губныхъ неслоговыхъ звуковъ. Но лабиализація въ этомъ положеніи проведена въ семейщинѣ непоследовательно: произносятся гласные и безъ слѣдовъ лабиализаціи. Въ предупарномъ положеніи отмѣтимъ: Бугародица въ обычной рѣчи и въ пѣніи: прис'витаја Бугародица спаси нас! (Ник.). абмывајут' (Заг.). Значительное дѣйствіе лабиализаціи я наблюдалъ въ говорѣ никольской пожилой женщины Анны Микитишны (см. ея портретъ съ мальчикомъ): пуноч', бугул'ник (въ говорѣ друтихъ—багул'ник, багул), папов ни 'убажит'. Вубор (р. Обор). «ивана богуслова»—въ сборникѣ старца Давыда. Въ этомъ словѣ богу-, вѣроятно, не представляетъ фанетическаго измѣненія бого-. Въ заударномъ положеніи: три шуп'уда—3 уповода. Въ формѣ род. мн.—*ow* или *o'w*, *'ow* или *'ŏw* (-ŏ—близко къ переднему ряду) или *uw* или даже съ утратой конечнаго *w* послѣ *y*.—намышыко'w, радитил'ow, 5 кон *sw*, кон'uw, кон'у (послѣднее въ Тарб.). Но въ тѣхъ же селахъ говорятъ и—5 телав (отмѣчено въ Кун.). брат'т'aw (Заг.), свидетилев (Шеролдай). Кромѣ того,—мал'чашка'м (Тарб.), алба° (Ник.)

Вм. *и* въ неудар. слогѣ послѣ *ж*, *и* произносятся 'и: мужуки, ч'ужало, ч'ужолъ (и—ч'ужало, чижолъ: то и другое отмѣчено въ Н. Заг.).—ч'ужало жит' смирнаму чилавеку (Н. Заг.). Сочетанія—ч'уловек—я ни разу не слыхалъ. Какъ видно, для *и*—*чу* благопріятствующее обстоятельство представлялъ слѣдовавшій за этимъ сочетаніемъ *ж*.

Спорадически *и*—*у* (передняго ряда) присугствуетъ послѣ губнаго согл. въ неудар. слогѣ: уп'увајут' (выпиваютъ).

Гласный *и* при сильной эмфазѣ или при цѣнии имѣетъ широкое образованіе, подходя къ гласному *e*, а въ пѣніи почти совпадаетъ съ нимъ.—иди"! (Мухорш.). Господе помелуј. ал'леллуи-ја.

По всей семейщинѣ последовательно употребляется предлогъ и приставка *з* (*e*) вм. *и*. *з* гораду. *з* дому, *з* Масквы, *з* Ыркуцка. *з* јашшыка *w'з'ас'*, *з* банку *w'з'ал*, *з* лесу, *квас* *с* муки, *з* wуха *с'ар'ошки*, *з* нашива *с* сукна, *з* ыхнѣва, *з* зим'а (переспрашиваю: съ какихъ поръ?)—из зимы. *с* карману, *с* плену, *с* Урлука (*y?*), *здох*, штоп ты *здох*! *зламап* саху, *стоп'ут'* (истопятъ), *стругатца* (изругаться).

Измѣненіе *и* въ неслоговое *и*: нѣобразованныи (Кун.).

Нач. *а* (вм. неудар. *o*) въ словѣ «городъ» иногда отсутств.: гарот (напр., въ рѣчи старухи въ Н. Заг.). На-городи.была (Хар.). Но обычно—агарот, *w* (или *uw*) агароди. Отсутствіе *а* вызвано вліяніемъ сочетаній съ *на*: на городи—на-агароди, на-гарот—на-агарот. Отсутствуетъ *а* въ сочетаніи—ни-днэј (ни одной). Иногда отсутствуетъ или произносится съ неполнымъ образованіемъ заудар *а* въ предлогѣ *ко.та*: кол—Ыстоки (около Истоки; Истока—ручей образующійся изъ ключей, около Н. Загана). кол" избы (Н. Заг.).

Изъ замѣнъ давнихъ сочетаній редуцированныхъ *ъ*, *ь* съ плавными отмѣтимъ слѣдующее. Въ замѣнахъ сочетаній *ыт'* сохраняется прежняя общерусская мягкость плавнаго передъ задненеб. (*х*), губнымъ (*ѣ*): вер'х, на-вер'х, свер'ху, на в'ар'ху (по-

всюду¹⁾, читвер'х, спер'ва. Но—вервы=веревки. Въ глагольныхъ формахъ и именныхъ образованіяхъ отъ нихъ *-держ-и-дорж*. Данныя семейшины свидѣлствуютъ, что второй звуковой вариантъ проникъ къ семейскимъ отъ «сибиряковъ»: у послѣднихъ, какъ и на сѣв.-востокѣ Европейской Россіи, этотъ глаголъ имѣетъ сочетаніе-ор-. Обычнымъ сочетаніемъ у семейскихъ является *держ*:—диржат' (д'аржат'—Тарб.), держыш и др. Въ такомъ видѣ эти сочетанія употребляются въ рѣчи стариковъ и старухъ. *дорж*—я наблюдалъ въ говорѣ нестарыхъ мужиковъ; при этомъ въ говорѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ были и другія наносныя «сибирскія» черты, не свойственныя говору старшаго поколѣнія (напр., а вм. *ав* въ глг. фор., твердое *т* въ 3 ед. и мн. наст.: задоржывалас' вада (Хар.), доржыт и—пад'доршка (Н. Заг.); даржы (Тарб.), доржыт при—держат' (Хонх.). Въ замѣнѣ **гы* передъ гласнымъ полного образованія отмѣтимъ сочетаніе съ утратой плавнаго: кстит' (крестить. Н. Заг.). Изъ замѣнъ сочетаній **гъ*, **лъ* въ начальномъ слогѣ передъ гласнымъ полного образованія: ирват', ирванны, ирв'ом, ирва (рва), аржаној. Изъ рѣчи н.-заганскаго парня Арлама, отличнаго объекта: произнесъ форму род. ед. «рожы», онъ замылся и поправился: «иржы», ржана жнив'а (Тарб.). ил'ну, ил'л'ут' (лютъ; Н. Заг.). Въ тотъ же рядъ сочетаній перешло и—л' д:—ил'дом, ат-ыл'да.

Неслоговое у и билабальное ж¹⁾. Въ семейшинѣ въ широкомъ употребленіи неслоговое *у* или губно-губное *ж*. Условія нахожденія неслогов. *у* или *ж* таковы. 1) Въ предлогѣ, гдѣ онъ чередуется съ гласнымъ *у* или съ *уж*. 2) Въ тѣхъ формахъ мѣстоименія **жъсь* («весь») и глг. **жъзѣт*, въ которыхъ по утратѣ *ь*, *ъ* въ первомъ слогѣ неслоговое *у* оказалось передъ—с *з*. 3) Въ началѣ слова: а) передъ согласнымъ *б*) передъ гласнымъ задняго ряда. 4) Въ срединѣ слова: а) передъ гласнымъ задняго ряда; б) передъ соглас. 5) Въ конечномъ закрытомъ слогѣ; въ этомъ положеніи отмѣчено и безголосое *ж*. 6) Вмѣсто начальнаго *у* въ первомъ неудар. слогѣ. Примѣры 1) *у* с'але или *ж* с'але, *у* (*ж*) тым л'асу, *у* гости пришла, *ж* аднем, *ж* читвер'х *ж* палавина-ден', *ж* цѣрки, *ж*мест'а. *у*ша с'не, *уж*-агароди... 2) Въ этихъ случаяхъ неслоговое *у* чередуется, независимо отъ какихъ-либо условій, со слоговымъ *у*: *жс'о* или *ус'о*, *усе*, *жжс'а* (*а*), *у жсем* Хараузи. Какъ во многихъ другихъ южно-великор. говорахъ развилась манера употреблять *уж* (*ув*) передъ начальнымъ удареннымъ гласнымъ: *увес'* (весь), *ужжс'а*; ср. *уж* въ предлогѣ. *жз'ас'* ¹, *уз'ат'*, *уз'ас'* ¹, *уз'ам*-шы, *жз'ал*, *уз'ал*. *ажс*—въ заимствованномъ словѣ—*ажсентьшн'я*.— Въ формахъ съ прежнимъ *з* сильнымъ: *жз'ми*. По аналогіи съ *а* (изъ *о*←*ъ* сильного) прозносится *вашеј* (вшей. Хонх.). 3) Въ начальномъ слогѣ передъ согл. вм. нѣкогда бывшаго сочетанія *жъ-* или *жъ-* (съ утраченными *ъ*, *ь*): *улес*, *влес* (влѣзъ), *унук*, *жнук*, *учара*, *жтароја*. Но *аж-* въ словѣ: *ажторник* (ср. и *ажсентьшн'я*). Передъ *р*, *л*: *жрем'а* (въ одномъ письмѣ *заганца*: *урема*), *жлас* (Власъ). Передъ гласн.: *жада*, *жос*, *жот*, *жоску*, *жон'ка*, *жот'чка*, *жарабишки*; въ Н. Заг. и—*гарабеј* (*г*—длительное) 4) *два*, *дават'*, *трава*, *падвода*, *заводу*, *жворен'*, *гвос'*, *навој* рас, *каво*, *жаво*, *чаво*, *таво*, *маво*, въ неуд.: *карова*, *три постава*, *маркова*, *ковал'*, *атава*, *брава*, *браж'ј*, *здарава*, *аттыдыва*; оконч. род.-вин. ед.—*жа*: *добр'жа*, *наш'жа*, *П'атровжск'жа*. Въ заударномъ положеніи *ж* передъ *а* иногда имѣетъ неполное образованіе и близко къ утратѣ; а передъ *у* и послѣ гласнаго *ж* утрачено: *деушки*, *кароушка*; но послѣ согл.: *у* цѣрку. Передъ согл.: *дежка*, *дижна*, *лажка*, *тражка*, *папожцы*, *лестажка*, *спражшык*, *жаштр'а* Кис'ал'ожка, *равно*, *дажно*, *тавро*, *у д'арешни*, *таргожл'а*. 5) *дамов*, *гадов*, *м'ашков* дураков, *аз'орав*, *дров*, *марков*. Въ Тарбаг. отъ нѣкоторыхъ лицъ слышалъ *ф* въ концѣ слова: *слиф*, *кароф*, *галоф*. Также отъ од-

¹⁾ Неслоговое *у* и билабальное *ж* передаются посредствомъ *у* или *ж*.

ного парня въ Мухоршибири: лупкоф. Припомнимъ и другія отклоненія въ говорѣ семейскихъ этихъ селъ отъ обычныхъ чертъ семейщины. Для объясненія появленія губно-зубн. согл. въ концѣ слова укажемъ, что въ говорѣ «сибиряковъ», живущихъ въ этихъ селахъ, представлено именно *ф* (в). 6) Вм. нач. неуд. *у* семейщина имѣетъ неслог. *у* или билабиальное *w*: *ш*же *ш* нас, *ш* мине, *ш*дарит', *ш*гадали, *ш*крал, кони *ш*гнали, ни *ш*знали *ш*б'ют' (*ш*б'ут') *ш*ражаі (послѣднее сочетаніе отмѣчено въ Хонголоѣ; въ Мухорш. и Тарб. это слово передается со вторичнымъ гласнымъ *а*: *ш*аражаі) Съ *у* произносится новое, заимствованное слово—управа: *у* шуправы (Хар.). Если за начальнымъ неудар. *у* находилось *ш*, старое или новаго происхожденія, то въ такомъ сочетаніи *у* представлено слоговымъ: *у*шал, *у*шайли, *у*шашол (уйди, ушелъ); ср. съ этимъ *у*шо—*вм* *шо*-(*ша*-) въ предлогѣ, а также *у*шо- въ начальномъ слогѣ *вм. шо*. Представлено *у* въ *ф*.—*ш*узда—по аналогіи съ *фф*. съ удар. на первомъ слогѣ.

Начальное *ш*у- подъ удареніемъ сохраняется въ семейщинѣ: *ш*мирина, *ш*ма (въ Ник. *ш* въ этомъ сочетаніи съ значительной подвижкой впередъ), выпуск. Но въ неудар. нач. слогѣ *ш*у- измѣнилось: *ш* подъ вліяніемъ предшествовавшаго *w* (неслог. *у* или билаб. *ш*) лабиализовался; въ Н. Заганѣ я отмѣтилъ—*ш*ыдельват'—съ лабиализованнымъ *ш*, близкимъ къ *у*. Но обычно представленъ результатъ пережитой полной *у*-вой лабиализации: *ш*у—*у*. Такъ и въ Н. Заганѣ, такъ и въ другихъ селахъ.—*у*дајут' (выдаютъ, ухадит' (выходить), *у*ган ал (выгоняль), *у*пригат' (выпрягать), *у*пивајут' (выпиваютъ). Послѣ гласнаго возможно *w*: ни-*ш*дајут' (не выдаютъ). Такой же процессъ лабиализации неудареннаго гласнаго въ начальномъ слогѣ отразился и въ совсѣмъ позднее время,—во время жизни въ Сибири: онъ отразился на заимствованномъ отъ «сибиряковъ» словѣ «варнакъ»: урнак (каторжанинъ, вообще бранное слово о нехорошемъ человѣкѣ).

Утрачено *в* (*ш*) въ слабоударенномъ сочетаніи .*в*ѣдъ: ит'.

Передъ нач. удар. лабиализован. глас. находится вторичное *w*: *ш*улица, *ш*ум, *ш*утрам, *ш*угал', *ш*уха, *ш*ужынат', *ш*окны, *ш*оспа, *ш*осе'ни, *ш*осим, *ш*ос'ка (Оська), *ш*ос'. Рѣка Оборъ передается, какъ—*ш*убор—(отмѣчено въ Ник.). Но, какъ передача чужого названія, этотъ примѣръ не доказателенъ. По аналогіи съ формами, имѣющими *ш*у-, *ш*о-, могутъ произноситься съ *ш* и родственныя формы съ неударенными *у*, *о*: *ш*узда, *ш*ана, *ш*аны (рѣдко въ Н. Заг.; въ Тарб.) обычно же—ана, аны или ане, какъ и—атец, ав'ос', атворка (форточка), аснатцыт' («18») Въ этомъ положеніи даже старое *ш* *вм. в* отсутствуетъ: Арлам (Варлаамъ). Вторичное *ш* находится передъ лабиализованнымъ гласнымъ и въ срединѣ слова послѣ гласнаго: на-*ш*улицы, *ш*рауулак, *ш*ауужы, *ш*ауут.

*ш*и. Сочетаніе *ш*и въ семейщинѣ замѣнилось посредствомъ *ш*и: *ш*нога, *ш*увно, *ш*увна, *ш*ишната. Въ Мухорш. отмѣтилъ *ш*и съ н е п о л н ы мъ губнымъ затворомъ: *ш*умно. Тамъ же *ш*и *вм. ш*и: дамно.

Задненебные согласные. Семейщинѣ тѣхъ селъ, гдѣ предупредное иканье не распространяется на счетъ яканья, гдѣ нѣтъ *а* *вм. ае* въ глаг. *фф* наст. вр., гдѣ нѣтъ *т* *вм. т'* въ *фф*. 3 ед и мн. наст. вр.,—тамъ извѣстенъ ей задненебный длительный *з*, а не взрывной. —гара, многа, карагот и др Такъ въ Н. Заганѣ, въ Хонх., Ник., Хараузѣ, Куналеѣ. Въ Ник. наблюдалъ длительный *з*, близкій къ *h*, а *ho*, близкое къ *wo*: дара*ho*ј и дара*wo*ј (старикъ не шепелявитъ, говоритъ ч' не ч'^{та}: ср. ниже). Въ Хар. также слышалъ *з*, близкое къ *ч*. Въ концѣ слова *х*—рох, сапох, де нех. ст'ах, астрох, плух, снех. Иначе обстоитъ дѣло въ Тарбагатаѣ (и Десятниковѣ) и въ Мухоршибири. Въ концѣ слова и здѣсь говорятъ послѣдовательно *х*. Въ прочихъ же положеніяхъ извѣстенъ и *з* взрывной. Но такого образованія задненебный

согл. имѣютъ не всѣ представители этихъ селъ. Наибольше распространено употребленіе взрывного *г* въ Тарб. (и Десятниковъ : здѣсь много и другихъ несемейскихъ чертъ говора). Не такъ значительно употребленіе взрывного *г* въ Мухорш.: здѣсь нерѣдки лица, говору которыхъ извѣстенъ *г* длительный. Вотъ мужикъ 43 лѣтъ. Онъ икаетъ, шепелявить въ произношеніи мягкихъ *с*, *з* (см. ниже). доржит и будит' держат, *т* твердое въ окончаніи формы 3 ед и мн. наст. вр. Въ его говорѣ *г*—взрывной. А вотъ и молодая баба, она доржит, шепелявить, знает, бега^т, у ней мягкое ч' имѣтъ значительный свистящій элементъ (см. ниже). Она тоже произноситъ *г* взрывной. Рядомъ съ ней двѣ бабы молодая и старая: каждая изъ нихъ знает, б'агит', у нихъ *г* длительный. Для объясненія появленія взрывного *г* въ говорѣ семейскихъ отмѣтимъ, что у тамошнихъ «сибиряковъ», какъ и у прочаго старожилаго населенія Сибири, *г*—взрывной.

Съ длительнымъ *г* въ Н. Заганѣ слышалъ гарабей- но и—-гарабишки.

Въ различномъ видѣ представлена замѣна *г* въ нарѣчіяхъ «тогда», «когда». Передъ *д* въ одномъ и томъ же селѣ произносятся *г* (отмѣченъ и взрывной *г*, *w*, *i* (неслоговое *i*): кагды, тагды, *а*, кауды, *а* каѣда таѣда. Ср. и нар.—нагды. Въ такомъ же звуковомъ видѣ эти нарѣчія свойственны и говорамъ Сибири (еще варианты: съ *л*: колды). М. б., своимъ, а не перенятымъ со стороны сочетаніемъ для этихъ нарѣчій является *тада када* отъ старухи въ Н. Заг.). Различ. звуковой видъ имѣетъ передача нарѣчія «гдѣ». 1) Представленъ вариантъ безъ заднеязычнаго согл.: *дѣ?* (Мухорш.), *де-нибуть* (Кун.). 2) Варианты съ начальнымъ гласнымъ *и* (редуцированнымъ). *г*°, *й*, *и*: иде, (съ редуц. *и*; Н. Заг.), *ъде* или *аде* (Мухорш.), *аде* (въ разныхъ селахъ). Въ Н. Заг. и такой вариантъ: *аде*. Начальные гласные въ передачѣ этого нарѣчія не представляютъ фонетической замѣны *г* въ начальномъ слогѣ передъ *д* а восходятъ къ гласнымъ, входившимъ издавна въ составъ мѣстоименныхъ формъ: *і*, а (**о*) *а* могло перейти къ этому нарѣчію позднее, отъ союза *и*. Относительно редуциров *и* можно полагать и то, что онъ представляетъ собою фонетическую замѣну мягкаго длительного *г*° передъ *д*°.

ж—*х* въ предлогѣ. Фонетически этотъ переходъ совершился передъ *ш*, *ж*, въ связи съ общимъ измѣненіемъ этихъ соглас. въ указан. положеніи: *хто*, *кохти* м'ахка... а также—*х* тому, а затѣмъ *и*—*х* Мирону, *х* намъ, *х* в'асне (Н. Заг., Мухорш., Хар.). *кр*—по всей семейщинѣ въ образованіи—хрѣс'яны, хрѣс'яны (крест'яне). Въ Н. Заганѣ у одного лица отмѣтилъ *кр*:—крес'яны: съ *кр*—то же лицо произносило и Креста (Христа) съ *кр*—отъ—*кр-сет*.

ж *г*, *ж* передъ *е*, *и*. *ж* въ этомъ положеніи пережилъ значительную подвижку впередъ, къ области мягкаго *т*°. По всей семейщинѣ *ж*° произносится, какъ заднепалатальный *т*° (т'°), или имѣетъ образованіе ближе къ переднепалатальному *т*°. рук'и и рут'и, рек'и и рет'и, к'ич'ка, с Паст'и (-'а), ск'ин' или ст'ин, т'хирпичи, капеж'и, Т'хируха, т'ита, (кета) Т'итај, Марк'елка, «Мартель»—на одной дощечкѣ въ Н. Заганѣ; *w* нас па аднѣј пайт'и (пайкѣ). Въ оконч. мн. съ суф. *ек*: ст'иш. Такъ, кажется, послѣдовательно въ Н. Заг.: заганс'тии, шырандајс'тии шыбирс'тии; въ ед.—ск'иј—ск'иј ъ—редуц. *і*).

Сочетаніе длительного *г* съ *и* (*е*) представляетъ собою сочетаніе среднеязычнаго длит. *г*°+*и* (*е*; или же вм. такого *г* находится близкое къ нему образованіе *ј*: ма г'илъ, сапаг'и, на т'алег'и... мајилк'и (*ј* близко къ неслогов. *і*; Ник., Хар.). Въ говорѣ тѣхъ же лицъ, которые говорятъ *г* взрывнымъ, *г*° представляетъ звонкую параллель къ *ж*° (к'°): ден'иш, саж'чот, сапаг'и, Маг'ил'омъ (Мухорш., Тарб.). Образованіе *ж*° отмѣчено въ Ник. съ легкимъ длительнымъ шипящимъ палат. элементомъ: сж'иштит'

Мягкое *т'* по мѣсту образованія совпадаетъ съ *к'* (*к'*): *к'ина* (тина), *к'ес'* (тестъ), *к'еста*, *к'т'есна* (примѣры изъ Н. Заг. и Хонх.). Въ Хараузѣ стмѣтилъ *д'→г'*: *г'ен'* (день), *г'евент'*. Въ говорѣ семейскихъ, переселившихся далеко на сѣверъ, въ с. Мохоркала, представлена та же подвижка въ судьбѣ *т'*.

Подвижка впередъ въ образованіи *ж*, *з*, *х* въ зависимости отъ предшествующихъ *ј*, *н*, *л'*, *р'*, *с'*, *з'*, *м'*, *н'* семейщинѣ неизвѣстна. — *хаз'ајка*, *Ван'ка*, — *у*, *Сен'ка*, *н'ан'ка*, *пун'ка*, *насул'ка*, *Лазар'ка*, *суч'ка*, на *в'ар'ху*. Только въ Мухорш. отъ дѣвочки, бѣжавшей съ ведеркой, услыхалъ «на реч'к'у». Въ томъ же селѣ одно и то же лицо говорило: — *мален'ка* и *мален'к'а*. Здѣсь *ж'* вм. *н* не фонетическое явленіе, а по сходству съ нарѣчіями на *а*. Такого же происхожденія и — *скол'к'а*, — *й* — (см. выше).

ж, *ф*. Въ передачѣ прѣжнихъ сочет. съ *ж*, а также *ф* въ заимствованныхъ словахъ семейщина представляетъ *хф* — съ *ф*, близкимъ къ безгласному неслоговому *у* (билабиальное глухое *м*), и *л*: *хфос*, *хфароба*, *захфарала*, *прихват'у*, *пахфалка*, *сарахфан*, *хфарт*, *хфурманка* и *хурман* (названіе повозки), *Грахфина*, *гармахфончик*, *Нихф'от*; *хф* и въ — *хватера*: *хунт*, *хорма*, *Хама*, *Уха* (въ Тарб. отъ старика съ нечистымъ семейскимъ говоромъ), *хлот*, *хронт*; въ Мухорш. и — на *хфронт'и*. Семейскіе говорятъ — *трапит'* *натрапит'* — (случаться, выпадать), т. е. говорятъ, какъ на западѣ и юго-западѣ русской языковой области въ Европѣ; но въ Н. Заганѣ отмѣтилъ и съ *ф* — билабиальнымъ: *трафилос'*.

Согласные *ш*, *ж* въ говорѣ семейскихъ тверды.

с', *з'*. Мягкіе согл. *с'*, *з'* относятся къ ряду *палатальныхъ* согласныхъ. Дорсально-образованные они представляютъ въ акустическомъ отношеніи шипящій элементъ и совпадаютъ съ польскими палатальными *ś*, *ź*. Эти шепелявые *с'*, *з'* распространены по всей извѣстной мнѣ семейщинѣ; они произносятся и стариками и молодежью. Но къ этому необходимо добавить слѣдующее. Въ каждомъ селѣ по произношенію шепелявыхъ *с'*, *з'* есть различіе между молодымъ поколѣніемъ и старшими. Молодежь будто съ какимъ-то особеннымъ вкусомъ употребляетъ шепелявые *с'*, *з'*. Я не встрѣтилъ ни одного парня и молодого мужика, ни одной дѣвушки и молодухи, которые не шепелявили бы. Иное представляетъ говоръ стариковъ и старухъ. Шепелявятъ и они. Вотъ дядя Иванъ въ Тарбагатаѣ, мощный старикъ лѣтъ 75; вотъ дѣдушка Хфилпъ лѣтъ 80 въ Н. Заганѣ; вотъ древній старикъ (забылъ его имя) и его старуха въ Никольскомъ; вотъ старушка въ Хараузѣ няньчится съ внукомъ Микулкой и многіе другіе мои почтен. собесѣдники въ этихъ и проч. селахъ; — всѣ они шепелявятъ; но шипящій элементъ у нихъ слабѣе чѣмъ въ произношеніи молодежи, иногда совсѣмъ слабый. Почти не шепелявить, — нерѣдко заносилъ я въ этихъ случаяхъ въ свои записки. Имѣя въ виду данныя говоромъ Сибири, полагаемъ, что шепелявость въ произношеніи *с'*, *з'* семейскіе развили только здѣсь, въ Забайкальѣ, а не принесли съ собой изъ Европы, — развили постепенно, въ средѣ поколѣній 3 хъ. Молодежь кажется, поголовно овладѣла палатально-дорсальными *с'*, *з'*. Къ настоящему времени во всѣхъ областяхъ востока и сѣвера Сибири въ говорахъ «старожилаго» населенія распространены шепелявые *с'*, *з'*. Они произносятся на низовьяхъ Оби, въ Туруханскомъ краѣ, въ приангарскихъ селеніяхъ, по Илиму, Ленѣ, Киренгѣ, въ Забайкальѣ, на Колымѣ, на Анадыри, у Охотскаго моря. Разумѣется, шепелявятъ и ближайшіе сосѣди семейскихъ, — «сибиряки», живущіе съ ними въ сосѣднихъ или въ однихъ и тѣхъ же селахъ. (Обозрѣніе говоромъ Сибири по доступнымъ мнѣ матеріаламъ сдѣлано мною въ отдѣльной работѣ, остающейся пока въ рукописи). Широкой волной процесса шепелявленія была охвачена и семейщина. — *с'ила*, *с'алу*, *с'ем*,

лис'мо, с'л'апој, с'нех, калас'ница, пус'тит', дас'видан'а, с'ера с лис'вини, ус'пен'я, јес [т'] жыс' [т'] шэс' [т'], зима, замли, куз ма', сказ'ну..

Волна шепелявения отражается кое-гдѣ по семейщинѣ и на твердыхъ с, з. Въ Н. Заганѣ я вель длинная бесѣды съ однимъ старообрядцемъ лѣтъ 37-и. Въ его говоренѣ послѣдовательно были представлены шепелявые мягкіе с', з', но также и твердые с, з имѣли шипящій элементъ. Не могу точно описать ихъ физиологіи; но въ акустическомъ отношеніи это были согласные твердые с, з съ шипящимъ элементомъ во второй части: с^ш, з^ш: с^шам, с^шол', с^штал з^шнаиш, рас^ш и т. д. Другихъ субъектовъ съ такимъ произношеніемъ я не встрѣтилъ. Только въ Никольскомъ у одного старика замѣтилъ нѣкоторую шепелявость въ произношеніи твердаго с. Отмѣчу еще въ отдѣльномъ случаѣ ш твердое вм. с въ словѣ «свѣтскій»: швецкѣй закон держут', а ни духовнѣй. Такъ жаловался мнѣ одинъ старикъ въ Н. Заганѣ. Его говоръ знаетъ очень слабые шепелявые с', з'.—шпекул'ант—съ обычной русской передачей *си*—въ заимствованныхъ словахъ (шпирт..). Возможно, что со временемъ въ семейщинѣ привьется и эта манера,—шепелявое произношеніе твердыхъ с, з и смѣшеніе ихъ съ *ш*, *ж*. Этотъ процессъ широко охватилъ русскіе говоры восточной Сибири и нѣкоторыхъ мѣстностей западной. Онъ отражается въ Туринской волости Тобольск., въ Обдорскѣ въ Туруханскѣ по Ангартѣ, Ленѣ, Киренгѣ, въ Баргузинскомъ округѣ, отчасти на Индигиркѣ на Колымѣ въ Охотскѣ по Онону. Напр.: пасн'а, наси, сл'ачча (шляться) зер'ло, зарко, жаливат, жалог, шазгли, нижавој; посол *ш*ам по *ш*та нам, а *ш*обаку *ш*нтавил, *ш*ош караулит' (такъ дразнятъ баргузинцевъ ихъ сосѣди, не имѣющіе въ своемъ говорѣ мѣны *ж*-з, *ш*-с). Въ говорѣ анадырскаго села Маркова (верстъ 1000 съ лишнимъ къ востоку отъ Н.-Колымска) совсѣмъ отсутствуютъ *ш* *ж*: сыпко, сыски, кол'ос (колешъ), саман, зар. коза (кожа),...

ц цв' ч. Прежній согласный ц семейскіе произносятъ твердо. Обнаруживается тенденція къ ослабленію затворнаго элемента: ц $\rightarrow$ ʦ. Въ сочетаніи цв' взрывной элементъ (въ ц) ослабленъ или совсѣмъ утраченъ, а длительный, подъ вліяніемъ слѣдующаго в', является мягкимъ: цв $\rightarrow$ т'с'в' или с'в'; при этомъ с' произносится такимъ же образомъ, какъ всякое другое мягкое с (шепеляво). т'с'в'аточки (Кун), с'в'аточки, с'в'атки (Тарб. Ник.), чир'омуха т'с'вит'от, ш'виточ'ки (парень въ Му-хорш.).

Согласный ч по всей семейщинѣ является мягкимъ согласнымъ. Но образованіе его неодинаково у всѣхъ говорящихъ. И въ этомъ отношеніи расколъ у семейскихъ: старики, дѣды—отцы и молодежь. Нерѣдко и пожилые отцы раздѣляютъ манеру молодежи. При этомъ манера молодого поколѣнія значительнѣе тамъ, гдѣ и въ другихъ отношеніяхъ произошло уклоненіе отъ говора дѣдовъ. Сравнительно съ шепелявениемъ мягкихъ с з' манера молодого поколѣнія въ произношеніи ч слабѣе по своему распространенію среди говорящихъ. Въ произношеніи лицъ старшаго поколѣнія (хотя и не всѣхъ) ч представляетъ аффрикату съ мягкимъ взрывнымъ т, и мягкимъ длительнымъ ш: т'ш'. Мягкость образованія нерѣдко очень значительна; но все же длительный элементъ относится къ ряду мягкихъ ш'. Такое образованіе ч' я наблюдалъ въ Никольскомъ, у стариковъ старухъ, не старыхъ мужиковъ, шепелявившихъ и нешепелявившихъ, и чаще въ Хараузѣ. Въ Хонхолоѣ встрѣтилъ старушку живущую здѣсь послѣ замужства лѣтъ 40; родомъ она изъ Харауза; сохраняетъ ч' и не шепелявитъ. Но и въ этихъ селахъ, какъ и въ прочихъ, многіе произносятъ иначе ч': въ ихъ произношеніи это мягкій слитный согласный, длительный элементъ котораго подходит ближе къ ряду мягкихъ с' (обозначаеъ условно ч^а), иногда ' совсѣмъ совпадаетъ съ с' (обозначаеъ условно ц').

Въ говорѣ лицъ, произносящихъ ч'и, непременно представлены шепелявые с', з'. Такое ч'и известно по всѣмъ селамъ семейскихъ. Въ Мухорш., въ Куналѣ, Тарбаг. при ч'и произносятся и ц'—ч'и оо гавориш, вот ц'оо. ц'о? ч'и ч'и аснаја времяа, ноч'иу крич'и ит' дау'ч'и онка.. (Мухорш.). ч'и атэри карова пра'ин'аит (ц' или ц'и) ч'и ч'и ас, ц'орт (Кун.). Въ Тарбаг. въ говорѣ однихъ и тѣхъ же лицъ ч'и и ч'и. Въ нижней части села ц' (въ этой части а вм. ае въ глаг. фф. т твердый въ оконч. ф. 3 ед. и мн наст.). Женщина изъ Десятникова говоритъ ц': дац'ка цао, луц'и поц'та прибажала. Говоры тамошняго «сибирскаго», старообрядческаго населенія имѣютъ ч'и или ц' (напр. въ с. Саянтуй). По отношенію къ прочимъ русскимъ говорамъ Сибири отмѣтимъ, что ц' вм. ч' говорятъ во многихъ областяхъ ея,—именно тамъ, гдѣ произошло смѣшеніе ш, ж съ с з и гдѣ находятся шепелявые с', з'. Имѣя въ виду эту связь языковыхъ явленій, слѣдуетъ полагать что и передвижка въ рядѣ согласныхъ с, з, с', з', ш, ж и въ ч (ц') произошла здѣсь, въ Сибири, подъ воздѣйствіемъ иноязычнаго элемента. Но, конечно среди великорусскихъ говоровъ Сибири съ ш вм. ч', есть и такіе, которые принесли изъ европейской Россіи эту черту (ц' вм. ч'). И для говора семейскихъ полагаемъ, что ч'и, ц' также развилось здѣсь въ Забайкальѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ факты современнаго языковаго состоянія семейскихъ и «сибиряковъ». Не лишне замѣтить и слѣдующее. Забайкальскіе старообрядцы находились раньше въ ближайшемъ отношеніи со старообрядцами румынской Добруджи,—съ липованами округа Тульчи. тѣ и другіе жили раньше въ одномъ мѣстѣ, въ Стародубѣ и на Вѣткѣ. И до сихъ поръ какъ живущіе за Байкаломъ-моремъ такъ и живущіе у Чернаго моря сохраняютъ еще много общихъ чертъ въ своихъ говорахъ. Говору добруджанскихъ старообрядцевъ ч'и не известно. ч у нихъ также претерпѣлъ измѣненіе, но измѣненіе въ другомъ направленіи,—къ отверднѣнію: значыт'.

чк ич, чн. Въ сочетаніи чк взрывной элементъ въ ч ослабленъ: чк→ч'ш'к, или даже совсѣмъ утраченъ: ш'к. Также ич→и'ш'. или ии'. в'ароваш'ку. т'с'в'ато'ш'ки, рет'ш'ка (Кун.), заимѣ'ш'ки, ш'вито'ш'ки (Мухорш.), лан'ш'ак (Мухорш., Н. Заг.). Вм. чн представлено обычное русское шн: рушник, падрушник, мошна, памесишна жив'от'. Сочетаній съ см вм. шн, какія представлены въ отдѣльныхъ словахъ по всей Сибири (молосной, пиенисной гзсник), у семейскихъ не отмѣчено.

л р. Семейщинѣ известно w вм. л въ концѣ слова и въ срединѣ слова передъ согл. Но w такого происхожденія употребляется совсѣмъ непослѣдовательно: въ говорѣ одного и того же лица можно слышать л и w. Чаще л→w при благоприятныхъ условіяхъ: послѣ лабиализованнаго гласнаго. На вопросъ о томъ, здѣсь ли въ Сибири развивается въ семейщинѣ этотъ процессъ или уже съ w вм. л ихъ предки пришли сюда, мы не можемъ дать опредѣленнаго отвѣта. Замѣтимъ лишь, что въ говорѣ лицъ глубокой старости я не могъ замѣтить употребленіе w←л. И любопытно что въ говорѣ н-заганскаго мужика употреблявшаго послѣдовательно не только шепелявые с' з', но и шепелявые см', з'м' вм. твердыхъ с, з (см. выше), также послѣдовательно проведено w вм. л. Вполнѣ возможно, что и эта манера—сибирскаго происхожденія. (Въ отдѣльныхъ в-русскихъ говорахъ Сибири она отражается). Н. Заг. довгаја, довх, дау'бит', тоу'к, стукатоу'к пау'года пришоу, ходиу, сказау. Иногда произнос. л съ широко-опущенными боками языка,—переходъ къ w. Ник.: довга, довжан раздуу дау. Хар.: ушюу, минуу при—ходил просил и др. Въ одномъ словѣ представлено л вм. в (w): трелога треложыт' (Н. Заг.). Такъ и въ говорѣ «сибиряковъ».

Въ отдѣльныхъ случаяхъ вм. мягкаго р семейскіе произносятъ р, близкое къ твердому или совсѣмъ совпадающее съ твердымъ р. Примѣры такого произношенія

наблюдалъ во всѣхъ селахъ Здѣсь и твердое *p* имѣетъ особое образованіе: оно болѣе раскатисто и болѣе задне, чѣмъ обычное великорусское *p*. Н. Заг.: гавару гаварат, сматру. тры, грэх, брэшыт' из румки, брычка (въ Ник.: бричка), уперот, прама, пры-(приставка), серотка. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ отмѣченъ необыкновенный твердый *p*, а близкій къ нему, съ нѣкоторой длей мягкости:—пирамена, трапар, трапару (*p*—твердый). М. б., иного значенія отвердѣніе *p* въ вервы.. Въ Кун. и—в'ароваш'ку. *p* и въ—крилцо. Ник.: паперок, w перот, читэрох благодаря гавориш, Варка (*p*, близкое къ тверд.). ррепа—значительно выраженное раскатистый *p*. Сюда, м б., относится *p*—у т'урме (въ Мухорш.—у т'ур'ме). Хонх.: сибиряки (съ средней твердостью *p*). «Какъ?»—сибир'аки, берош (тоже средней тверд. *p*), у си ротку (твердый *p*). Тарб.: атапрош, трош, Пис'т'арова (*p*—средней тверд.). Хар.: ре па, w перот (средней тверд. *p*). гавару,—ат (твердый *p*). М. б. иного происхожденія ру въ—бруква. Мухоршиб.: курин'н'а с'липата (*p* средней твердости). Если принять во вниманіе что семейскіе переселились въ Сибирь изъ «Польши», какъ еще до сихъ поръ они сообщаютъ, то можетъ казаться, что твердое *p*—это результатъ вліянія говоровъ бѣлоруссовъ, съ которыми предки семейскихъ астрѣчались до отхода въ Сибирь. Но такое объясненіе не пріемлемо по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ фонетикѣ семейскихъ нѣтъ ничего такого, которое ихъ предки усвоили бы отъ бѣлоруссовъ. Юго-западное вліяніе было, но оно отразилось на нѣкоторыхъ явленіяхъ морфологии и въ лексикѣ. Манера особаго произношенія *p* и отвердѣнія *p'* развивается здѣсь, въ восточной Сибири — развивается въ связи съ такимъ же явленіемъ. переживаемымъ прочими русскими говорами. Отмѣтимъ слѣдующій фактъ фонетики русскихъ говоровъ восточной Сибири: особо-раскатистое *p* и отвердѣніе *p'* наблюдаю и въ самомъ Иркутскѣ, не только въ мѣщанскомъ говорѣ, но и среди интеллигенціи (наперот, парытца, тры, гавару, берош, славар...—средней твердости *p* или совсѣмъ твердое *p*), и въ окрестностяхъ Ирк., и въ Забайк. (въ Селенгинск, Верхнеуд, въ Акиншинскомъ у.у.). Далеко на сѣверо-востокѣ отражается та же черта,—и отражается тамъ послѣдовательно. Въ 80 верстахъ отъ Ледовитаго океана пріютилось по *p*. Индигиркѣ Русское Устье: здѣсь послѣдовательно *p' → p*: до мора. моро, мору, сар (царь), сара, сарыца, запратала, тапер, говорят... То же и дальше къ востоку. на Колымѣ: подрад, рэзко, врэш, говору, врѣма, не додружка—до своего брушка, издрэжет... И еще дальше на востокъ, на Анадырѣ, въ с. Марковѣ: цар, зора, горацка, дрыссот, товарисса, сарат.

—*tje*.—По утратѣ редуцированнаго гласнаго, бывшаго послѣ согласнаго и передъ *j* (или неслоговымъ *i*) оказавшееся сочет—согл.—*j* (или неслог *i*) гласн.—подверглось по говорамъ русскаго языка дальнѣйшему измѣненію. Это измѣненіе состояло въ тѣсной ассимиляціи согласнаго и *j*: вм. сочетанія—согл. + *j*—развивался мягкій согласный съ болѣе длительной артикуляціей, чѣмъ соотвѣтствующій мягкій согласный въ обычномъ образованіи. Этотъ процессъ былъ шире и переживался по слѣдовательнѣе сочетаніями—*n, m, d, l + j*—гл.—Не чужды этому процессу были сочетанія и съ другими согласными. Всѣ славянскіе языки пережили стадію ассимиляціи согл. съ *j* передъ глас. Южная и западная славянщина пережила и дальнѣйшую стадію: упрощеніе артикуляціи этого мягкаго (палат.) согласнаго: онъ становился обычнымъ для даннаго языка мягкимъ согласнымъ, безъ особаго, болѣе длительнаго образованія. На востокѣ славянщины, въ русскомъ языкѣ, также были пережиты разныя стадіи этого процесса въ судьбѣ сочетаній—согл. *j* гл. Процессъ развитія «двойного» мягкаго соглас. былъ общераспространеннымъ на югѣ и на западѣ: въ малор. и бѣлор. нарѣчіяхъ. По областямъ этихъ нарѣчій «двойной» мягкій согласный

замѣнялся обычнымъ мягкимъ согласнымъ. Но невозможно въ этомъ процессѣ измѣненія сочетаній—согл. + j + гл.—видѣть черту, свойственную только этимъ русскимъ говорамъ. Тотъ же процессъ дѣйствовалъ (конечно, независимо отъ малор. и бѣлор.) и въ другихъ русскихъ діалектическихъ областяхъ,—въ отдѣльныхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія. И въ говорахъ Сибири (онъ въ большемъ распространеніи. Напр., въ Енисейскомъ у. (названнѣ, у застолля, съ похмелля селенниціо.), въ Нижнеудинскомъ у Иркут. г. (виселле, божжа мать..) по Ангартъ въ Иркутскѣ (трет.т'а и по аналогіи—треттій, Усол'л'е, плат'т'е, ноч'ч'у). въ Селенгинскомъ у. (свин'н'а весел'л'е, ноч'ч'у). На Колымѣ и дальнѣйшая стадія: н'←—н'н': терп'ня нѣту!—Пережить онъ и говоромъ семейскихъ. Въ настоящее время дѣло въ этомъ отношеніи обстоитъ такимъ образомъ. «Двойные» мягкіе согласные представлены вм. ж, ш, ђ, л ч + j передъ гл. Мягкій «двойной» ж замѣняется иногда обычнымъ мягкимъ ж. Эта замѣна непослѣдовательно проведена. Она чаще обнаруживается въ небрежномъ говореніи. —свин'н'а и свин'а дран'н'о, купан'н'а, курин'н'а, баран'н'а, баран'и сукны, батвин'н'а васкрисен'а, вазнисен'н'а, —н'а, успен'н'а, —н'а, рачен'н'а, жс'о жард'д'о,—мн. жард'а палавод'да пит'т'о трет'т'ак трет'т'а, а по аналогіи и—трет'т'иј, брат'т'а, прут'т'а, плат'т'а, сват'т'а Сочетаніе—ж + j + гл.—также замѣняется посредствомъ болѣе длительного мягкаго ж,—обычно внѣ ударенія; подъ удареніемъ же представленъ и j (неслог. i), хотя и здѣсь ж имѣетъ болѣе длительное обозначеніе, чѣмъ обычное ж: руж'ж'а, руж'ж'а (Ник) а также и съ обычнымъ ж: бож'а. Въ сочетаніяхъ губныхъ согл. съ j + гл. нѣтъ однообразія у говорящихъ. 1) Представлено сочетаніе—губ. + j; губной чаще является мягкимъ но отмѣчалъ и твердость его: п'ју, п'јут', сим'ја, с'ам'јој с'ам'је, зимав'јо; симја, убју, пјут'. 2) Въ тѣхъ же говорахъ наблюдается и слѣдующая стадія: ассимиляція j съ предшествующимъ согласнымъ; произносится мягкій губной съ болѣе длительной артикуляціей (чезъ j); но эта длительность не производитъ акустическаго впечатлѣнія «двойной» мягкой согласной: п'а' (п'а'у). Вм. такого согласнаго произносится и обычный мягкій губ. согл.: п'у, вб'ут', б'от' п'ан'ј жнив'а, варабишки лј + гл.: ил'л'ут' (льютъ), сол'л'у, у патпол'л'а с пахмел'л'а. чј + гл.: кр'уч'ч'а ноч'ч'у.

Изъ явленій ассимиляціи и диссимиляціи. ж—з: зоскаја (жесткая. Хонх.). залеза залезн'ј (повсюду. ш—е: шашник (сошникъ Ник) и сашник Хар.; повсюду—шашнатцат' (шышнатцат'—Тарб. Кун.) шаштој. ж—ж: нима. Но возможно, что въ такомъ видѣ это нарѣчіе приобрѣтено отъ «сибиряковъ»: по всей Сибири старожиле населеніе имѣетъ это нарѣчіе съ ж нимо). ђђ—ђђ: андај (Ник) при обычномъ—аддат'.—б—в: гумага (повсюду въ Сибири). ж смѣнилъ добою б подъ вліяніемъ в въ—грамота тка.

Взаимная перемѣна послѣдовательности артикуляцій р, л: л'аршгја. То же и въ рѣчи Ивана Легостаева изъ Тюмени: лериги (въ его рукоп «Бесѣдословіе», см. выше).

т между с—р: строк, стразу, стругатца (изругаться).

Начало слова. Передъ гласными о, у представленъ w (см. выше). Образованія съ мѣстоименной основой е рѣдко не представлены съ j (или съ неслог. i): ева (эва) евана, за јетэм, за этэм (Н. Заг.); обычно же съ j: јетат, јета, јетых, јета вот барскіи пашни пашли Кун). јели, јез'ли, јежли јесли

Конецъ слова. Губные согласные въ концѣ слова тверды: сем, восим, с'теп, цеп, жер'ап (съ твердымъ губ проникло и передъ глас.: жериба, (Тарб) руп 'одинъ книжный хараузецъ, при стремленіи къ произношенію «рубл'», говоритъ «рубел'»), кровъ (кровь), глып (Ник.), астав! (Ник.). Но въ нарѣчіи въ знач. «отдѣльно»—асоп'

при—асоб'а (Кун, Хонх.). Въ конечномъ сочетаніи *ст* утраченъ взрывной элементъ, а въ *с'т'* тоже утраченъ или еще присутствуетъ въ видѣ слабого образования для взрыва.—мос, рос, 25 в'орс, хфос, п'орс. г'вос', кос' тес'—тес'т', ж'ис'—ж'ис'т', старас' аб'у'жала, шес', шерс', дас' даст'ь, впас', атвес', вэ'ас'—вэ'ас'т', јес'т'—јес' (est). Въ конечномъ сочетаніи *лт* также утрачена взрывная артикуляція: трах (но—на трахту) кантрах.

Въ образованіи формъ имени относительно основы отмѣтимъ слѣдующее: *мол:* съ гласнымъ *о* эта основа проведена и по другимъ падежнымъ формамъ: моху... Съ постоянными *-ен-ик* является—леденик, леденику.. Съ суф. з'н'-[а] представлено образование дарагавиз'н'а, бал'шавиз'н'а. Передвижка основы съ глухимъ согласнымъ вм. звонкаго отъ образований съ суффиксомъ, начинавшимся глухимъ согласнымъ, въ формы, не имѣвшія такого суффикса: воточка. Такъ у всѣхъ сибиряковъ, на востокъ и на западъ. *т* подъ вліяніемъ формъ *вопка*. Такъ же появились *т* вм. *д* въ—лоточка, —ш вм. *ж*: въ лошечка.—*пријомыш*, въ род.—*а*. Это формы для муж. р. Для жен: *пријомыша*—*ы*... (Ник.).

Въ формахъ сущ. муж. Форма род. ед. почти послѣдовательно оканчивается на *-у*; формы на *-а* встрѣчаются очень рѣдко. — *крла* дому, *з* дому, *кола* гораду. *кола* леденику, *кола* лесу, да Бару, да ветру, *з* банку, с карману, с плену, ил'ну, с П'атровск'ва заводу, наз'му свер'ху Тугнују, ат-сујузу, с Урлука, *з* Ыркуцка, *з* јашшыка, ат ыл'да.—От стараго риму—и въ сборн. Давыда старца (XLV. 1797). Форма род. ед. для *ден'* оканчивается на *-и*: с јагор'јиѡа-дни; да Питраѡа—дни. Дат. на *-у*: *дн'у*. Форма мѣстн. ед. м. и ср. оканчивается на *-у* подъ удареніемъ и на *-е* подъ удар. и внѣ ударенія (е, 'а, 'а и): *уѡ* адним даму, *ѡ* каким гаду, *ѡ* пл'ану, *у* пагр'абу, *у* погриби, *у* мир'а (—'а), на-стрицкам хронт'а *у* с'але, на тем конце, *ѡ* Ханхалоје, *у* каким мести, *у* бр'ухи (см. выше). Въ названіяхъ географическихъ на—*сж*— форма мѣстн. имѣетъ не именное окончаніе, а окончаніе фф. прилагат. и мѣстоименій: *ѡ* Ыркуцким, Микол'ским, П'атровским..

Форма имен. мн. муж. обычно на—*и*: сыны, хрес'яны, бур'аты, хаз'аивы; на *-а*: дама, ваза..; на 'а изъ *е* или 'а: цыган'а (Н Заг.). Формами множ. для «канапел'» служатъ «канапли» и «канапл'о». Форма имен. мн. для сред. р. при неударенности послѣдняго слога оканчивается на—*ы* какъ въ муж. р.: сукны, тил'аты ѡкны, дышлы. Въ формѣ род. мн. широко распространено оконч. *оѡ* (ow): дурак'ѡѡ, дам'ѡѡ, ваз'ѡѡ, брат'т'аѡѡ, радитил'ѡѡ, свидетилеѡѡ, коң'ѡѡ аз'ѡраѡ с'анѡѡ, 5 телаѡѡ, ср'аѡѡ твоѡ, пал'ѡѡ (полей) Но для именъ на—*ты* (риб'аты, тил'аты..) форма род. мн.: *риб'ат*, *тил'ат*... На—*ѡѡ* (ow?) въ муж. и ср. оканчивалась ф. род. мн. и въ говорѣ старца Давыда: *друговъ*, от *предогечавъ*, *святителиѡѡ*, *гонитилиѡѡ*, *приданіѡѡ*, *слуг'ѡѡ*, *мѣстовъ* (Сбор XLV. 1797). Род. мн.: *камареј*. Им. и вин. *кони*, род. *коң'ѡѡ*, дат. *коним* тв. *коними*. [мѣстн. *коних?*]. Въ сочетаніи съ «2» форма муж. и ср. оканчивается на *-а*: *два* дома, *два* пал'ца (им. ед.—пол'ца). Но при «разъ» окончанія *а* не имѣется; это слово стало неизмѣннымъ:—*рас*, а то и *два* *рас* То же и по говорамъ «сибиряковъ»: *два* *рас*, *три* *рас* (въ Тобольской губ.). Ср.—ни *рас* ни *была*.— Въ сборн старца Давыда: *рога* *два*; но—*два* *годы* *споловиную* (XLV. 1797).

Окончаніе формы род. ед. жен. р. различно. Къ распредѣленію окончаній по какимъ-нибудь категоріямъ семейщина еще не пришла. Употребляется прежнее окончаніе *ы* въ удар. и внѣудар. (*ы* послѣ *ж*, *з*, *ж*): *са* *свад'бы*, *с* *палавины*, *гары*, *паско-тины*, *новины*, *вады*, *с* *тој* *стараны*, *у* *с'астры* *сидели*, *у* *св'акрухи*, *кѡас* *с* *муки*, *кол* *ыстоки*, *сера* *с* *лѣствини*, *кола* *бани*, *у* *т'ошши*, *ат* *з'амли*. Кромѣ этихъ окончаній въ тѣхъ же селахъ представлены и другія: *ъ* (*е* подъ удар., и 'а внѣ удар.). Это

окончаніе въ большомъ употребленіи, но не въ формахъ съ прежнимъ мягкимъ согласнымъ въ основѣ, а съ твердымъ: ат тэј ст'ане, да самај гр'аде, 25 пудовъ муке (Ник.). кола Н'аве, ат с'астре, кола избе (Н. Заг.). нижа гаре (Кун.), са старане (Хар.), с р'аке (Тарб.). Ударенное *е* распространилось и на прежнія основы на -ъ (изъ *i*): с валасте, да валасте (Н. Заг., Хар.), с тэј паде (Хар.).—с Паск'а, с палавин'а, дарог'а (-'а), с субот а (-'а), э'зим'а. «Съ какихъ поръ?—Изъ-зимы (Мухорш.). Въ сборн. старца Давыда: отъ злои жене. Форма дат.—мѣстн. ед. жен. р. имѣетъ также разныя окончанія: *ы* (*и* послѣ *ж*, *з*, *х*) подѣ удар. и внѣ ударенія, *и* внѣ ударенія, не только въ прежнихъ основахъ съ мягкимъ согласнымъ, но и съ твердымъ; *ь* подѣ удареніемъ (*е*) и внѣ ударенія ('а, 'а, е). Не можемъ сказать съ увѣренностью, то же ли окончаніе отражается въ неударномъ *и*. к с'астры, па какој-небуť цаны (Н. Заг.), дај сираты, говорит' старшыны (Хар., Шеролдай), на чужэј стараны, у нужды и гор'у (Хар.), у Бичуры, аб-малат'бы думал (Ник.), на службы (Ник.) на служби (Тарб.), дал Грахфшы Карпухина, у жуправы (Хар.), к т'ошшы (Мухорш.), ж церкви, к мел'ницы, к жане, ж з'амле (Н. Заг., Ник.), на тэј старане (Хонх), на паск'а (-'а) и на паски, на н'адел'а (-'а) ж бутылк'а, на жоп'а, на литожке, ж д'а-режне! (см. выше). Въ говорѣ старца Давыда также неодинаковое окончаніе имѣли формы дат.—мѣстн. ед. ж.: въ рѣки, земли, ко своей поганни вѣри, ко своей вѣры, въ молитви исусовыи, въ водѣ.

Рядъ формъ съ прежней основой на -ъ (изъ *i*) сталъ употребляться въ формѣ мѣстн. п. съ удареннымъ окончаніемъ *е*: на степе, у валасте, путе, на паде, ж грезе, ж груди на Бр'ане, у часте жив'от'; ср. и нарѣчіе—назаде. Не перевелись въ семейшинѣ и прежнія традиціонныя формы на —*и*: к власти у власти, на степи или—по степи. Возможно полагать что съ окончаніемъ *е* указанныя формы (на степе...) вошли въ семейщину подѣ воздействиемъ говоровъ «сибиряковъ»: въ великорусскихъ говорахъ Сибири во всѣхъ районахъ стараго заселенія. въ широкомъ употребленіи фф. на —*е* въ прежнихъ основахъ на-ъ (*i*). Ср. и звуковой видъ въ другихъ частяхъ этихъ формъ: грезе, съ *е* вм. 'а, какъ въ говорахъ Сибири. Впрочемъ, не лишено возможности и иное положеніе: формы съ окончаніемъ *е* при формахъ со старымъ окончаніемъ *и* появились въ рѣчи предковъ семейскихъ еще до поселенія ихъ въ Сибири. Въ языковомъ отношеніи забайкальскіе старообрядцы находятся въ ближайшемъ отношеніи къ старообрядцамъ Подонья и Добруджи; а въ рѣчи тѣхъ и другихъ имѣются формы на —*е*: на степе.

Въ семейщинѣ «полдень» передается сочетаніемъ —палавина-ден': пришол палавина-ден'.—Въ этомъ сочетаніи «половина» или сохраняетъ еще самостоятельное значеніе (напр.—у палавину-ден'—Ник.) или уже утратило его, тѣсно примкнувъ къ «ден'» (ж читвер'х ж палавина-ден. Н. Заг.).

Говоръ с. Десятникова и въ отношеніи фф. склоненія удался отъ прочей семейщины: тамъ ф. дат. и тв. мн. одинакова, на —*ж*: рукам, нагам, дешки с р'аб'а-там. Такъ передаются эти падежныя отношенія во многихъ говорахъ Сибири.

Мѣстоименія. Форма род.-вин. ед. личныхъ мѣстоименій на -*е*: мине, тибе, сибѣ. Только тарбагатайцы въ числѣ прочихъ заимствованій отъ своихъ сосѣдей «сибиряковъ» взяли и формы этого мѣстоименія на -'а: мин'а, тиб'а, сиб'а. Въ Харауѣ бесѣдовалъ съ однимъ грамотеемъ, который путался въ употребленіи—сибѣ—и—сиб'а—: не только—дли сиб'а— но и—при сиб'а—. Формы на—*е* отражаются и въ сборн. старца Давыда: называли себѣ, оу себѣ... Форма дат.: мине, тибѣ, сибѣ. Такъ и въ Тарб. То же и въ—галасит' аб мине (Мухорш.) и др. Смѣшеніе формъ дат. и

тв. во множ. отсутствуетъ. Только одинъ разъ обратились ко мнѣ мужики въ Н. Заганѣ:—с нам пасидит'а!

Форма имен. муж. въ двойномъ видѣ: жон и јон. Болѣе частое жон смѣняетъ собою, по всей вѣроятности јон: послѣднее слышалъ отъ бабъ и стариковъ. Жен. р. ана. Род.—вин. јажо, јајо (и—ијо); въ Куналеѣ отмѣтилъ и—ије: ије нинајд'ош. Дат. јаму, јеј. Тв. и мѣстн. јом. за јом, с јом у јом; только въ Ник. при—за јом и др. отмѣтилъ и—с јим. Ж. р. јеј. Именит. множ. аны и ане.—аны—въ говорѣ лицъ, менѣе подвергшихся влянію со стороны. Одна пожилая женщина въ Ник., которая обычно говорила аны, разъ сказала съ е, но по тѣсной связи съ аны и остался твердымъ: анэ. За то, что семейщинѣ раньше было свойственно аны, могутъ сказать и ихъ близкіе сородичи въ румынской Добруджѣ, въ Тульч. окр., гдѣ также эта форма имѣетъ видъ аны. Различіе категоріи рода не отражается въ формѣ аны. аны говорилъ и старецъ Давидъ (сборн. XLV. 1797) Форма дат. одинакова съ твор.: им'а за им'а с им'а. На -м'а оканчивается форма дат.—твор. для этого и другихъ мѣстоим. въ великоруск. говорахъ сибиряковъ. Какъ видно, въ сочетаніяхъ формъ этого мѣстоименія съ предлогами и отсутствуетъ. Такъ и въ сборн. XLV. 1797: изъ ихъ, на ихъ...

тој (тотъ)—повсюду. Такъ и въ сборн. XLV. 1797: той кто.. Такъ и въ говорѣ тульчинскихъ старообрядцевъ: той судъ, на той берегъ, той лежитъ, а етой бежить... Твор. и мѣстн. ед. имѣютъ одну форму: тым, с тым, у тым канцу; при такой формѣ существуетъ для мѣстн. и форма съ е съ твердымъ или мягкимъ т: у тэм писме (Н. Заг.), у тем мести (Тарб.), на тем канце (Мухорш.). Жен. ед. таја. Ср. ед. тоја (тоја места..). Такъ и у липованъ Добруджи. Винит. ед. жен. тују: на тују улицу, тују цену; и—на туја сторону (Н. Заг.), и—на туј (Хонх.). У липованъ Добруджи: на тую же площадь, тую пограбилъ. Родит.—дат.—мѣстн. ж. тэј: ат-тэј, па тэј, на тэј, у тэј улицы у бал'шэј—Ср. тотъ же гласный подъ удареніемъ въ соответствующихъ формахъ прилагат. Въ Хонхолоѣ и Мухоршибири при указанныхъ формахъ отмѣчено и съ гласнымъ о: стој стараны, на тој улицы. Имен. множ. тым. Въ Нов. Заганѣ при—тви—употребляется и форма съ гласнымъ е; предшествующій т является твердымъ или мягкимъ: тэи, теи (одни и тѣ же лица). Род. мѣстн. тым. Въ Н. Заганѣ и—тм. Тамъ же и—до сех пор. Дат. тым. Тв. тыми. Такое же образованіе въ рядѣ формъ представляетъ и форма для мѣстоименія «этотъ». Имен. ед. јетат, этъј (Н. Заг.) этој (?Ник.), јета. Тв. за этэм (Н. Заг.) жот тетым камн'ам чикну! (Хар.). Форма мѣстн. въ Тарбаг., какъ у сибиряковъ: ж етим. Въ Хонх.—ж јетам даму (старуха). Множ. јеты, јетми. Такъ и у липованъ Добруджи. Род.—мѣстн. јетым.

чажо, ч'ао, ч'оо, ч'о для род. и вин. Ср. и въ Добруджѣ: чаво пытаешь?

чија, чију (Ник., Тарб.).

мајеј. Употребляются и формы съ о: мајој, свајој, брата мајова (Н. Заг.), мажо братана (Ник.), сважо (Н. Заг.), брату сваму, па тваму (по твоему Н. Заг.), ж сваним агороди (Н. Заг.).—им оканчиваетъ форму мѣстн. ед. для этого и для другихъ мѣстоименій въ говорахъ «сибиряковъ». у жсем Хараузи (Хар.), жс'ој (Мухорш.), Н. Заг.).

ихнѣј, -аја (Н. Заг., Ник.). ихъј, -аја (Хар.). Въ жен. р. и -иха: иха жыс', иха мижа. Также же образ. представляютъ и великор. говоры Сиб. (ихој, ихној иха, ихна). на какэј жулицы (Хар.), какэј, такэј (Кун.). ж каким мести (Хар., Кун., Хонх.). таких—ыми. адно пол'а, другоја пол'а (Мухорш.). аднэј—род.—дат.—мѣстн. (Н. Заг., Кун., Хар.)

ни-днэј кражы (Н. Заг.). **и** аднем (Н. Заг., Ханх., Кун., Тарб., Мухорш.): **и** адним (Мухорш., Н. Заг.). адны (Ник.), адне Мухорш.), адных Ник.).

обе (Кун., Хар., Н. Заг.). **абои** (Ник., Хар.). Различія категорій рода не отражается.

другэј (Ник., Хонх.), **и** другим (Н. Заг.)

н'ахто—никто (Тарб., па какој-небут' цаны (Н. Заг.).

двуми. Въ сборн. старца Давида: **двуми** главами; **трема** перстами.

Прилагательныя. Въ отношеніи основъ: **зараз'**-он: **зараз'**онъј (Ник.). **просо**;—**просываја** **круп**а (пшено. Хонх.). **кур-ин-ја**: **курин'**а **слипата** Мухорш.). **брет**- (см. **брит**-: **сын забрет'ј** Н. Заг.; **т** **твердый** **согл.** въ основахъ: **позној** -аја, **здешн'ј**, **асенн'ј**, **переднаја**, **прежнаја**. Въ такомъ же образованіи съ **твердымъ** **согл.** эти прилагательныя представляютъ великор. говоры Сибири (отмѣчено -поздој).

Окончанія. Семейщинѣ свойственны нестяженныя сочетанія: **краснај пагода**, **плахоја лета**, **краснаја лета**.. Но въ Тарб. часто, въ Куналеѣ и Мухѣрш. рѣже употребляются и формы со стяженными окончаніями, несомнѣнно перенятыми отъ «сибиряковъ». Только **-в'ошна**, **в'ошны**, **-у**: **в'ошну** пахали — не только въ Мухоршиб., но и въ Н. Заганѣ; въ Хараузеѣ и Никольскомъ—**в'ошнују** пахат'. Окончаніе род. — **дат.**—**мѣстн** **ед. ж.** **подъ удареніемъ**—**еј** съ предшествующимъ **т** **твердымъ** **согласнымъ**—**у** **бал'шэј** цѣркви. на чужој стараны, **худэј**.. Окончаніе **мѣстн. ед. муж.** и **ср.**—**и**,—**и**, какъ и въ великор. говорахъ Сибири: **у земским**, **Игнатывым**, на **п**ра-**стым**, **у конишним**. То же окончаніе было и въ говорѣ старца Давида:—**вовторымъ** **мѣсте**, на **кислымъ** **хлѣбѣ** на **которымъ**, во **отпаденіи** **своимъ** (сборн XLV. 1797) Окончаніе **имен.** **множ.** **обычно** **и**, **и**: **худыи**, **сл'апыи**, **чижолыи**, **дарагіи**; **јета** **м**от **барскийи** **пашни** **пашли**. Въ Ник. отмѣчены окончанія **и**, **ија**. Въ сборн. старца Давида: **малыи** **рибятъ**.

Родъ. **јетат** **пис'мо**, **адин** **пис'мо**, **другој** **пис'мо** (въ рѣчи **бабъ**. Н. Заг.) **адин** **сушыла** **продали** (Хар.) **залеза** **какаја** **а** не—**какоја**-) **јес'т'**? (Хонх.).

Изрѣдка встрѣчаются членныя формы **именъ** **существ.** на **-эт**, **-та**, **-ти**.

Глаголь. **Основы** Съ основами **инфинитивовъ** на **е**: **гаварет'** (гаварели...), **кричет'** **кричела** .), **растет'**, **стучет'**. Такъ и въ великор. говорахъ Сибири. **Основа** на **-и**:—**гонит'**: **гонит'** **кони**, **стрелит'** (=выстрѣлить). **Основа** на **-ја**: **куплат'** **Основа** **наст. вр.** перенесена въ основу **инфинитива**: **забрет** (забтели. забрет..), **бл'уват'** (бл'увал..), **с'ас'т'**, **с'ал**.. (Хонх., Тарб.). Это заимствованіе общераспространеннаго въ Сибири образованія; держится и свое: **сел**. **Обобщеніе** **соглас.** **ж**, **з** въ основахъ **наст. вр.** на **е-о**: **т'ак'от**, **тк'от'**, **жг'от'**. Но—**могут'** **Обобщеніе** **вида** **основы** съ **гласнымъ** **темагическимъ** **и** въ **језди**: **јездиит'**, **јездијут'**. Въ основу **наст. вр.** перенесена **основа инф.**: **пајут'**. Въ употребленіи образованія съ **основой** **и**ме: **имет** (беретъ; ср. и **основы** въ **зајмуим'а**— и др. Въ основахъ **наст. вр.** на **-и** **форма** **1 ед.** **имѣетъ** **основу** съ **тѣмъ** же **согласнымъ** **передъ** **окончаніемъ**, какой является въ прочихъ формахъ: **малат'у** **плат'у** **и**скип'ат' **у**, **прихфат'у** **суд'у**, **пасаду**, **кас'у** и **косу** и **кашу** (огъ лица, говорившаго—**малат'у**-), **карм'у**, **куп'у**, **сп'у**.

Окончаніе **3 ед.** и **мн.** **наст. вр.**—**т'** Такое же окончаніе имѣли эти формы и въ говорѣ старца Давида (сборн. XLV. 1797). Но въ с. с. Тарбагатаѣ и Мухоршибири среди прочихъ наносныхъ явленій отражается и черта сибирско-великорусскихъ **говоровъ**—**твердое т**, хотя и эта черта свойственна рѣчи не всѣхъ старообрядцевъ указанныхъ селъ. Въ говорѣ лицъ употребляющихъ формы на **-т**, представлены и другія сѣв.-великорусскія особенности: въ соотвѣтствіи **-ает'**, **-ест'** **непремѣнно** **бу-**

детъ сказано — *ат*, *-ет*: знат, дават, умет. При этомъ въ говорѣ одного и того же лица встрѣчаются иногда подъ-рядъ формы съ *и* и *т*: *знат* и *знаит* и т. п. Изрѣдка попадаютъ формы на *-т* въ говорѣ отдѣльных лицъ и въ другихъ селахъ. Форма безъ *т*: *можа* («можетъ быть»). Гласный передъ *-т*, какъ и въ другихъ формахъ, проведенъ 'о вм. е:—жив'от, насот'. Но въ Н. Заганѣ отъ одной бабы слышалъ: *живет*, въ Куналеѣ: *сабиресси*. Имѣя въ виду послѣдніе примѣры и общій характеръ семейщины, до ея пропитыванія чертами сибирско-великорусскихъ говоровъ, — семейщины, какъ говора южно-великорусскаго, съ вѣроятностью можно полагать, что 'о вм. е. получилось въ связи съ такимъ же гласнымъ въ великорусскихъ говорахъ Сибири. Гласный въ ф. 3 мн. въ неударенномъ конечномъ слогѣ — *у*: *говорут*, *возут*, *сходутца*, *видут*... Такъ и въ сборн. старца Давыда.

Въ Тарбаг. въ употребленіи инфинитива на *-и* съ предшествующимъ согласнымъ основы перенесеннымъ отъ основы наст. вр. (*х*, *г*): *берекчи* *стерекчи* *памакчи*. Такое образ. инфинитива широко распространено по великорусскимъ говорамъ Сибири, — съ запада до далекихъ окраинъ сѣв.-востока: *текчи*, *лекчи*, *берекчи*, *запрекчи*, *бѣкчи*, *жекчи*, *стрикчи* *помокчи*, *волокичи*, *пекчи* и др. Ср. также согласный *х*, а не *г*, въ этихъ сочетаніяхъ, употребляемыхъ тарбагатайскими старообрядцами. Ясно, что и въ этой чертѣ тарбагатайскіе семейскіе пошли за «сибиряками». Въ Куналеѣ также отмѣчено такое образованіе инфинитива, но со своимъ согласнымъ передъ *-и*: *памахчи*. Въ Тарбагатаѣ представлены инфинитивы на *-ти*, которымъ распространено прежнее сочетаніе инфинитивной формы на *и*: *памачти*, *слечти*. Встрѣчаются инфинитивы на *-сти*: *припасти*, *запасти* (Мухорш). Но обычно *с'т' → с'*: *атвеси*, *шпас'* Н. Заг. Кун). Несомнѣнно, отъ «сибиряковъ» позаимствовали семейскіе инфинитивы *жэ'ас' [т']*, отмѣченный во всѣхъ селахъ. Но въ Ник. и Тарб. отмѣтилъ и прежній: *жэ'ат'*. Для объясненія *жэ'ас' [т']* укажемъ что по всѣмъ великорусскимъ говорамъ Сибири сохранено въ формѣ инфинитива сочетаніе *-с'ти* или *с' [г']*: *саети*, *класти*, *жис'*, *попасти*, *кл'асти*... Въ великорусскихъ говорахъ Сибири это *-ти* или *с' [м']*, какъ инфинитивное окончаніе, вытѣснило собою старое окончаніе *-и* послѣ гласнаго корня: *вз'асти* или *взас' [т']*, *достасти*, *добысти*, *убисти*, *дасти*, *брасти* и др. Во всѣхъ селахъ семейскихъ говорятъ *жис' [т']* (ѣсть). Какъ гласный *и* свидѣтельствуетъ, этотъ инфинитивъ взятъ отъ «сибиряковъ».

По всей семейщинѣ употребляются неизмѣняемыя формы причастій (дѣепричастій), въ значеніи сказуемаго: она была устамшы, јон испужамшы, јета усо было закипемшы (покрыто льдомъ). Н'авэска адбимшы (отбилась. Хонх.). атец ум'оршы, нашата канава засрамшы (засорилась. Тарбагатай). хлѣб жэ'амшы, кон' атцэда уз'амшы, пришотчи с плену (пришелъ изъ плѣна). брат уехатчи. Эти причастныя формы употребляются и какъ нарѣчія: *кур'ут'* *кратчи*, *воспу* *прививала* *кратчи*. *што нитселис' р'авемшы?* Въ семейщинѣ встрѣчается нерѣдко въ качествѣ нарѣчія и такое образованіе: *патхад'ава* или — *патхад'ашша* въ знач. «хорошо», «какъ слѣдуетъ». Послѣднее образованіе употребляется въ разныхъ мѣстностяхъ и у «сибиряковъ»: *потход'ашшо* или — *потход'а*. «Какъ у васъ?» — *Потход'ашшо* (или — *потход'а*). Также повсемѣстно, отъ Западной Сибири до Анадыри, въ ходу и нарѣчіе «кратчи». Впрочемъ, у семейскихъ это образованіе могло быть принесено ихъ дѣдами изъ Европы: у ихъ сородичей на Вѣткѣ и въ Добруджѣ также извѣстно оно. И причастіе, въ значеніи сказуемаго, употребительное и въ говорахъ нестарообрядцевъ, представляетъ собою европейское наслѣдство. Какъ нарѣчіе, употребляется «згад'а»: *н'амнога згад'а*.

Въ глаголахъ на *-ся* представлено въ концѣ *с'а* и *си*. Въ сборникѣ старца Да-

выда встрѣчается и см: здѣлалсы, осталсы, наоучалсыбы, оужаснулсы.

Нарѣчія, союзы, частицы. кагда, -ы, тагда, -ы, кажда, тажда, кавда, тавда, када, тада (см. выше). тажно (тогда, потомъ). ап'ат' и апет', лани, ланис', утре, заштр'а, шчара, шчарас'ка, седни, нон'ча и нын'ча. напрок (на тотъ годъ). позда. тапер', тапер'а, таперича; рѣже т'пер', типерича (между прочимъ отъ древняго старика). де, але, иде, де-нибут' (см. выше), назаде, позаде (позади). назат' (назадъ), тутака, тамака, нима (см. выше. кола. аткэл' или аткел' и аткыл', аткул', аткэдыва, аттэл', аттэл'ва, аттыл', аттэда, аттыдыва, атцел', атцеда. пакэл'. куды. суды. скрос'. асоп' и асоб'а. акром'а. скол' -л'ка, -л'ки, -л'ка или скока. стол. тол'ки, -а. тока. ишо. пашто и пошта (почему). такм'а. втун'. пачес' (почти). дишна. шыпка (очень). браша (агурцы растут' браша и т. п.) пушша. најпаче. зашс'а. ка-проста. нахратам (нахрапомъ), на-хфарт (на-хфарт итит'—наудачу итти). аднака (вѣроятно. бытта (безъ особаго значенія; напр.: -јета бытта бат'ка мој—и т. п.). ал'а и ал' (или), ал'ба (или). хуш (хотя), жежели, жежли, јесли, јели језели, јез'ли. кѣли (кѣли ш гости—пагасты ш нас). эва и—эвана (указат.: вонъ, вонъ тамъ) ну! (въ знач. утвердительномъ: «да!»). Баба на улицѣ колотить дѣвчонку. Дѣвчонка вопіеть:.. Ај -шај, н'абуду! (Хонх.) Частица ка: тама-ка, тута-ка, нету-ка, пајду-ка... На многихъ изъ этихъ нарѣчій, союзовъ и частицъ также отражается вліяніе сибирско великорусскихъ говоровъ: апет', напрок тажно, назаде, назат', нима, пачес', за-вс ака проста на хфарт, аднака бытта, ну! (да!) частица—ка.

Изъ семейскаго синтаксиса можемъ отмѣтить только немногое. Форма вин. мн. *кони* употребляется въ значеніи дополненія: наши кони шгат'. кони шгна. ли. пасти кони. пускат' кони. ни видал маих кони? па кони в'алит' итит. При сочетаніи съ «2» обычная великорусская форма на—а: два кон'а. Но -п'ат' кони, многа кони. Ср. и въ говорахъ Сибири: у ково *кони* нѣтъ (Нижеудинск. уѣздъ).

Форма -ската- употребляется въ значеніи прямого дополненія: -кармит' ската, шз'ат' [шз'ас'г'] ската —Такъ и въ говорахъ Сибири (на востокѣ).

Мѣстоименіе -кашо- имѣетъ значеніе «кого» и «чего» («что»). кашо зделаиш? д'адин'ка, кашо н'асош? кашо работат'? кашо ш mine јес' (что у меня есть?). шон н'а знаит' кашо мы јадим. -каво ты дѣлаш -и въ говорахъ Сибири.

Въ сборникѣ старца Давыда (XLV. 1797), при передачѣ дополненія съ предлогомъ, предлогъ употребляется передъ именемъ и передъ относящимся къ существительному прилагательнымъ и мѣстоименіемъ. «къ римскому къ заблуждѣнію, къ проклятымъ ихъ къ ересямъ и къ поганымъ ихъ обычаемъ. отидеть со всеми со своими со служащими со слугами и прилотечими. прибылъ во благочестіи, во христовои въ вѣри, выстиннымъ въ пути и др.

Удареніе. Существ. туча, чишша (чаща), дачка (дочка), пара, 2 пары (пара лошадей, 2 пары; такъ и у сибиряковъ), дума (дума, мысль), ван'ка (вонъ), санжи (—и у сибиряковъ), пакасники, на гару, платину прудит'. Въ сборникѣ старца Давыда: слуги, три перста.

Прилагат. дишавој (—на этомъ слогѣ удареніе и у сибиряковъ), атец роднај, мат' раднаја, нашој, нашој рас (—о- въ этомъ словѣ и у сибиряковъ).

Мѣстоим. тому.

Глаголь. гавориш, -т', гавор'ут', гаворили; прудит', работат', робит, паложыт' (на -ло- удареніе и у сибиряковъ), пакастит' (на -ти- и у сибиряковъ) павернит', пасли, припасла, -ли, шз'али, прадали, жили, было, были. Въ трехъ послѣднихъ случаяхъ удареніе на послѣднемъ слогѣ отмѣчено и въ великорусскихъ говорахъ Сибири. Но удареніе въ указанныхъ формахъ (въ частности въ -было-, -были-)

представлено было и въ говорѣ старца Давыда. Съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ эти формы употребляются и старообрядцами Добруджи. Въ говорѣ старца Давыда удареніе на послѣднемъ слогѣ имѣла и форма 2 л. наст. для нѣкоторыхъ глаголовъ: творите (2 раза на одной стран., 3 ей).

Лексика. а: ал'ба (или). аламус (высохшія мѣста въ полѣ). аргал'ник (растеніе вродѣ «шипишки»,—что растеть по «аргалу», т. е. по сухому навозу, кизяку). бич (кнутъ). бол'ки (нарывы). батвин'ча (квасъ изъ поджаренныхъ отрубей). бравѣ (хорошій),—бравѣ сарахфан; брана (хорошо). братка! (обращеніе къ брату). брехат' (врать). брихна. бричка. бруква (брюква). бул'ба (картофель). бурун (теле-нокъ на 2 ой годъ). бутун (озимый лукъ). в: вервы (веревки) вершина (верховой. ѣдущій верхомъ). винник (виновный). ван'ка (вонь), вон'ки (вонючій). г: гл'анитна (нравится). гнат' злобу (злобствовать). гној (навозъ). гнус (наѣкомья). ганошит', -с'а (готовить, ся). гарабей (воробей). итит' на горло (итти на-проломъ). на грутки лес'т' (силою итти). галупки гуркујут'. гухај (свинья). д: дастат' начал'ника. диваха (дѣвушка). дума (мысль, дума). ж: жопа (кромѣ обычнаго значенія имѣеть значеніе вообще за да ч.-н.; старушка указывая мнѣ на обгорѣлую заднюю часть избы говоритъ: «эвона, жопа абгарела»). журавец (журавль у колодца). л: забит', забит' да смерти, забил бы и о и бросил. загадат' (позвать, оповѣстить, заказать,—зага-дат' на схот загадат падводу. закипит' ил дом (затянется льдомъ), јега ус'о было закипемши (покрыто льдомъ). запан (фартукъ). заплот (заборъ). зарит' (разорять). застин' сел у застин' (въ тѣнь). з'ал'онка или атава зима в'јо. и: иставѣ (настоя-щій). ичиги (видъ сапоговъ) ј: јавку дават' (показаніе давать). јаловка (яловая земля), јеман (козель). к: каз'онка (кладовая). казнит' съ преф с-: сказнит', тибе сказн'у. калтус (уваль съ болотомъ). канејки (вообще деньги, такъ и у алтайскихъ «поляковъ»—старообрядцевъ). кардон или јетап (арестантская). карандус (тарантасъ). клат' (скирдъ). карагот вод'ут', ковал'. каласник, каласница (сарай для колоса, со-ломы). кургашки (ягнята, вино кур'ут'. курма (одежда, см. выше). кучери (см. выше). м: лебеда—либида. леденик (ледникъ, куда кладутъ покойниковъ, подлежащихъ осмотру вскрытію). лемех литовка. (коса). ладон (токъ). ланчак (годовалый жере-бенокъ). н: мат'угом стругатца (по-матерному изругаться). мапатила (дѣньга. морак, марака ход'ут' (дождевая облака ходять). мят—по-нашему дрисн'а, мутырна (за-труднительно). н: наз'ом. хлеп стаит' у народах. итит' натурај (силой). навој (иной). насул'ка (деревянный четырехугольникъ на мордѣ у теленка, чтобы не сосалъ коро-вы). халат на растапашку. настругат' (подговорить, натравить). на шшэт (на-счесть). о: обжа или аглобл'а (по мѣстностямъ; первое напр. въ Куналеѣ, а второе въ Тар-багатаѣ). абиждат' (обижать). абр'ат (нарядъ). дочка д'аг'ми ансадилас'. арала (соха съ однимъ сошникомъ). атворка (форточка). в-аткр'утку кур'ут' (открыто курять). н: падушка (падина). на маих пам'ат'ах. паут. перс[т], персты. пил'насти (заботы). пихтар' (пихтовая деревья). пл'атен'. песни п'ајут',—р'авут'. подморнаја зимл'а (чер-ная, сильно высыхающая почва). пабирушка (нищій). павеки (подволока). памачка (дождемъ). пасел' (выселокъ), паскотина. пасекли паскотину (подрубили паскотину). 25 пасудин хлеба. патужнаја вада (сильная вода), патуга ат-ыл'да. пахфалка пр'асла. пригон (скотный дворъ). прималотнѣј хлеп. л'от преит' (таеть). правалаводит' (про-возиться). карова прапала (издохла) просываја крупа (пшено). простој (пустой не-занятый). прахалоднѣј (прохладный) карова праин'аит' (починаеть). р: рачен'е. р'а-вут' песни. ритават', р'атујт'а, атец думал сына атритават' у бур'ата, паритават' (помочь). рагалы—долгаја т'алега. халат на-расташку. рыпат' (куражиться). с: с'астринец. сејанки (ночвы). сес[т] на-жопу (приподняться изъ лежащаго поло-

женія'. сидет' самагонку (гнать самогонку). итит' на-сило (силою). син'авицы (синяки). слых (слухъ). см'аротнаја јаму приготовили. сопка (оголенный крутой холмъ). ст'ах (шесть). карова стел'на. стин' (тѣнь). стукатолк (стукъ). суслон (куча въ 10 сноповъ). да сутерпу (пока можно терпѣть). т: тавро (печать со знакомъ, которой мѣтятъ лошадь). талина (тальникъ). тваршт' (дѣлать). талмачит' (о ребенкѣ, начинающемъ говорить). т'анигус (подъемъ въ гору). трет'т'ак (жеребенокъ на 3-й годъ). трапит', трафит', трафилас'. наша сила у тук нејд'от'. турит' (гнаться). д'авч'онка захфарала, турусит', кричит'. туесок. тын. у: шупуут (уповодъ). урнак (варнакъ). усвидат', ус'ал (увядать, увяль). ф.х: хфурманка, хурман (видъ повозки). хмарит', — а дажда нету. шутрам хмарна было. на-хратам брат' (нахрапомъ брать). хфарт (удача), на-хфарт итит'. хрушкѣ (крупный). и: цапн'ак (ведро у колодца для черпанья). ч: чај чајлонскѣ. чичаснаја врем'а (настоящее время). и: шшып'аткој (красивый).

И въ словарномъ составѣ отражаются два діалектическихъ пласта: 1) южно-великорусскій, съ нѣкоторой примѣсью заимствованій, сдѣланныхъ на юго-западѣ ¹⁾, и 2) сибирскій, сѣверно-великорусскій. 1) Напр.: брехат', бул'ба, гарабеј, забит', кучери, гној (навозъ), плетен', патужнѣ, ритават', трапит', хмарна, нахратам и нѣкоторыя другія. (Объ ал'ба, пил'насти... см. ниже). 2) Въ словарномъ отношеніи говоры Сибири обобщаются съ говорами сѣв.-востока европейской Россіи: Вологодской, Архангельской, Олонецкой, Пермской, Вятской г.г. Кромѣ того, въ теченіе жизни въ Сибири они развили нѣсколько своихъ образований и заимствовали рядъ словъ отъ другихъ языковъ Сибири. Семейскіе позаимствовали отъ «сибиряковъ» и многое въ отношеніи словаря. Напр.: бутун, ганошты', -с'а, гнус, диваха, заплот, ичиги, калтус, карандаус, литовка, паут, падморнаја зимл'а, сопка, стин, т'анигус, туесок, упуут (уповодъ), шыпишка, хфарт и др. Въ Забайкальѣ же позаимствовали семейскіе рядъ бурятскихъ или монголо-бурятскихъ словъ. Это позаимствование сдѣлано было непосредственно отъ бурятъ, вслѣдствіе своихъ связей съ ними съ первыхъ же лѣтъ поселенія въ Забайкальѣ. Но нѣкоторыя изъ этихъ словъ могли перейти къ семейскимъ и при посредствѣ «сибиряковъ». аргал, аргал'ник (бур. аргһал), бурун (бур. буру; халхасско-монг. біру), гухај (бур. гахаі, гахә—съ долгимъ а), јеман (бур. јаман, халх.-монг. іман), кургашки (хори-бур. хур'иһан, халх.-монг. и селенг. хуриг или хуриһа), курма (халх.-монг. и южно.-монг. курме, курум, хурме хурем, хори-бур. хурмо, -е—съ уближе къ среднему или переднему ряду). Одинаково съ «сибиряками» семейскіе зовутъ бурята «брацкимъ», а бурятку «брачохой» (брачоха), въ почтительно-дружественномъ обращеніи къ буряту они называютъ его «тала», «талаша» (бур. тһала—пріятель).

¹⁾ Такого же происхожденія словарныя заимствования находятся и въ языкѣ старообрядцевъ—«поляковъ» на Алтаѣ, въ Владимирской и Риддерской волостяхъ Змѣиногорскаго округа: т р е б а, х и б а, п о д и в и т ь с я (посмотрѣть) и др. Также одна заимствованная пѣсенка съ чертами языка тѣхъ, отъ кого она была перенята, указываетъ на юго-западъ европейской Россіи:

Сидѣлъ москаль на прилавочкѣ
Призащуривъ очи—
Такъ и видно, что онъ, бѣдный,
Варениковъ хоче.
Хотѣлъ бѣдный москалекъ,
Сталъ женку пытати:
Хозяюшка, голубушка,
Свари мнѣ инъ-то, чу...
—Что, чего тебѣ сварити?..

Пошелъ москаль зъ хаты,
Съ голоду сердитый
Подбѣгаетъ ко ученью,
Сталъ...
Біють, оють москалюку
Вину вспоминають...
(«Записки Зап.-Сиб. Отд.
Р. Г. Об-ва», кн. XXVI, 28, 56-57).

Займствованія изъ языка о б щ е р у с с к а г о, «образованныхъ» классовъ: астрѣцкѣ —братъ убит на стрѣцкам хронт'ѣ. згарнизавалис' (сорганизовались). л'аршгѣ (редигѣ), лебизацѣ и билизацѣ (мобилизацѣ). жэнскѣ полк. распублика,—пар'атку нету. адна распублика; ѡ нас пашла такаѣ распублика! (у липованъ Добруджи болѣе подходящее турецкое слово—калабалык). сур'јос, стали сур'јозничат' (ссориться). начал'ства шшадит' (читать, уважать).

Отвѣтитъ на вопросъ, съ какими русскими говорами семейщина издавна составляла одно языковое цѣлое, затруднительно, вслѣдствіе многихъ діалектическихъ наслоеній, отразившихся на семейщинѣ не только здѣсь, въ Сибири, но и тамъ, въ Европѣ. Легче опредѣлить ту область, гдѣ нѣкоторое время жили предки семейскихъ до переселенія въ Сибирь. Эта область—сѣверная часть Черниговской губ.—Стародубье, или сосѣдній край Могилевской губ.—Вѣтка. Тѣ старообрядцы, которые живутъ и по сіе время тамъ, представляютъ въ своемъ говорѣ всѣ главныя черты, одинаковыя съ говоромъ забайкальскихъ старообрядцевъ, если отвлечь отъ говора послѣднихъ сибирскія наслоенія. Вотъ нѣсколько чертъ говора старообрядцевъ, живущихъ на Вѣткѣ¹⁾. 1) Аканье и яканье такое же, какъ у забайкальцевъ. 2) Длительный согласный *и* или *h*; съ такимъ же *и* «карагод». 3) Употребленіе совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ у забайкальцевъ, неслогового *у*, чередующагося иногда со слоговымъ *у*. 4) *хв* (*хф*?). *хвороба*... 5) *о* → *у*: богуродица, гусподь, виновата. 6) Въ формахъ именъ: дат. ед. жен. на *-ы* съ удареніемъ (kozy); родит. муж. на *-у* (съ дому, удоль карагodu, хмелю). 7) Въ формахъ мѣстоименій и прилагат.: для мѣстнаго муж. ед. окончаніе *ѡм*, *и* (*въ* високомъ терему); оконч. *-ѡ* (*-ѡа*) для род.-вин. ед. м. и ср. (ѡѡ, тѡѡ, свѡѡ...); мине, тѣбе, сѣбе; сложныя формы «этый» (этѣ), [тѣ]; съ гласнымъ *и* мѣстоим. «чѣя». 8) Въ глагольныхъ основахъ: *плѡвать*, *плѡдѣють*, кричать: «Въ Маши сердце не стерпѣло, громкимъ голосомъ кричала» (ср. рѣшѣ въ произношеніи: *ѡла*: стерпѣла—кричала). 9) Окончаніе *тѣ* въ 3 ед. и мн. наст. вр. 10) Причастныя формы въ значеніи сказуемаго («самоваръ закипѣвши»). 11) Предлогъ *с* (*з*) вм. из («съ дому»). 12) Удареніе: *работатѣ*. 13) Изъ словаря: *матка*, *батька*, *бравѣ* («дѣвчоночку бравую, бѣлую румяную»).

Какъ на семейщинѣ отразилось вліяніе Сибири, такъ и на говоры оставшихся ихъ собратіи на Вѣткѣ и въ Стародубѣ продолжали воздѣйствовать говоры тамошнихъ давнихъ поселенцевъ—носителей бѣлорусскаго нарѣчія, смѣшаннаго съ малорусскимъ и слабѣе съ южно-великорусскимъ²⁾. Ср. изъ словаря вѣтковскихъ старообрядцевъ: *жинка*, *коханочка*, *личши* (лучше), *було*, *чи* (чи жива тѡѡѡ семья?), *попытайте* (спросите). Лексическія данныя семейскихъ свидѣлствуютъ также, что предки этихъ старообрядцевъ жили въ Западномъ краѣ, гдѣ былъ силенъ культурный элементъ польскій, отразившійся на лексикѣ тамошнихъ русскихъ (бѣлоруссовъ). Кое-что изъ этихъ займствованій переняли и предки семейскихъ. Словарь семейскихъ сохраняетъ воспоминаніе объ этомъ. Ср. такія слова, употребляемыя и въ настоящее время семейскими: *ал'ба* (или), *пил'насти*,—передачу польскаго *król* въ игрѣ: *ко'рул'*, *ко'рула*; *забит'*, *загадат'* (заказывать, созывать), *з* вм. из. Можетъ быть, по западному семейскіе называютъ кузнеца «ковал'». Впрочемъ то же слово

¹⁾ Пользуемся замѣчаніями и записями, сообщенными И. С. Абрамовымъ въ «Живой Старинѣ» 1907 г., в. III. Къ сожалѣнію, эти замѣчанія очень скудны а записи малоудовлетворительны.

²⁾ Объ этихъ говорахъ см. въ «Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Наукъ», 1910 г., т. XV. кн. 1 и матеріалы въ «Жив. Старинѣ», 1901 г., XI, вв. II—IV («Литвино-Бѣлоруссы Черниг. г.» М. Н. Косичъ), а также записи въ «Варшав. Унив. университетскихъ Извѣстіяхъ» 1914 г., IX.

и съ удареніемъ на первомъ слогѣ) употребляется и на сѣверѣ Россіи, напр., въ Кадниковскомъ у. Вологод. г. 1). Съ запада, вѣроятно, вынесли семейскіе «брычку» («брычку»). «хѣрманку» и тамъ же научились называть сумрачную погоду «хмарной», дождевая облака — «хмарой» (имѣется и сѣв.-великорусское названіе — «марака»).

По вопросу о томъ, изъ какой области предки семейскихъ переселились въ область Польши или къ рубежу ея, укажемъ прежде всего на ближайшее отношеніе говора семейскихъ къ говору старообрядцевъ — липованъ, живущихъ въ румынской Добруджѣ въ округѣ Тульчи. О выходѣ своихъ предковъ изъ «Польшы» и эти старообрядцы какъ и забайкальцы, еще помнятъ 2). Предки и семейскихъ и липованъ принадлежали къ одной діалектической группѣ — *южно-великорусской*. Въ мѣстахъ новаго жительства въ послѣдующее время они восприняли рядъ чертъ другихъ русскихъ діалектовъ: семейскіе отъ сибиряковъ — сѣв.-великоруссовъ или средне-великоруссовъ, а липоване отъ малоруссовъ (напр.: твердое ч, ыр въ «кырчама», какъ на южной окраинѣ Галиціи; шукаемъ чуετε, гарманъ-токъ). Кромѣ указаннаго наслоенія, въ говорахъ этихъ разобщенныхъ старообрядцевъ отразилось вліяніе иноязычное, не славянское: въ Забайкальѣ монголо-бурятское (ср. вышеуказанныя слова), въ Добруджѣ 1) румынское и 2) турецкое; ср., напр., слова, вошедшія въ рѣчь липованъ: 1) амендъ (штрафъ), амендуить (3 ед.), либеръ (свободный), перчепторъ (сборщикъ податей), прехфектъ; 2) бакшишъ (взятка), дескире — пашпортъ по ихнему [по турецкому], ехвендій (господинъ), каймаканъ (см. «каймакамъ» — уѣздный начальникъ), калабалыкъ (безпорядокъ): «у насъ такой калабалыкъ поидетъ — не дай Богъ» (— у семейскихъ, какъ и у «сибиряковъ», для этого служить «распублика»); марафеть (милость). — Рядъ общихъ чертъ въ говорахъ семейскихъ и липованъ въ звукахъ и формахъ отмѣченъ выше, при описаніи говора семейскихъ. Ср. слѣдующія явленія: 1) Одинаковыя замѣны неударенныхъ а, о, е. 2) Неслоговое у, чередующееся съ слоговымъ у, употребляется въ тѣхъ же условіяхъ, какъ у семейскихъ; неслоговое у и см. начальнаго неудареннаго у 3) *хв* см. *ф* ехвендій, прехвектъ). 4) у въ окончаніи родит. ед. (пелену, Дунаю, аменду; *ов* въ оконч. формы родит. мн. (дѣловъ). 5) Въ формахъ мѣстоименій: мине, тебе, себе (род. вин.), той, тую, етой (тотъ, ту, этотъ), етые (им. мн.), етыми; оны. 6) Въ глаголахъ *стрѣлилъ*; займутся; *т'* въ ф. 3 ед. и мн. (волокетъ, спить, хотять, сманютъ, пытають; -'ут' въ неудар. слогѣ формы 3 мн. (сманютъ). 7) Нарѣчія: идѣ, игдѣ; умирали цюже, *шыбо*; скачуть(ь) по степѣ двоѣ *вершино*; откуль, откеда, сколько, столько; коло (коло Ка-лаорману). 8) Лексика и удареніе: батька, брешите (врете), хмара, астрицкіе, было и др.

Липоване Добруджи помнятъ и о томъ, что предки нѣкоторыхъ изъ нихъ переселились въ Добруджу съ Дона. До сихъ поръ еще держится тамъ, хотя и не сильный, «некрасовскій корень». Мѣры Петра Великаго по отношенію къ старообрядцамъ взволновали и донскихъ казаковъ. Къ тому же экономическія тяготы этого времени также безпокоили донцовъ 3). И «тихий» Донъ возмутился. Подъ предводительствомъ

1) «Живая Старина» XIII, в. 1—2, стр. 199.

2) «Мы давно изъ Расей выбѣжали, изъ Стародубья. Дѣдушка мой, покойникъ, еще живъ былъ». В. Г. Короленко. IV, 258.

3) Настроеніе донского казачества такимъ образомъ выражено было въ посланіи Кондратія Булавина къ старшинамъ кубанскихъ казаковъ: «А если царь нашъ не станетъ жаловать, какъ жаловалъ отцовъ нашихъ и дѣдовъ и прадѣдовъ, или станетъ намъ на рѣкѣ какое утѣсненіе чинить и мы войскомъ отъ него отложимся.. и потому мы отъ своего Государя отложимся, что нашу вѣру христіанскую въ Московскомъ царствѣ перевелъ, а у насъ нынѣ отнимаетъ бороды и усы, также и тайные уды у женъ и дѣтей насильно брѣютъ» («Рус. Старина», 1870 г., июль, 7).

Некрасова часть возоставшихъ казаковъ ушла въ 1708 г. на Кубань и отдалась въ крымское подданство. Позднѣе, по взятіи русскими Анапы, некрасовцы переселились въ Турцію, къ устью Дуная.

Съ Дономъ были связи и у семейскихъ до переселенія въ Сибирь и послѣ водворенія въ Забайкальѣ. Въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го столѣтія въ Стародубѣ и около Вѣтки, откуда вышли «дѣды» семейскихъ, жило много старообрядцевъ,—выходцевъ съ Дона. Имѣется, напр., указаніе, что въ началѣ XVIII-го в. около Вѣтки находилась слобода изъ 65 старообрядческихъ дворовъ донскихъ казаковъ¹⁾. Когда старообрядцы поселились въ Забайкальѣ, среди нихъ дѣйствовалъ книжный человекъ Петръ Буровъ, «бывшій казакъ Пятиизбянской станицы» (II-го Донского округа, на правомъ берегу Дона): см. вышестр. 22 Эти связи не ограничивались только общностью «древляго православія»: онѣ простирались и на общность діалектическую. Въ говорахъ старообрядцевъ Забайкалья и Добруджи представлены тѣ же южно-великорусскія черты, что и въ говорахъ населенія вдоль тихаго Дона, въ его верхнемъ и среднемъ бассейнахъ (—въ нижнемъ уже значительно отражается элементъ малорусскій, а отчасти и иноязычный,—греческій). 1) Длительный согласный *з* или *дз* в м. взрывного *з*; длительный задненебный согл. и въ словѣ—горобецъ. 2) То же аканье и яканье. 3) Употребленіе въ одинаковыхъ условіяхъ неслогового *у* въ томъ числѣ и в м. неудареннаго начальнаго *у*. 4) *-жа, -жу* послѣ мягкаго согласнаго, при рѣдкомъ *-жа, -жу*. 5) *хв* (*хф?*¹⁾, *х*. 6) Обобщеніе основъ съ *о* в м. *з* (роту...). 7) Окончаніе *е* въ ф. род. ед. ж. р. (при *м?*; у сестрѣ у Аннѣ. *е* въ формахъ: на степѣ, по грязѣ, въ грязѣ. У низовыхъ казаковъ *степ* и *дроб* (*и*) въ мѣстн. пад. передаются и съ оконч. *у*: на степу, на дробу. Такъ и въ Добруджѣ: на степу, на степѣ. Съ такимъ же гласнымъ (*е*) и нарѣчія: сзадѣ, позадѣ. Окончаніе *-ае, -еа* въ ф. род. мн. не только мужск. и ср., но и женск. (кошковъ, игрушковъ, бутылковъ). 8) Окончаніе мѣстоим. и прилагат. въ ф. род. п. м. и ср. р.—*во* (*ва*). Формы мѣстоименій: мене тебе, себе—род. и вин. (но въ дат.: табе, сабе). яво, яѣ или еѣ; въ винит. и ею. маво, тваво, сваво. оны. 9) *-и, -и* оканчиваютъ форму им. мн. прилагательныхъ. 10) Глагольные основы и окончанія: *пѣдѣють, пѣхѣшь, хожу, крутѣю, прося, чистѣю: -ютъ* въ неуд. окончаніи: ходѣють; неуд. окончаніе 2 л. мн. *-тя* (пуститѣ), *ся* и *си* въ глаголахъ на «ся». 11) Причастныя формы на *-иши* въ знач. сказуемыхъ (наѣмшись, напишишь). 12) Въ нарѣчіяхъ: *ишо* (съ однимъ *и*, при *ишо*), *не- въ—гдѣ-нибудѣ, куда-небудѣ; -идѣ, сколько, столько*. 13) Въ удареніи: *говоришь*. 14) Тѣ же словарныя заимствованія: хмара, хмарить, коваль. Къ сожалѣнію, скудные матеріалы по говорамъ Донской области (въ «Сборн. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Наукъ», т. 68) лишаютъ возможности отмѣтить рядъ другихъ важныхъ параллелей.

Представители «древляго православія» въ Забайкальѣ, на Дону, въ Добруджѣ жили раньше, до «никоніанскихъ нововводствъ», въ мѣстностяхъ, близкихъ одна къ другой, входили въ составъ одной этнической и діалектической группы,—южно-великорусской,—въ области къ югу отъ Москвы, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Тульской, Орловской, Калужской, южной части Рязанской губерній. Сравните діалектологическій матеріалъ изъ этихъ мѣстностей съ данными говоровъ семейскихъ и донскихъ старообрядцевъ въ отношеніи звукового и формальнаго состава, а также лексики. Въ теченіе времени часть этого населенія передвинулась на свободныя земли въ Подоньѣ.

¹⁾ М. И. Лилеевъ. Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв. Киевъ. 1895. 266.

Если названіе забайкальскихъ старообрядцевъ: «семе́йскіе» принесли дѣды ихъ изъ Европы и не представляетъ измѣненія другого названія, то оно можетъ указывать на мѣстоприсхожденіе носителей этого имени: изъ мѣстности, имѣвшей отношеніе къ Семи (Сейму; ср. напр., курскія названія Сейма: Семъ, на Сямъ, за Семью..). Географическія названія отъ «Семи» находятся не только въ областяхъ по близости къ Семи (напр., с. Засемье Тимск. у., Курской г.), но и въ сторонѣ отъ Посемья. Такова слоб. Семейка на правомъ берегу Дона (въ Острогожскомъ у., Воронеж. г.). Но такое происхожденіе своего названія семейскіе забыли и толкуютъ его происходящимъ отъ слова «семья»: «сибиряки» жили въ-одиночку, а ихъ дѣды пришли съ семьями, а потому и прозвались семейскими. Такъ объясняютъ теперь забайкальскіе старообрядцы свое названіе. Такое же толкованіе предлагалъ въ свое время П. А. Ровинскій ¹⁾. Затруднительно согласиться съ такимъ толкованіемъ: ожидалось бы прилагат. «семейные»; суффиксъ же *ск* опредѣляетъ въ данномъ случаѣ отношеніе къ мѣстности, выраженной посредствомъ основы. Но если дѣйствительно отъ «семьи» повелось названіе старообрядцевъ, пришедшихъ въ Забайкалье, то полагаемъ слѣдующее. Сначала они прозваны были здѣсь «семе́йнными». Могу сослаться на указаніе отъ 20-хъ гг. прошлаго столѣтія, принадлежащее А. Мартосу, если онъ только вѣрно передалъ названіе старообрядцевъ. «Старообрядцы пришли сюда семьями, водворены семьями и потому сохранили доселѣ имя «семе́йныхъ» ²⁾. Въ теченіе времени названіе «семейные» замѣнилось названіемъ «семе́йскіе», съ суф. *ск*, чтобы выразить не семейность ихъ (—ею и «сибиряки» обозначались), а географическое опредѣленіе, по аналогіи съ другими географическими названіями съ *-ск-*. Такъ можно объяснить возникновеніе названія «семе́йскіе» вм. «семе́йные». И такая замѣна, если она дѣйствительно имѣла мѣсто, произошла уже до 1830 года. Декабристъ бар. А. Е. Розень, побывавшій вмѣстѣ съ другими декабристами въ этомъ году въ старообрядческихъ селахъ, сообщаетъ между прочимъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: «Здѣсь [въ с. Тарбагатаѣ] и на протяженіи пятидесяти верстъ кругомъ живутъ все *семе́йскіе*» ³⁾. Нѣсколько ниже Розень объясняетъ происхожденіе этого названія: «Имъ позволено было... переселиться въ Сибирь съ женами и дѣтьми, отчего и получили наименованіе Семейныхъ или Семейскихъ». Изъ сообщенія Розена не явствуетъ, чтобы старообрядцевъ тамъ называли «семе́йнными»: это слово употреблено въ запискахъ въ качествѣ поясненія къ слову мѣстному: «семе́йскіе». А это обстоятельство вызываетъ сомнѣніе въ достовѣрности указанія Мартоса: по всей вѣроятности, онъ употребилъ общерусское прилагательное (семе́йные) вм. мѣстнаго названія: «семе́йскіе» —употребилъ въ силу указанной этимологіи⁴⁾.

IV.

Въ предшествующемъ очеркѣ было указано на связь забайкальскихъ старообрядцевъ съ вѣтковскими и стародубскими. Объ этой связи свидѣлствуютъ и данныя языка, и традиція, и черты быта, и письменность забайкальскихъ старообрядцевъ. О языкѣ говорилось выше. О своемъ переселеніи изъ «Польши» до сихъ

¹⁾ Изв. В. С. О. Р. Г. О. 1872, т. III, № 3, 125.

²⁾ Письма о восточной Сибири, Алексѣя Мартоса. М. 1827. 115.

³⁾ Курсивъ записокъ. «Отечеств. Записки». 1876 г., № 4, 410—411.

⁴⁾ Впрочемъ, и въ европейской Россіи встрѣчается прилагат. «семе́йскій» вм. «семе́йный». Такъ въ с. Радошлѣ Московскаго у. («Сборн. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н.» т. 68, стр. 151).

поръ помнятъ семейскіе; только забыли, изъ какихъ именно областей ея. По мѣсту выселенія они назывались раньше «поляками». Такъ называлъ ихъ Палласъ (см. ниже). Подъ этимъ же именемъ они были извѣстны и позднѣе. «Туземцы называютъ ихъ «поляками»,—писалъ декабристъ Якушкинъ¹⁾. Ихъ сородичи на Алтаѣ въ Змѣиногорскомъ и Бійскомъ окр., подъ именемъ «поляковъ» извѣстны до сихъ поръ²⁾. Полнѣе память о мѣстѣ своего исхода сохранялась въ началѣ прошлаго столѣтія. С. Мартосъ, побывавшій въ Тарбагатаѣ, сообщалъ со словъ старообрядцевъ, что они—«жители Стародуба, Добрянки Гомеля»³⁾. Декабристамъ тоже указывали эти старообрядцы на Гомель, а также на Дорогобужъ (Смолен. г.), какъ на области откуда шло переселеніе въ Сибирь⁴⁾. Бытовыми явленіями, своимъ костюмомъ, своими постройками чертами своего характера семейскіе также ближайшіе сородичи стародубскихъ и вѣтковскихъ старообрядцевъ⁵⁾. Въ сохраненіи традиціоннаго костюма забайкальцы оказались тверже своихъ сородичей на западѣ,—въ Черниговской и Могилевской губ. Въ послѣднихъ мѣстностяхъ въ большемъ ходу мѣщанскій, городской костюмъ: см. замѣчанія и снимокъ въ IX-мъ т. «Россіи» (стр. 203—205). На этомъ снимкѣ женщины въ такомъ костюмѣ, который въ Забайкальѣ еще не осмѣливаются надѣть; у мужчинъ такой же костюмъ, какъ и въ Забайкальѣ. Парчевые кокошники, богатые сарафаны бархатные съ золотымъ шитьемъ повойники, мѣховыя накидки («жерелки») и другія старинныя одѣянія нашли себѣ приютъ въ сундукахъ.

Своимъ трудолюбіемъ, рачительностью вѣтковецъ (стародубецъ) и семейскій—родные братья. Не лишне отмѣтить и такую деталь въ характерѣ старообрядцевъ на западѣ, на Вѣткѣ. «Среди населенія Черниговской губ. сложилось мнѣніе о старообрядцахъ (можетъ быть, на основаніи прошлаго), какъ объ опасныхъ, не знающихъ пощады, сосѣдяхъ»⁶⁾. То же самое говорили и говорятъ о семейскихъ. Признаюсь, меня прямо-таки терроризовали передъ отъѣздомъ къ семейскимъ неблагоприятными отзывами о нихъ, сообщавшимися мнѣ разными лицами, имѣвшими отношеніе къ этимъ старообрядцамъ. А заботливыя чины милиціи въ одномъ селѣ не совѣтовали мнѣ входить въ избы другого села, куда я направлялся; даже днемъ по улицѣ этого села будто бы боялся посторонніе проѣзжать, а берутъ направленіе въ сторону отъ этого опаснаго мѣста. Несомнѣнно, поводы для такой аттестаціи имѣлись. Но повторю, я находилъ самый радушный пріемъ у семейскихъ. Подозрительность, замкнутость семейскихъ замѣнялась откровенной бесѣдой, какъ скоро они узнавали, что никакой цѣли, направленной къ угнетенію ихъ, у меня не было. И еще, хотя и незначительная, параллель: вопреки писанію, сильная склонность къ удручаю-

¹⁾ Рус. Архивъ. 1870, № 8—9, 1614.

²⁾ Объ этихъ старообрядцахъ см. въ статьяхъ: М. Швецовою: «Поляки» Змѣиногорскаго округа (Зап. Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. Об-ва, кн. XXVI Омскъ 1899); Г. Д. Гребенщикова: «Рѣка Уба и Убинскіе люди» (Алтайскій сборникъ, т. XI, Барнаулъ, 1912); А. Новоселова: «Отчетъ о поѣздкѣ на Алтай» (Изв. Зап. Сиб. Отд. Р. Г. Об-ва 1913 г., в 2); его же: «Умирающая старина» (Зап. Семипалат. Подъотд. Зап. Сиб. Отд. Р. Г. Об-ва, в X); С. Чудновскаго: «Раскольники на Алтаѣ» (Сѣв. Вѣстникъ, 1890 г., 71—72)

³⁾ Письма 114.

⁴⁾ Записки бар. Розена, 411.

⁵⁾ О Вѣткѣ см. сообщенія И. С. Абрамова: «Старообрядцы на Вѣткѣ». (Живая Старина, 1907, в III). О другихъ старообрядцахъ на западѣ см. нѣкоторыя свѣдѣнія въ IX-мъ т. «Россіи», подъ ред. Семенова, стр. 208—207.

⁶⁾ Абрамовъ. Ibid. 134.

шей ругани. «Необычайно свирѣлую ругань, не употребляемую въ печати», слышалъ И. С. Абрамовъ на Вѣткѣ. Не менѣе свирѣпо сквернословятъ и въ Забайкальѣ.

Рукописныя и печатныя книги забайкальскихъ старообрядцевъ также указываютъ на связь послѣднихъ съ западомъ. Нѣкоторыя забайкальскія рукописи обнаруживаютъ, что ихъ составители пользовались текстами западно-русскихъ писателей, — текстами съ значительными чертами польскаго языка. Изъ печатныхъ книгъ въ Забайкальѣ имѣлись такія, какія были напечатаны, «друкованы» въ области Польши и юго-западной Россіи. Вотъ, напр., старообрядческій забайкальскій рукописный сборникъ (Ирк. Д. Сем. XLV 1806) со статьями о послѣднихъ дняхъ міра, о пришествіи антихриста о страшномъ судѣ. «Выписано изъ многихъ разныхъ книгъ». Тутъ между прочимъ сообщено: «*поваленныя* ризы никому же на пол'зу будутъ. на *цестахъ* плачъ и в домѣхъ плачъ... *цеста* бо путь нарицается» (л. 9). Изъ сборника старца Давыда (Ирк. Д. Сем. XLV 1797): «*платю* антихристово по полской речи пятно, а по рускому печать, которое служитъ его на руцѣ правой и на челѣ своемъ будутъ имѣти». Вотъ еще старообрядческій сборникъ (Ирк. Д. Сем. XLV. 1798). Составитель включилъ въ свою рукопись прямо безъ измѣненія большой важности и глубины отрывокъ от книги Стефана Зизанія, друкованой в' Вильнѣ в' четверть листа, на осмый артикуулъ бызнанъ вѣры. и о антихристѣ. Сумма всѣхъ знаковъ антихристовыхъ тотъ есть розум, хто маеть, нехай зрахоуе личбоу звѣря. а бо вѣмъ личба челоуѣка и личба его есть ббб... еще и третіяго смока оуказоует, мовячи, и видѣлемы изъ оустъ смоковых. изъ устъ «звѣря» и т. д. Въ той же рукописи обличаются «банкеты». — Въ рѣчи старика-татарина въ Н. Заганѣ, родившагося и выросшаго въ этомъ селѣ среди семейскихъ, я отмѣтилъ глаголь «банкетовать». — Ссылки на книги юго-западныхъ писателей встрѣчаются во многихъ сборникахъ забайкальскихъ старообрядцевъ: на требникъ Петра Могилы, на книги Лазаря Барановича, на «апокалиписисъ польскаго нарѣчія», на Кіевскій «діалогизмъ» и др. Въ числѣ книгъ принесенныхъ съ запада, были и западно-русскія рукописи. Таковъ большой сборникъ (безъ заглав. листа и начала) XVIII в. о крестѣ (изъ рукоп. Троицкаго монастыря). Этотъ экземпляръ кончается XI ой главой 3-ей книги (л. 176-й). Передъ каждой главой имѣется по нѣскольку римованныхъ стиховъ. Стихи имѣются и въ срединѣ главъ. Вся книга содержитъ бесѣду, которой Христосъ поучаетъ Ставрофѣлю о крестѣ, его видахъ и крестоношеніяхъ, о значеніи ихъ и размышленія. Языкъ сборника представляетъ въ себѣ отраженія говора малорусскаго, имѣющаго і вм. ѣ и вм. ѥ и: ср. слѣдующія рѣимы съ ѣ и и, съ ѥ и и.

Да здравствуеши тѣломъ вся хочещь. Аще кто хочетъ истый оученикъ мой быти.
носити. Отвергся себе, кре[с]т свой да изволитъ
Но ч[ес]ть, часть д[у]ши болшу, разсуждай носити (л. 52 об.).
имѣти (л. 32 об.).

Книги виленской печати не только читаются, но и переписываются въ Забайкальѣ. Ср. цвѣтникъ, переписанный П. Овчинниковымъ (см. выше).

Когда поселились старообрядцы въ Забайкальѣ? По сообщенію иркутскаго лѣтописца въ декабрѣ 1756 г. они добрались до Иркутска. «Сего[1756] года пришли въ Иркутскъ польскіе старообрядцы для поселенія за Байкаломъ. Ихъ сопровождалъ подполковникъ Ивановъ¹⁾. «Въ декабрѣ мѣсяцѣ, — записано въ другой лѣтописи — въ разныя числа приведены въ Иркутскъ переведенцы [польскіе?] и за ними подполков

¹⁾ «Иркутская лѣтопись», съ предисловіемъ, добавленіями и примѣч. И. И. Серебренникова Ирк. 1911. 75.

никъ Иванъ Ивановъ, кои изъ Иркутска и-отправлены въ Нерчинскъ въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1757 года, подполковникъ отбылъ въ Тобольскъ¹⁾. Инымъ годомъ, болѣе раннимъ опредѣляетъ приходъ семейскихъ въ Забайкалье декабристъ Розенъ В. с. Десятниковъ, по пути изъ Читы въ Петровскій заводъ, 1830 г. декабристы встрѣтили «110 ти лѣтняго бодраго старца, который прибылъ сюда въ числѣ первыхъ Семейскихъ изгнанниковъ въ царствованіе имп. Анны Ивановны въ 1733 г. [?]; ему было тогда 30 лѣтъ отроду; онъ хорошо помнилъ обстоятельства дальняго переселенія и первоначальнаго устройства» (Зап. бар. Розена. 413). Но въ этихъ цифрахъ есть противорѣчіе: если переселеніе было въ 1733 г., то сообщавшему было тогда лѣтъ 12; а если ему было тогда около 30 лѣтъ, то переселеніе происходило позднѣе. Вѣрнѣе, что старикъ припозабылъ годъ переселенія (если это не добавленіе Розена), а не свой возрастъ, и слѣдовательно, это переселеніе относилось къ 50-мъ г.г. XVIII в. Съ этой датой согласуется и Иркутская лѣтопись. Были переселенія старообрядцевъ и въ послѣдующіе годы: въ 1768 и въ 1780²⁾. Въ 1765 году было издано распоряженіе объ отсылкѣ въ Сибирь недобровольно возвращающихся изъ Польши и Литвы бѣглецовъ³⁾. Часть высланныхъ старообрядцевъ была поселена на Алтаѣ. О пути, пройденномъ «польскими» старообрядцами до Забайкалья, Мартосъ, со словъ, вѣроятно старообрядцевъ, сообщилъ, что «они слѣдовали водою изъ Калуги до Верхотурья и продолжали итти далѣе сухимъ путемъ. Въ Тобольскѣ сформировали изъ нихъ два пѣхотныхъ полка: Томской и Селенгинской; остальныхъ затѣмъ раздѣлили надвое: одна часть поселена по Иртышу, другая за Байкаломъ»⁴⁾. Объ этомъ пути помнили забайкальцы еще въ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія. Съ ихъ словъ С. В. Максимовъ записалъ слѣдующій рассказъ. «Народъ собирали въ Калугѣ, гдѣ на берегу Оки за городомъ стояли нарочно-выстроенные амбары (бараки). Въ баракахъ этихъ много перемерло народу. По Окѣ въ Волгу везли на судахъ до Казани. Въ Казани много взяли въ рекруты: цѣлый полкъ потомъ былъ сформированъ изъ семейскихъ въ Тобольскѣ. За Байкалъ пришли уже малыми частями». Перечислено нѣсколько фамилій первыхъ поселенцевъ существующихъ и понынѣ, но съ увеличившимся разъ въ 25 количествомъ членовъ ихъ⁵⁾. О водвореніи семейскихъ, въ частности тарбагатайцевъ, въ Забайкальѣ декабристы узнали слѣдующее: «Прибывъ за Байкалъ въ Верхнеудинскъ, явились тамъ комиссару, который отъ начальства своего имѣлъ повелѣніе поселить ихъ отдѣльно въ пусто-порожней мѣстности. Комиссаръ повелѣ ихъ, въ концѣ великаго поста, въ дремучій лѣсъ по теченію рѣчки Тарбагатай, позволилъ имъ самимъ выбрать мѣсто и обстроиться, какъ угодно, давъ имъ четыре года льготы отъ платежа подушныхъ податей. Каково было удивленіе этого чиновника, когда посѣтилъ ихъ чрезъ два года и увидѣлъ красиво выстроенную деревню, огороды и пашни въ такомъ мѣстѣ, гдѣ за два года былъ непроходимый лѣсъ»⁶⁾. С. В. Максиму семейскіе такъ рассказывали о поселеніи въ Забайкальѣ. «Казна дѣдамъ нашимъ не помогала. Привелъ ихъ на мѣсто (на р. Иро) чиновникъ. Стали его спрашивать: гдѣ жить?—указалъ въ горахъ... Стали

¹⁾ Тамъ же 396.

²⁾ С. В. Максимовъ. Сибирь и каторга. Ч. II, 263.

³⁾ И. В. Щегловъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ жизни Сибири Ирк. 1883.

⁴⁾ С. Мартосъ. Письма о вост. Сибири. М. 1827, 115.

⁵⁾ С. В. Максимовъ. Сибирь и каторга. Ч. I, 353—354.

⁶⁾ Записки бар. Розена. 411.

пытать: Чѣмъ жить? Чиновникъ сказалъ: «А вотъ станете лѣсъ рубить, полетятъ щепки, щепы эти и ѣшьте!» Поблагодарили его, стали лѣсъ рубить. На другой годъ исподволь другъ около друга начинали кое-чѣмъ заниматься, запасаться нужнымъ. На восемь дворовъ одна лошадь приводилась. Поселились. Земля оказалась благодатной. Ожили и повеселѣли. Приѣхалъ знакомый чиновникъ и руками развелъ: «Вы-де еще не подошли? Жаль, очень жаль, а вась-чу! затѣмъ и послали, чтобы вы всѣ перекопали» ¹⁾. Нѣкоторыя свѣдѣнія о поселеніи старообрядцевъ въ Забайкальѣ «по памяти населенія» собраны «Коммиссіей для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайк. области» (Матеріалы, вып. 6, Спб. 1898, стр. 18—21).

Выселеніе старообрядцевъ изъ Вѣтки и изъ близкихъ къ ней мѣстностей было недобровольное. Ср. только-что приведенный рассказъ, изъ котораго видно, что народная традиція виновниковъ переселенія указываетъ въ начальствѣ: оно гнало старообрядцевъ на морь въ Забайкалье. (Не вѣрно только опредѣленіе цѣли изгнанія: уморить оно могло бы и въ другомъ мѣстѣ, не столь отдаленномъ!). Для добровольнаго исхода изъ Вѣтки, славной и богатой въ то время, не было никакихъ основаній. Въ к. XVII-го и въ первой половинѣ XVIII-го в. Стародубье, а затѣмъ Вѣтка представляли духовный центръ старообрядства, метрополію его. «Тоненію въ Великороссіи на старовѣрцы належащу, мнози оставляюще своя отечества течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста» ²⁾. Сюда же и позднѣе стекались для поученія и молитвы старообрядцы со всѣхъ сторонъ Россіи. Экономическое состояніе Стародубья и Вѣтки было на очень высокой ступени ³⁾. Но съ 30-хъ г.г. XVIII-го в. Вѣтка подвергается разгрому со стороны русскихъ властей, желавшихъ задуть цвѣтущее сосредоточіе старообрядства и выгнать ревнителей «древляго благочестія» въ Россію. Извѣстны выгонки 1735 и 1764 г. г.

Дождалися мы жестокой зимы:

Выслали всѣхъ безъ всякой вины,—

вспоминаетъ духовный стихъ о разореніи старообрядческаго Лаврентьева монастыря близъ Гомеля ⁴⁾. Въ одну изъ такихъ выгонокъ попали и предки алтайскихъ и забайкальскихъ старообрядцевъ.

О первыхъ годахъ жизни старообрядцевъ въ Забайкальѣ мы располагаемъ нѣкоторыми свѣдѣніями, сообщенными П. С. Палласомъ ⁵⁾. Съ апрѣля до юня 1772 г. онъ объѣзжалъ съ натуралистической цѣлью Забайкалье. Въ своей поѣздкѣ онъ побывалъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ водворились старообрядцы. Онъ называетъ ихъ «поляками», «польскими колонистами». Такъ называетъ онъ и ихъ собратій на Алтаѣ. Конечно, и самъ Палласъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что они русскіе. Названіе же «поляки» употреблялось по прежнему мѣсту ихъ жительства. Такъ, о «полякахъ» деревни Шеманаиха на р. Убѣ онъ замѣчаетъ:

¹⁾ Сибирь и каторга Ч I. 353

²⁾ А. Щаповъ. Россійскій расколъ старообрядства. Каз. 1859. 324.

³⁾ См. въ изслѣдованіи М. И. Лилеева «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв.» К. 1895, а также въ замѣчаніяхъ В. С. Иконникова въ Киевскихъ «Университ. Извѣстіяхъ», 1897 г. № 4

⁴⁾ Жив. Стар. 1907, в. II. 119.

⁵⁾ P. S. Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Dritter Theil, Vom Jahr 1772 und 1773. St. Petb. 1776.—На разныхъ страницахъ съ 164 до 276. Русскимъ переводомъ (С. Пб. 1788) пользоваться невозможно, вслѣдствіе крайне неудовлетворительнаго качества его. Въ особенности безобразно искажены географич. названія.

«Теперешніе жители—это изъ Польши присланные колонисты которые русскаго происхожденія, языка и старогреческой религіи [altgriechischer Religion] и отцы которыхъ жили въ Подоліи и въ другихъ пограничныхъ польскихъ провинціяхъ». Онъ даетъ чрезвычайно лестный отзывъ объ этихъ колонистахъ ¹⁾. У Палласа мы находимъ очень важныя свѣдѣнія о мѣстахъ, заселенныхъ «поляками» въ Забайкальѣ, о численности дворовъ ихъ въ томъ или иномъ поселкѣ, о хозяйствѣ и ревностномъ трудолюбіи ихъ. Мѣстности, гдѣ находились тогда старообрядцы, тѣ же, гдѣ они, весьма размножившись, трудятся и въ наши дни. Въ деревнѣ Хилоцкой или Харитоновѣ (Chilotskaja oder Charitonowa derewna) у Хилка было ок 30 дворовъ, изъ которыхъ двѣ трети принадлежали старообрядцамъ. Вверхъ по Хилку и по впадающимъ въ него небольшимъ рѣчкамъ были деревни Паркина, Баленгинская, Катангарская, Диптуйская, Кукунская, Кайдабаевская, Нарын-Шибирь или Катаевская, Бѣлопотовская, Малстинская, Сохотоевская, Сардалмская, Песчанская, Уксулуцкая Котюрская, Хоплорская, Буйская Красноярская слобода, Бичурская, Еланская, Мангиртуйская, Сибилдуйская и Хабаровская. По Тугную (Tungui) и по другимъ рѣчкамъ новая слобода Мухоршибирь и деревни Кокуйская, Шаралдаевская (Scharaldaefskaja), Затаганская, Харашибирская, Бурдюковская и Никольское село. Во всѣхъ этихъ поселеніяхъ считалось 450 человѣкъ тамошнихъ мужиковъ и 350 человѣкъ новопоселенныхъ колонистовъ. Въ Тарбагатаѣ имѣлось ок. 40 дворовъ, изъ которыхъ 10 принадлежали польскимъ колонистамъ. Къ Тарбагатаю причислялись деревни Бурнашевка и Михайлевка по Тарбагатаю (Тарбагантею), Пестерева, Султуринская и Куйтунская по Куйтуну, Гайтуринская, Кабалина, Зуевская[я], Красноярова, Захарова, Каленова, Решикова, Сотникова,—всѣ по Селенгѣ, Рупшевка и Иволгинская на Иволгѣ, Барская, Куналейская, Бренская, Хободольская, три деревни Убукунскія и Енгашинская на рѣчкахъ съ такими же названіями. Число жителей во всей этой округѣ состояло изъ 309 мужиковъ и 466 новопоселенныхъ колонистовъ. Въ Куйтунѣ было дворовъ 30 старожиловъ и 44 польскихъ колонистовъ. Никольское было заселено по большей части польскими колонистами. Недалеко отъ Никольскаго расположилась дер. Бурдюковская, «которой нынѣ при новомъ населеніи даютъ названіе Хонхолой по ручью, надъ которымъ она находится. Она нынѣ состоитъ за исключеніемъ четырехъ старыхъ семей, называемыхъ Бурдюковскими (Burdjukofskoi) и задолго здѣсь поселившихся, изъ 28, по большей части трудолюбивыхъ и свѣдущихъ въ хлѣбопашествѣ польскихъ выселенцевъ». Въ дер. Харашибирь, кромѣ старожиловъ, было ок. 50 душъ «новыхъ колонистовъ» («польскихъ»?); «изъ нихъ нѣкоторые еще не построились». Въ Мухоршибирѣ—10 дворовъ старожиловъ. Тутъ же имѣлось и 15 дворовъ присланныхъ «русскихъ колонистовъ», по 3 человѣка въ каждомъ («поляки»?); Въ Шарандаѣ (Scharandaj)—7 старыхъ дворовъ и 12 «сюда пришедшихъ польскихъ эмигрантовъ». Въ слободѣ по р. Чикою—Урлукской съ принадлежащими къ ней деревнями состояло 244 человѣка старожиловъ и 493 колониста. Въ Байхарской слободѣ и въ ея деревняхъ—226 старожиловъ и 123 новыхъ поселянъ. Какое количество изъ этихъ «колонистовъ» приходилось на долю «поляковъ», неизвѣстно. Также неизвѣстно количество «поляковъ» и въ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ относительно всего населенія въ 8 слободахъ «Селенгинской страны»: 2520 старожиловъ и 1534 колониста.

Въ с. Никольскомъ старообрядцы успѣли построить къ этому времени церкви

¹⁾ II, II (1771 г., іюль), 516—517

Была и въ Тарбагатаѣ церковъ, но неизвѣстно чья,—старожиловъ или «поляковъ»¹⁾. Во главѣ волости стоялъ «выборный» или старшина (ein Wybornoi oder Aelteste), котораго выбираютъ всѣ деревни срокомъ на одинъ годъ. Говоря о «польскихъ колонистахъ», Палласъ подчеркиваетъ ихъ необыкновенное трудолюбіе и неутожимую борьбу съ природой въ обработкѣ земли и приспособленіи ея для посѣва. Сѣмена для посѣва нѣкоторые изъ нихъ (въ дер. Хилоцкой прибывшіе сюда лѣтъ 6) получаютъ отъ «старыхъ жителей Иркутской губ. по 2 пуда на каждую десятину ежегодно». Сѣютъ здѣсь ярицу, разводятъ по мѣстамъ и арбузы (Хилоцкая). Эти колонисты успѣли обзавестись уже изряднымъ количествомъ скота. Жалуются только, что сѣна недостаетъ, вслѣдствіе плохого роста травы (Куйтунъ). Холодный климатъ въ сѣверной части Селенгинской области, какъ напр., въ Куйтунѣ, лишаетъ возможно сти сѣять коноплю, гречиху, горохъ, просо, хотя «трудолюбивые поляки все это сначала сѣяли и къ новому посѣву каждый разъ вновь закупали. Теперь имъ розданы гречишныя сѣмена, на разведеніе которыхъ они всѣ силы употребляютъ». Поляки расчищаютъ лѣса подъ пашню. Пашутъ они плугомъ, а не русскою сохою. Нѣкоторыя части этого плуга стоячіи или наклонный сошникъ, служащій для подрѣзыванія корней въ) «введенъ еще прежними русскими мужиками, въ польскихъ лѣсистыхъ мѣстахъ поселившимися». Поляки пытались удобрять навозомъ здѣшнія гористыя мѣста для посѣва; но ничего не вышло: весь посѣвъ сгорѣлъ. «Поляки», по прежнему своему обычаю, молодыхъ ягнятъ обертываютъ холстомъ и зашиваютъ; по утрамъ сначиваютъ ягненка теплою водой и постепенно отпускаютъ холстъ. Такъ продолжается въ теченіе 2—4 недѣль. Когда шерсть довольно подросла и завилась, обертку снимаютъ, а ягненка убиваютъ.

Въ отношеніи условій земледѣльской жизни въ Забайкальѣ уже Палласъ указывалъ на то, что площадь, благопріятная для хлѣбопашества, здѣсь незначительна. Лѣса, безплодныя горы, сырыя долины, осенью застланныя туманомъ, а весною долго покрытыя льдомъ, песчаныя мѣстности занимаютъ большую часть территоріи Селенгинской (Верхнеудинской) области. Къ тому же рано наступающіе холода и часто бывающія засухи губятъ урожай и на плодородныхъ мѣстностяхъ. «Такъ что, кромѣ кочующихъ народовъ, каковы бурята и тунгусы, никакому другому тутъ жить нельзя». Но и этимъ кочующимъ народамъ, занимавшимъ лучшія плодородныя мѣста вдоль рѣки, стало тѣсно, вслѣдствіе ихъ размноженія. А потому, совѣтовалъ Палласъ «надобно бы, по приведеніи здѣшняго хлѣбопашества въ совершенство, нѣкоторую часть здѣшнихъ народовъ перевести въ другія къ хлѣбопашеству неподходящія мѣстности, какъ-то на песчаныя и солончаковыя степи Иртышскія, и въ особенности по Барабѣ».

Прошло 50 лѣтъ послѣ путешествія Палласа. Въ теченіе этого времени семейскіе, благодаря своей энергіи и неутомимому труду, обзавелись хорошими, богатыми домами и отлично обработанными пашнями. Торговля дѣла съ Верхнеудинскомъ, Петровскимъ заводомъ, Кяхтой также значительно способствовали экономическому благосостоянію семейскихъ. Патріархальность уклада семейной жизни, нѣкоторая самостоятельность въ административномъ и церковномъ отношеніяхъ—все это придавало особый, привлекательный оттѣнокъ ихъ жизни, и далеко за предѣлы ихъ мѣстности распространилась молва о «счастливомъ состояніи сихъ переселенцевъ» (Мартосъ). Въ 20 хъ г.г. Мартосъ, въ 1827 и въ 1830 г.г. декабристы, въ 1861 г. С. В.

¹⁾ Если это была церковъ во имя Зосимы и Савватія, то она принадлежала не старообрядцамъ, православнымъ. Она была построена въ 1744 г.; см. въ статьѣ «Историческія замѣтки о забайкальскихъ церквахъ». Иркутск. Епарх. Вѣдомъ 1874 г., № 37, стр. 410.

Максимовъ, въ 1871 г. П. А. Ровинскій съ чрезвычайной похвалой отзывались о семейскихъ, о ихъ трудолюбіи, энергіи, здоровомъ укладѣ жизни (—кромя безплодныхъ разглагольствованій и лицемѣрія ихъ книжниковъ), о превосходствѣ надъ болѣе давними русскими поселенцами—«сибиряками».

Сообщенія Мартоса о Тарбагатаѣ очень панегиричны и возбуждаютъ сомнѣніе въ ихъ соотвѣтствіи дѣйствительности. Вотъ описаніе внутренности дома: изящная мебель краснаго дерева; полы покрыты коврами; большія зеркала въ нарядныхъ рамахъ; часы съ музыкой. Всѣ политическіе и литературные журналы и газеты хозяинъ квартиры—старообрядецъ Федотъ Ивановъ Заиграевъ «исправно» получалъ. Онъ располагалъ «собраніемъ географическихъ картъ, недавно изданныхъ въ С. Петербургѣ, говорилъ, что любить Литературу и сельскія работы» (110—116). Заиграевъ не представлялъ собою обычнаго старообрядца. Это торговый человѣкъ, выдвинувшійся среди своихъ собратій, обставившій себя по-городскому, имѣвшій не только отеческія писанія, но и столичныя «свѣтскія» изданія. Обрисовка обстановки дома Заиграева, данная Мартосомъ, согласуется съ сообщеніемъ и декабристовъ Якушкина и Розена. «Ночью въ Тарбагатаѣ офицеръ разбудилъ меня, снялъ съ меня цѣпи и вывелъ изъ комнаты тайкомъ; потомъ сказалъ, что я увижусь съ Муравьевымъ, и повелъ меня къ Заиграеву, о которомъ упоминаютъ многіе изъ путешественниковъ, описывавшихъ Забайкальскій край. Заиграевъ былъ не глупый и очень зажиточный крестьянинъ. У него въ гостиной была мебель краснаго дерева, въ углу стояли англійскіе столовые часы, и на столѣ, когда мы вошли, лежали Московскія газеты»¹. Это было въ концѣ 1827 года. «Европейскій» приемъ, оказанный Заиграевымъ декабристамъ въ 1830 г., отмѣчаетъ и бар. Розенъ. Въ это время Заиграевъ жилъ уже не въ Тарбагатаѣ, а въ сосѣднемъ селѣ. «Хозяинъ нашъ, Федотъ Ивановичъ Заиграевъ, принялъ насъ по европейски. Онъ нажилъ себѣ большое состояніе подрядами въ Тарбагатаѣ, но непріятности съ начальствомъ заставили его переселиться въ сосѣдную деревню, гдѣ онъ отказался отъ торговыхъ оборотовъ».²

Въ 20-хъ г. г. въ Тарбагатаѣ было уже 2 церкви: свв. Зосимы и Савватія.³), и Николая чудотворца. Эта послѣдняя названа Мартосомъ старообрядческой. (—Позднѣе она была отчислена властями къ единовѣрцамъ. Богатая была церковь, какъ передавали мнѣ. Она находится на верхней, старой улицѣ села).

Изъ декабристовъ бар. А. Е. Розенъ оставилъ въ своихъ запискахъ весьма интересные сообщенія о семейскихъ. При переходѣ изъ Читы въ Петровскій заводъ (въ концѣ августа—въ сентябрѣ 1830 г.) декабристы останавливались въ 3 селахъ старообрядцевъ. (Названы Тарбагатай и Десятниково). Тарбагатай—большое богатое село, съ просторными домами; дома въ нѣсколько горницъ, съ большими окнами, съ тесовыми крышами, съ крытыми крыльцами. «Во дворѣ, подъ навѣсомъ стояли все кованныя телѣги, сбруя была сыромятная, кони были дюжіе и сытые, а люди, люди! ну, право, все молодецъ къ молодцу; красавицы не хуже донскихъ—рослая бѣлолицыя, румяныя. День былъ воскресный; мужчины расхаживали въ синихъ суконныхъ кафтанахъ, женщины—въ душегрѣйкахъ шелковыхъ съ собольими воротниками, въ кокошникахъ, изъ коихъ одинъ лучше другого. Короче сказать, все у нихъ соот-

¹) «Изъ записокъ декабриста Якушкина». «Рус. Архивъ». 1870, № 8—9, 1587—83.

²) «Записки бар. Розена» Отеч. Зап 1876, № 4 413.

³) Нестарообрядческая (сибирская), построена въ 1744 г. см. «Историческія замѣтки о забайкальскихъ церквяхъ». Иркут. Епарх. Вѣдом. 1878 г. № 37, 410

вѣтствовало одно другому: отъ дома до плуга, отъ шапки до сапога, отъ коня до овцы—все показывало довольство, порядокъ, трудолюбіе. «Они не употребляютъ ни табаку, ни чаю, ни вина, ни лекарствъ, все это почитаютъ за грѣхъ; они не прививаютъ оспы, но видно вѣра ихъ крѣпка—ни одного не встрѣтилъ между ними рябого ¹⁾; они—богомольны, прилежно читаютъ священное писаніе и строго соблюдаютъ обряды свои» ²⁾. Семейскіе «народъ сильный и здоровый. Они поддерживаютъ «свою крѣпость, свое здоровье постояннымъ трудомъ и здоровою пищею. Въ мясоѣдъ каждый день имѣютъ говядину или свинину, въ постъ—рыбу». Семейскіе не испытываютъ бѣдности; многіе изъ нихъ очень зажиточны. «Не только въ домѣ и въ амбарѣ видны довольство и обиліе, но и въ сундукахъ хранятся капиталы. Между поселянами нѣсколько хозяевъ нажили до ста тысячъ рублей подрядами и доставками хлѣба, зерномъ и мукою, торговлею съ китайцами; по высокой цѣнѣ продаютъ имъ отборную пшеницу, черныя мерлушки, шкурки черныхъ ягнятъ и овецъ». Въ обработкѣ полей семейскіе представляютъ образецъ для своихъ сосѣдей—сибиряковъ. «Поля и обработка полей представляютъ совершенство, между тѣмъ какъ въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи, селенія и пашни старожиловъ обнаруживаютъ крайнюю бѣдность и разореніе». Семейскіе располагаютъ нѣкоторой свободой въ общественномъ отношеніи; особаго гнета правительственной администраціи они не испытываютъ. «Весь наружный видъ этихъ людей превосходный; они блаженствуютъ, имѣютъ свое общинное правленіе, выбираютъ своихъ старостъ; на мірской сходкѣ раскладываютъ всѣ подати и повинности земскія, никогда не остаются въ долгу, рекрутъ ставятъ исправно. Между ними нѣтъ сословій съ особенными преимуществами; они имѣютъ дѣло только съ исправникомъ и засѣдателемъ, съ которыми умѣютъ ладить». То же довольство семейскихъ наблюдали декабристы и въ Десятниковѣ. Тамъ они встрѣтили 110-лѣтнаго бодрого старца, помниваго обстоятельства переселенія въ Забайкалье. «Старецъ жилъ въ домѣ своего младшаго четвертаго сына, которому было уже за семьдесятъ лѣтъ. Прадѣдъ, хотя уже давно самъ не работалъ, но имѣлъ привычку носить всегда топоръ за поясомъ и рано утромъ самъ будилъ внуковъ на работу. Онъ повелъ меня къ тремъ старшимъ сыновьямъ своимъ, и съ простительнымъ тщеславіемъ показалъ мнѣ, гдѣ для каждого изъ нихъ онъ выстроилъ особенный большой домъ, съ дворами и амбарами, для каждого двора по водяной мельницѣ ³⁾... По богатству и довольству поселянъ мнѣ представлялось, что вижу трудолюбивыхъ русскихъ въ Америкѣ, а не въ Сибири; жители управляютъ сами собою; сами открыли сбытъ своимъ произведеніямъ и будутъ блаженствовать, пока люди безтолковые не станутъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, забывая, что устроенная община, сама управляющаяся въ продолженіи столѣтія, лучше всѣхъ постороннихъ понимаетъ дѣйствительную выгоду свою» ⁴⁾. Въ такомъ же тонѣ отзывались о семейскихъ и другіе

¹⁾ Теперь иначе обстоитъ дѣло: ср. выше.

²⁾ Записки бар Розена. Отеч. Зап. 1876 г., № 4. 411—412.

³⁾ И до сихъ поръ держится эта традиція всею семьей заблаговременно построить домъ или 2—3 дома и снабдить всѣмъ нужнымъ въ хозяйствѣ для очередного выдѣленія; ср. выше.

⁴⁾ Записки бар Розена, «Отеч. Зап.» 1876 г. № 4, 411—414. Раньше эти записки были напечатаны въ Лейпцигѣ въ 1869 году: «Aus den Memorien eines Russischen Landwirths». Выдержки появились на русскомъ языкѣ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1869 г., №№ 269 и 274. На этихъ запискахъ основаны IX, X, XI, главы поэмы Некрасова: «Дѣдушка», напечатанной въ «Отеч. Запискахъ» 1870 г., № 9 (сент.). Та картина Тарбагатая, которую рисуетъ дѣдушка-декабристъ, та характеристика тарбагатайскихъ старообрядцевъ и даже сентенція, которая пред-

декабристы, Якушинъ, Бѣляевъ. «Когда мы приблизились къ Тарбагатаю, передъ нами развернулся чудесный видъ: всѣ покатою горъ, лежащая на югъ, были обработаны съ такимъ тщаніемъ, что нельзя было довольно налюбоваться на нихъ... Жители старовѣрскаго этого селенія вышли къ намъ на встрѣчу въ праздничныхъ своихъ нарядахъ. Мужики были въ синихъ кафтанахъ, и женщины въ шелковыхъ сарафанахъ и кокошникахъ, шитыхъ золотомъ. Это были уже не Сибиряки, а похожіе на подмосковныхъ и Ярославскихъ поселянъ. За Байкаломъ считаютъ около 20000 старо вѣровъ, и туземцы называютъ ихъ поляками.... Въ 1830 г., когда мы проходили Тарбагатай, тамъ считалось болѣе 270 ревизскихъ душъ. Вообще забайкальскіе, болѣею частью, народъ грамотный [!], трезвый, работающій и живущій въ большомъ довольствѣ»¹⁾. О богатствѣ семейскихъ и образцовой обработкѣ полей вспоминалъ и А. П. Бѣляевъ. «Тарбагатайскіе старовѣры были отличные пахари. Земледѣіе было у нихъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, а какъ ихъ мѣстность вообще гористая, то всѣ склоны горъ были воздѣланы съ большимъ тщаніемъ, что насъ очень удивляло и радовало». Бѣляевъ сообщалъ также о томъ, «что многіе изъ людей богаты, выписывали и читали журналы и газеты, интересовались современностью и охотно входили въ религіозные разговоры съ многими изъ нашихъ, которые хорошо знали церковную исторію»²⁾. Но сомнительно, чтобы «многіе» семейскіе выписывали газеты и журналы. Не явилось ли это сообщеніе въ результатѣ общенія Федота Заиграева съ прочими семейскими³⁾?

ставлены въ поэмѣ, совпадаютъ, иногда дословно съ записками Розена. Сравните, напр. слѣдующіе стихи:

Чудо я Саша, видалъ:
Горсточку русскихъ сослалъ
Въ страшную глушь за расколъ,
Волю да землю имъ дали;
Годъ незамѣтно прошель
Вдуть туда комиссары.
Глядь—ужъ деревня стоитъ,
Риги сарай, амбары!
Въ кузницѣ молотъ стучитъ
Ср. сообщенный выше разказъ о поселеніи старообрядцевъ въ Тарбагатаѣ и о посѣщеніи ихъ комиссаромъ.
Такъ постепенно въ полвѣка
Выросъ огромный посадъ—
Воля и трудъ человѣка
Дивныя дивы творятъ!
Все принялось, раздобрѣло!..
Какъ тамъ воздѣланы нивы,
Какъ тамъ обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители бодрѣе всегда,—
Видно—ведется копѣйка!
Бабу тамъ холить мужикъ:
Въ праздникъ на ней душегрѣйка,
Изъ соболей воротникъ! (X).
Дѣти до возраста въ нѣтъ.
Конь—хоть сейчасъ на заводъ,—

Мельницу выстроить скоро;
Ужъ запаслись мужики
Звѣремъ изъ темнаго бора,
Рыбой изъ вольной рѣки
Вновь черезъ годъ побывали,—
Новое чудо нашли:
Жители хлѣбъ собирали
Съ прежде безплодной земли (IX).

Въ кованой прочной телѣгѣ
Сотню пудовъ увезетъ...
Сыты тамъ кони-то, сыты,
Каждый тамъ сыто живетъ,
Тесомъ тамъ избы-то крыты,
Ну, ужъ зато и народъ!
Взрослѣ въ нравахъ суровыхъ,
Сами творятъ они судъ,
Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,
Трезво и честно живутъ
Подати платятъ до срока,—
Только ты имъ не мѣшай.
«Гдѣ жъ та деревня?»—Далеко,
Имя ей: Тарбагатай,
Страшная глушь за Байкаломъ.. (XI).

¹⁾ Изъ записокъ декабриста Якушкина. «Рус. Архивъ», 1870, № 8—9, 1613—1614.

²⁾ Воспоминанія о пережитомъ и пережитомъ. «Рус. Старина», 1881 г., т. XXX 819—820.

³⁾ Изъ другихъ описаній, касающихся семейскихъ, укажемъ слѣдующія. П. А. Ровинскій «Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской области» Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О 1872 г., т. III № 3, т. IV, №№ 2-3 (подъ загл.: «Матеріалы для этнографіи Забайкалья»). Это лучшая статья, посвященная этнографіи семейскихъ. Н. П. Ушаковъ. «Замѣтки о забайкальскихъ»

Сравнивая состояніе семейскихъ до половины прошлаго столѣтія съ состояніемъ ихъ въ настоящее время, наблюдаемъ, что ихъ жизненный укладъ въ общемъ остался прежнимъ: они стараются блюсти преданія своихъ дѣдовъ во всѣхъ отношеніяхъ,— въ отношеніяхъ церкви, семьи, общества. Попрежнему семейскіе неутомимо трудятся въ обработываніи земли и въ веденіи хозяйства. Но на многихъ сторонахъ жизни забайкальскихъ старообрядцевъ отражаются и измѣненія. Нѣтъ того экономическаго благосостоянія, какое приводило въ восторгъ декабристовъ. Давно уже исчезла та самостоятельность въ общественномъ управленіи, какой располагали нѣкогда старообрядцы въ Забайкальѣ. Забыты или обойдены многія правила, чтò утверждались ихъ книгами старопечатными и старописьменными. Есть и хорошія и дурныя стороны въ удаленіи отъ преданій старообрядческаго «житія праведнаго». Хорошее—въ желаніи пріобщиться къ знанію «свѣцкому», такъ пугавшему ихъ отцовъ и книжниковъ. Дурное—въ пониженіи нравственнаго уровня, въ распущенности, какъ реакціи противъ той затхлой атмосферы, которая стала ужъ слишкомъ гнесты при вѣяніи новой жизни. «Зайдите, господинъ, къ намъ, поговорите съ нами,—вы видите, какая жизнь наша»,—задушевно просилъ меня одинъ парень въ Н. Заганѣ. Въ кровавомъ пламени, пылающемъ по великой отчизнѣ нашей, гинетъ и многое изъ роднаго наслѣдства старинны глубокой. И жутко и тяжело въ заревѣ этого пламени людямъ дрѣвляго благочестія.

—«Кому повѣмъ печаль мою»?!....

КЪ СНИМКАМЪ.

За содѣйствіе въ изготовленіи клише и въ литографіи выражаю глубокую благодарность Діонисію Ив. Каленскому и Георгію А. Захарову.

№№ 1—5, 7—9 сняты въ с. Никольскомъ. № 6—снимокъ семейскаго съ Чикоя, взятъ изъ книги Г. М. Осокина: «На границѣ Монголіи». Къ сожалѣнію, не вышло клише со снимка двухъ молодыхъ женщинъ съ Чикоя, наряженныхъ въ свои высокія угловатыя кички: выцвѣтшій отпечатокъ этого снимка я досталъ въ с. Никольскомъ у г. Бутыриной; негативъ же пропалъ у ней. № 10 представляетъ собою снимокъ изъ рукописнаго Апокалипсиса, принадлежащаго бібліотекарю Иркутской городской 6-ки Н. Ст. Романову; см. выше стр. 26. Апокалипсисъ съ многочисленными рисунками, хорошо исполненными различными красками. Образецъ письма этого Апокалипсиса см. на снимкѣ № 11. Снимокъ № 12 представляетъ предисловіе и заглавіе Олонецкихъ (Поморскихъ) отвѣтовъ по рукописному экземпляру Ирк. Дух. Семинаріи, XLV, 1784, см. выше стр. 23-24. №№ 13 ый и 14-ый—снимки изъ рукописнаго сборника старца Давыда, 6-ки Ирк. Д. Сем. XLV. 1797; см. выше стр. 22—23.

старообрядцахъ». Сборникъ газеты «Сибирь» Т. I СПб 1876. Стр 313—333. Статья заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о церковно-религіозной жизни семейскихъ. Разказы Мишла. [М И. Орфанова]. «Въ дали. (Изъ прошлаго)» М 1893. Очеркъ У-ый: У семейскихъ и на Кяхтѣ», незначителенъ по содержанію. Извлеченія были помѣщены въ «Рус Курьеръ» 1882 г., № 208. и въ «Сибири» 1882 г., № 37. Ю. Д. Талько-Грынцевичъ. 1) «Семейскіе въ Забайкальѣ», 2) «Къ антропологіи великороссовъ» цитированы выше (см стр. 6, 7). 3) Къ вопросу объ изученіи фізіологическихъ явленій половой жизни женщинъ въ Забайкальѣ. Труды Троицко-Кяхтинскаго Отд. Приамур Отдѣла Р. Г. О Т. VI, вып I, 1903. Сообщено нѣсколько цифровыхъ данныхъ, относящихся и къ женщинамъ семейскихъ. Г М Осокинъ. «На границѣ Монголіи». СПб. 1906 Въ У-ой главѣ имѣются свѣдѣнія о семейскихъ. «Азіатская Россія». Изд. Переселенческаго управленія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Т. I СПб 1914. Нѣсколько строчекъ о забайкальскихъ старообрядцахъ. На снимкѣ между стр. 180—181 можно видѣть кички семейскихъ женщинъ.

По поводу послѣднихъ снимковъ изъ рукописи старца Давыда и имъ подобныхъ замѣтимъ, что и противная сторона, казалось бы, болѣе просвѣщенная, также прибѣгала къ уродливымъ иллюстрированнымъ обличеніямъ старообрядцевъ. Сравните рисунокъ, гравированный на большомъ листѣ, приложенный къ книгѣ: «Обличеніе неправды раскольнической. Сочиненіе Теофилакта архіеп. Тверскаго». 1745. Въ Москвѣ. Пользуюсь экземпляромъ Иркутской Дух. семинаріи, XLV. 51^{1/15} 1840. Экземп. безъ заглав. листа.—Въ концѣ книги приложено изображеніе «Разныхъ толковъ раскольниковъ російскихъ, обрѣтающихся по разнымъ мѣстамъ. А именно, отъ лѣта 1666-го». Внизу растянулся змѣй двуглавый. Изъ одной пасти выросло древо. На крупныхъ листьяхъ древа прописаны «толки» раскольнические. «Змій изблева свою горестъ и испусти всезлое вѣтвие». За деревомъ видны домики; по другую сторону—человѣкъ съ длинной бородой, съ посохомъ, съ четками. Отъ этого древа вкусилъ Каинъ, Озіа-царь, еретики Арій и Несторій, также и російскіе раскольники. Въ стихотвореніи, которымъ снабжено это изображеніе, имѣется между прочимъ такой призывъ:

Жилища лживыхъ в сей лжи учителей,

Суемудренныхъ пребезумныхъ скотовъ,

Блюстися требѣ всѣмъ црковнымъ чадомъ...

Съ трудомъ вѣрится, что это иллюстрированное стихотвореніе—плодъ представителя высшей іерархіи.

ОПЕЧАТКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

Стран.	8	строка	19	сн.—резуьзтаты—надо—результаты.
»	13	»	18	св.—предметомъ—надо—предметамъ.
»	13	»	13	сн.—обсужеенія—надо—обсужденія.
»	19	»	3	св.—вышить—надо—выпить.
»	21	»	23	сн.—дополнить:—Хранится въ Троицкомъ Селенгинскомъ монастырѣ.
»	22	»	14	св.—1882—надо—1822.
»	22	»	23	св.—Дополнить:—Принадлежить б-къ Ирк. Дух. Семинаріи. XLV. 1797.
»	22	»	3	сн.—мъ—надо—мъ.
»	23	»	19	св.—(изъ Патерика),—надо (изъ Патерика),
»	36	»	22	св.—каѳлическій—надо каѳолическій
»	44	»	3	св.—съ—надо—съ—
»	45	»	23	сн.—стр'ѣл'аг—надо—стр'ѣл'ат'—
»	46	»	1	св.—васкрисен'а, вазнисен'а—надо—васкрисен'а, вазнисен'а.—Надо имѣть въ виду, что и въ рядѣ другихъ случаевъ не вышли значки для выраженія мягкости согласныхъ; это видно по разстоянію, большему, чѣмъ слѣдуетъ между знаками для мягкихъ согласныхъ.
»	47	»	2	сн.—об'ла—надо—бол'а—
»	48	»	7	сн.—сли'с!—надо—сли'с!—
»	50	»	17	св.—л'д—надо—л'од—
»	51	»	13	св.—вым'а—надо—вым'а—
»	51	»	19	св.—уган'ал—надо—уган'ал—
»	52	»	11	сн.—рут'и, рек'и—надо—рут'и, рек'и—
»	53	»	10	св.—на'а—надо—на'а—
»	53	»	22	сн.—с'з—надо—с'з—
»	54	»	2	св.—јес [т']—надо—јес [т']—
»	55	»	4	сн.—д'ащч'онка—надо—д'ащч'онка—
»	57	»	6	сн.—за'јетѣм, за'этѣм—надо—за'јетѣм, «Какъ?»—за'этѣм—
»	57	»	3	сн.—жер'ѣп—надо—жер'ѣп—
»	59	»	11	сн.—палавина-ден—надо—палавина-ден—
»	61	»	14	св.—краснај—надо—краснаја—
»	61	»	13	сн.—т'ак'от—надо—т'ак'от—
»	62	»	15	сн.—ус'о—надо—ус'о—
»	63	»	9	св.—л'к'а—надо—л'к'а—
»	63	»	26	сн.—итит—надо—итит—
»	63	»	5	сн.—робит—надо—робит—
»	64	»	9	св.—брихн'а—надо—брихн'а—
»	64	»	11	св.—ван'ка—надо—ван'ка—
»	64	»	13	св.—на'горло—надо—на'горло—
»	64	»	18	св.—и'о—надо—и'о—
»	64	»	19	св.—ил'дом (аатянется—надо—ил'дом—затянется—
»	64	»	20	сн.—ладон—надо—ладон—
»	64	»	1	сн.—сес[т]—надо—сес[т]—

Во многихъ случаяхъ не вышли при печатаніи занятія, точки, скобки, кавычки.

СѢНРОДѢ БЕСЧИСЛЕНО ИЖЕ ИМѢЮТЪ СОХРАТѢ
ЦРКВОВАНИ ШАЗЫКЪ. СХЦЕЕ. 43

ВОСНУХЪ ВІДѢХЪ ИСѢ НАРОДЪ МНОГЪ. ЕГОТЕ
ИЗЧЕСТИ НИКОГОТЕ МОТЕ. ШВСАКАГО ІА
ЗЫКА ИКОЛѢНА ИЛЮДІИ ИПЛЕІЕНЪ СПО
АЦЕ ПРЕИРГОЛОМЪ. ИПРЕАТНЦЕ ОБЛЕЧЕ
НЫ КРИЗЫ БІБЛІА. ИФІННИЦЫ ВРЖАХЪ ИХЪ
ИВОЗОПІША ГІСО ВЕЛІИ. ГЛЮЩЕ СПІСЕНІЕ СѢ
ДАШАГО НАПРѢОЛѢ БІА НАШЕГО ІАГІЦА.

Слово о послѣднихъ посланіяхъ іеромонаха не-
дѣлѣ. мѣра зарѣка спасенія. и смѣреннаго пра-
ваго и милосерднаго разсужденія. всовершено желаніе
и покорно кланяемся.

же оуго всепреступленіе. и императорское ве-
лѣство повелѣ. Еже стѣхшии правительствѣхъ
юши смѣхъ прихвѣдѣ. Еже съзаконѣхъ пош-
ниши оуказъ оуказѣ. Еже илѣти тѣхъ сна-
ми. оуказѣхъ илѣхъ. илѣхъ. илѣхъ. илѣхъ. илѣхъ.
и безъоуказное разсужденіе. Еже прихвѣдѣ.
и неперѣсти послѣна. Еже оуказѣхъ илѣхъ. Еже
блгочестное и императорское милосердіе сѣ прѣкрѣпное

ЖИВІИ СІВІИ
КОРОСЫ. ИЕРОМОНАХЪ.

НОФІИНА

Очерки
Римской
Глава II =

Ёресь. Брѣво бритїа
 Ёресь. Власокъ на глави
 непоспирженїа
 Ёресь. Іисъ
 Ёресь. Опрадаже икопозанїи дара дха
 Ёресь. щепотїю крестлатса, сирѣчь, при
 остымыи сложенїемъ въпрїебеззаконїю трїицѣ
 акрещенїи сѣблнцуютъ
 Ёресь. птабїкъ
 мнлбїа четператъ
 Ёресь. Келѣно не поклоня
 тославу и҃са въ срѣдѣ и҃патїокъ покесь годъ
 а дѣла дѣхъ ннѣртїанскихъ и҃поганскихъ
 а҃го дха провѣждѣю и҃сходїи и҃шїна
 рѣдъ совершаю на шпреснока по жидовьскомѣ
 а҃нема и҃снслѣ хлѣбѣ
 Ёресь. Іофїн
 Ёресь.
 и҃зъ єдинаго сасѣда єлаѣтъ, въ какомъ сасѣдан
 ѣтъ и҃стогѣже сасѣда и҃пъсовысорматъ
 и҃птакосѣѣ єретниковъ
 Ёрестїи и҃псаконїи ннѣста
 пращєнїахъ, и҃сїнїа
 ннѣвозможно побѣдина
 кенѣ селїатъ на вѣтрѣ целїисає прелюбодѣишиа, сирѣчь рїи
 вѣсѣхъ царствъ рїмскїхъ, сирѣчь вѣсѣхъ мѣстѣ єрестїи чнскихъ,
 вѣрѣчѣашѣ злѣдїю, пѣлнѣ нечестїа вѣсѣхъ єрестїи
 напѣлнннѣ, мѣрзѣстїи
 и҃завѣстїиа

сидели и пусь
молитвы и

СЕ
 РІ. СЕА
 МН ПЛА
 ДЫМ. СРІА
 РЫМСКОА
 ЦАРЕСТВО

СЕ СЕ КІ РІ ПЕСТРЫН І
 СРІА. І РІ РЫМСКО
 ЦАРЕСТІА В СІА
 ЛІА.

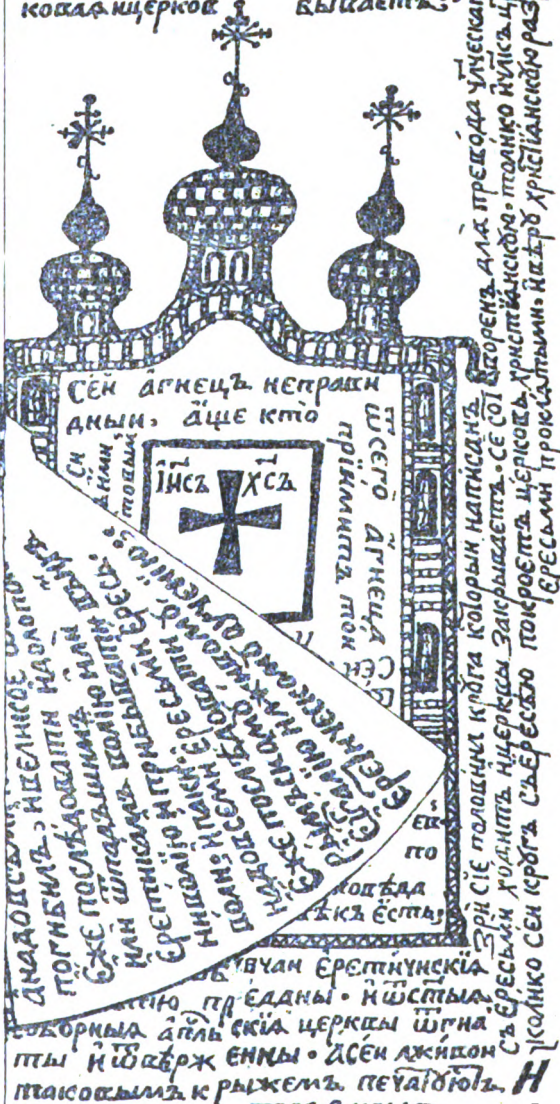
ИЗПОВѢСТІЯ:

СѢ ПРЕСТОЛА ЦРЬ СЛЫШЕ
АНГЕЛЪ СЛОВО ИСЪ ХЪ СЪ НАО
ПЛЪХЪ ПРАДА ПРЕСМОКА
ПЕЧАВЪ ХЪ ПОЖИ ДОА ПРКО
МОУ ПРИКОШЕ НІЕ, ПРИ ПОСАТЪ
ОБУЧАЮ

СЕРДЦА ДВОИНА. СМЕРТЬ СВЕЩЕННИЧЕСТВО
 РАСПОЛОЖЕНІЯ ИСАИЯ. СМЕРТЬ,
 ПРИНАШЕНІЯ ЖЕРТВА ТѢЛА ИКРОВА
 ГДА НАШЕГО ІС ХРІСТА ПОГАННЫМЪ
 СЛОВЕСИ КОГДА ВОЗМЕСИТСА
 СЕДМІТА НА СТРЮ ВЕЛИКОЕ ПРЕЛО
 И ПРАВОСЛАВНЫ ЧЕЛОВѣЦИ

ИСПЕСТИТЕ МНОГИМИ
РАЗЛИЧНЫМИ СРЕДСТВАМИ
БОДЕЙНИКОВ СРЪБЪ ВЪН СРЕТНИЦА

И СЯ мнѣ мѣждоу рымского епанглы
ахнаго поща-погибныи пажынь ехую;
зри оскла сина, бѣресежа
швѣдъ маха. паккингтен
листа.

[illegible]

102. **Н**колько сен крѣзь съберешо покроешь цѣрковь хрїстіанскую, толико нѣмъ цѣ
 рьсьи хвалить нѣркъсы закрывають. се соі цѣрєнь для прешѣдо улѣнскѣ
 цѣрѣ сїе положилъ крѣга когорымъ написанъ

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 06818 9797

BOUND

JUN 15 1943

**UNIV. OF MICH.
LIBRARY**

